

"Любовь в полдень"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

OCR & SpellCheck: Etariel

Лиза Клейпас «Любовь в полдень»: АСТ, Астрель, Полиграфиздат; Москва; 2011

Оригинальное название: Lisa Kleypas «Love In The Afternoon», 2010

ISBN 978-5-17-076020-6, 978-5-271-39452-2, 978-5-4215-2854-8

Перевод: Т.А. Осиной

Пролог

«Капитану Кристоферу Фелану

Стрелковая бригада, 1-й батальон

Мыс Мапан, Крым

Июнь 1855 года

Дорогой Кристофер.

Я больше не могу вам писать.

Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете.

Я не собиралась сочинять любовные послания, но так получилось. По пути слова сами собой превратились в запечатленные на бумаге удары сердца.

Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Глава 1

Все началось с письма.

Если вдаваться в подробности, то следует пояснить, что речь в письме шла о собаке.

— Так что же это за собака? — спросила Беатрикс Хатауэй. — Хозяин у нее есть?

Пруденс, первая красавица графства Гемпшир и подруга Беатрикс, подняла глаза от письма поклонника, капитана Кристофера Фелана.

Правила хорошего тона диктовали, что джентльмену не пристало вступать в переписку с незамужней молодой леди, и все же письма исправно курсировали благодаря посредничеству невестки Кристофера.

— Право, Беа, судьба собаки интересует тебя острее, чем благополучие самого мистера Фелана. — Пруденс шутливо нахмурилась.

— Капитан Фелан в моем участии не нуждается, — деловито возразила Беатрикс. — Все невесты Гемпшира обильно осыпают красавца знаками внимания. К тому же он предпочел отправиться на войну и теперь наверняка отлично проводит время и с удовольствием разгуливает в новеньком щегольском мундире.

— И вовсе он не щегольской, — последовал мрачный ответ. — В том-то и дело, что мундиры в новом полку просто ужасны: темно-зеленые, с черными обшлагами и черным воротником. Ни золотого шитья, ни яркой строчки — ничего! Когда я спросила, зачем это, капитан объяснил, что темная форма помогает остаться незаметным. Полная бессмыслица: каждый знает, что британский солдат слишком храбр и горд, чтобы прятаться во время сражения. Но Кристофер, то есть капитан Фелан, сказал, что необходимо... кажется, он произнес какое-то трудное французское слово...

— Может быть, камуфляж? — подсказала Беатрикс.

— Точно! А ты откуда знаешь?

— Многие животные пользуются камуфляжем, чтобы прятаться от опасных врагов. Например, хамелеоны меняют цвет. А крылья совы покрыты пестрыми пятнами, под цвет древесной коры. Таким образом, получается, что...

— Ради Бога, только не начинай очередную лекцию о животных!

— Согласна замолчать лишь в том случае, если расскажешь о собаке.

Пруденс протянула письмо:

— Возьми и прочитай сама.

— Нельзя! — запротестовала Беатрикс, с опаской принимая небольшие аккуратные страницы. — Что, если капитан Фелан написал что-нибудь личное?

— Если бы он написал, я была бы просто счастлива! К сожалению, сплошной мрак: ничего,

кроме сражений и дурных новостей.

Беатрикс совсем не испытывала желания защищать капитана, но все-таки справедливости ради сочла нужным уточнить:

— Но ведь он на войне, в Крыму. Вряд ли боевые действия доставляют массу приятных впечатлений.

— Ну а я никогда не интересовалась и не интересуюсь чужими странами и даже не пытаюсь притворяться.

Подруга улыбнулась:

— Послушай, Пру, ты уверена, что действительно хочешь стать женой военного?

— Само собой... большинство офицеров никогда не воюют, а остаются в городе и ведут светскую жизнь. Ну а если они соглашаются получать половину жалованья, то и вообще не имеют почти никаких служебных обязанностей и даже не должны проводить время в полку. И капитан Фелан ничем не отличался от других, пока не получил приказ отправиться воевать за границу. — Пруденс пожала плечами. — По-моему, войны всегда случаются некстати. Одно утешает: скоро Кристофер вернется в Гемпшир.

— Правда? Почему ты так думаешь?

— Родители говорят, что война закончится к Рождеству.

— Честно говоря, я тоже об этом слышала. Вот только не преувеличиваем ли мы собственную силу и не преуменьшаем ли возможности русских?

— Фу, как непатриотично! — возмущенно воскликнула Пруденс, не считая нужным спрятать иронию.

— Патриотизм не имеет отношения к тому факту, что военное ведомство в порыве энтузиазма отправило в Крым тридцать тысяч солдат, но не потрудились заранее подготовить кампанию. В итоге наши генералы не могут похвастаться ни знанием местности, ни зрелым стратегическим планом действий.

— Откуда тебе все это известно?

— Регулярно читаю «Таймс». Там каждый день печатают подробный анализ событий. А ты газетами не интересуешься?

— Если и интересуюсь, то только не политикой. Родители говорят, что молодая леди не должна забивать голову подобными проблемами.

— А у нас дома мировые события давно принято обсуждать за ужином, и мы с сестрами непременно участвуем в разговоре. — Беатрикс помолчала и с хитрой улыбкой добавила: — Иногда даже позволяем себе иметь собственное мнение.

Пруденс искренне возмутилась:

— Какой ужас! Что ж, стоит ли удивляться? Все знают, что ваша семья... «другая».

«Другая». Как правило, члены семьи Хатауэй получали не столь мягкие характеристики.

Четыре сестры и брат жили вместе. Хозяином дома считался единственный мужчина, Лео, а в подчинении у него находился небольшой женский отряд: Амелия, Уинифред, Поппи и Беатрикс. После смерти родителей семейство пережило неожиданный и невероятный зигзаг судьбы: внезапно обнаружилось дальнейшее родство с аристократической ветвью старинного рода, и в результате целого ряда непредвиденных событий Лео унаследовал титул виконта Рамзи, к которому ни он сам, ни сестры не были готовы даже отдаленно. Первым серьезным изменением стал переезд из маленького местечка под названием Примроуз в поместье Рамзи, расположенное на юге Англии, в графстве Гемпшир.

За шесть лет новообращенным аристократам удалось собрать и систематизировать знания, необходимые для безболезненного существования в так называемом благородном обществе. И все же никто из пятерых так и не смог перенять аристократический образ мыслей, приобрести подходящие положению взгляды на жизнь и довести до автоматизма изысканные манеры. Виконт и красавицы сестры получили огромное состояние, однако к земле и деньгам не прилагалось ни внушительной родословной, ни полезных связей. Оказавшись в столь шатком, двусмысленном положении, любая другая семья попыталась бы исправить ситуацию выгодными браками, однако Хатауэи издавна женились и выходили замуж исключительно по любви.

Ну а что касается будущего младшей из сестер, то после четырех светских сезонов, проведенных в Лондоне, ее склонность к замужеству вообще стала вызывать большие сомнения. Беатрикс вела полудикий образ жизни и значительную часть времени проводила в лесах, полях и болотах Гемпшира — с равным успехом ездил верхом и ходила пешком. Обществу людей она открыто предпочитала дружбу с четвероногими, хвостатыми и крылатыми: постоянно подбирала больных и осиротевших животных, лечила, выхаживала, воспитывала. Те из питомцев, которые не могли вернуться в родную стихию, оставались в поместье и пользовались неусыпной заботой хозяйки. Среди деревьев, зверей и птиц мисс Хатауэй чувствовала себя счастливой и необходимой, а вот в личной жизни обстоятельства складывались не столь идеально.

Все чаще грызло неумное, томящее душу чувство неудовлетворенности, нередко перетекавшее в черную тоску. Основная проблема заключалась в том, что никак не удавалось встретить «своего» человека. В лондонских гостиных обитали бледные, рафинированные мужские особи, не вызывавшие иных чувств, кроме жалости. В деревне мужчины проявляли больше признаков жизни и даже умели казаться интересными, однако никто из них не обладал даже малой толикой того не поддающегося названию магического притягательного начала, о котором так мечтала Беатрикс. Она искала человека, равного себе по остроте чувств и силе воли. Хотела самозабвенной любви... страсти... сражений и побед.

Мисс Хатауэй посмотрела на сложенное письмо.

Нельзя сказать, что она плохо относилась к Кристоферу Фелану — скорее, сознавала, что джентльмен представляет полную противоположность ей самой. Прекрасно воспитанный светский молодой человек естественно, без тени напряжения вращался в том кругу, где она чувствовала себя чужой, а порой и лишней. Вырос он в весьма состоятельной семье: дед по материнской линии носил графский титул, а семья отца занималась корабельным бизнесом и заработала значительный капитал.

Хотя семейство Феланов не могло претендовать на древний аристократический герб, старшему из двух сыновей, Джону, после смерти деда предстояло унаследовать старинное родовое поместье Ривертон, расположенное в графстве Уорикшир. Джон с детства проявлял похвальную рассудительность, а женившись, стал прекрасным семьянином и любящим мужем,

готовым исполнить любое желание супруги Одри.

Кристофер вырос человеком совсем другого склада. Как часто случалось с младшими сыновьями, в возрасте двадцати двух лет он приобрел патент на офицерский чин и поступил в армию корнетом — лучшее занятие для молодого красавца, особенно если учесть, что его главной служебной обязанностью было везти знамя кавалерии во время парадов и строевых учений. Лондонские дамы обожали блестящего военного, а он не перегружал себя излишней заботой о формальностях, то и дело покидал расположение полка и с удовольствием проводил время в танцах, пирушках, азартных играх, мотовстве и скандальных любовных приключениях.

Беатрикс видела Кристофера дважды. Первая встреча состоялась на танцах в Стоуни-Кросс, и впечатление оказалось крайне неблагоприятным: более дерзкого и самоуверенного человека не удалось бы найти во всем Гемпшире. Ну а во второй раз довелось вместе провести время на пикнике, и мнение ее изменилось в худшую сторону: мистер Фелан приобрел звание самого дерзкого и самоуверенного человека на всем белом свете. Дело в том, что Беатрикс случайно подслушала разговор Кристофера с одним из приятелей.

— Странная особа эта мисс Хатауэй, — заметил он.

— А мне она кажется милой и оригинальной, — возразил собеседник. — И о лошадях рассуждает со знанием дела; ни одна из молодых дам не сможет с ней сравниться.

— Ничего удивительного, — сухо отозвался Фелан. — В конюшне эта особа выглядела бы более уместно, чем в гостиной.

С тех пор мисс Хатауэй старалась держаться подальше от корнета. И дело даже не в том, что сравнение с лошастью показалось обидным: ничего подобного. Лошади — чудесные животные, преданные и благородные. Кроме того, Беатрикс сознавала, что, не отличаясь яркой красотой, обладает немалым обаянием. Джентльмены не раз восхищались прекрасными темно-каштановыми волосами и выразительными голубыми глазами.

И все же скромная прелесть бледнела перед золотым великолепием Кристофера Фелана. Офицер сиял, как Ланселот, архангел Гавриил, а возможно, и Люцифер (если признать, что искуситель когда-то был самым прекрасным из ангелов): высокий, ясноглазый, с волосами цвета освещенной солнцем зрелой пшеницы. Безукоризненная военная выправка подчеркивала прекрасную атлетическую фигуру — сильную и прямую, как стрела. Каждое движение, даже самое медленное и ленивое, отличалось сдержанной энергией и непринужденной грацией сознающего свое бесспорное могущество хищника.

Не так давно Фелан попал в число немногих избранных, отозванных из различных полков и включенных в состав вновь созданной особой части Стрелковой бригады. «Стрелки» — как их стали называть — представляли собой особую когорту военных, призванных полагаться на собственную инициативу. Во время военных действий им предстояло проникать за линию фронта и уничтожать вражеских офицеров и лошадей, не доступных с обычных позиции. Удивительная меткость Фелана не осталась незамеченной, и скоро он получил чин капитана Стрелковой бригады.

Беатрикс подозревала, что завидное продвижение по службе вряд ли могло обрадовать офицера — в первую очередь потому, что блестящую, почти театральную гусарскую форму, черную, с богатым золотым шитьем, пришлось сменить на невзрачный темно-зеленый мундир.

— Можешь почитать, пока я приведу в порядок прическу, — предложила Пруденс, усаживаясь перед зеркалом.

— Но твои волосы и так безупречны! — воскликнула Беатрикс, восхищенно рассматривая замысловатую конструкцию из светлых кос. — Тем более что мы собираемся всего лишь прогуляться до деревни. Никто даже не узнает, что у тебя на голове.

— Я узнаю. Да и вообще, разве можно предположить, кого встретишь по дороге?

Беатрикс уже успела привыкнуть к постоянному кокетству подруги, а потому лишь улыбнулась и покачала головой:

— Что ж, если не имеешь ничего против нарушения тайны переписки, прочитаю рассказ о собаке.

— Не надейся, не прочитаешь. Пока ты доберешься до нужной страницы, уснешь по дороге. — Пруденс передернула плечами и метким движением вонзила в косу очередную шпильку.

Беатрикс взглянула на исписанную мелким почерком страницу. Слова теснились, словно с трудом помещаясь на строчках, а тугие, как пружинки, завитки букв грозили распрямиться и выскочить на волю.

«Дорогая Пруденс.

Сижу в пыльной палатке и пытаюсь придумать какие-нибудь выразительные, красноречивые слова. Увы, бесполезно. Вы заслуживаете пышных комплиментов, но могу сказать лишь одно: не перестаю о вас думать. Представляю, как держите это письмо, чувствую тонкий аромат духов на вашем запястье. Хочется тишины, прозрачного воздуха, постели с мягкой белой подушкой...»

Беатрикс удивленно вскинула брови и недоуменно посмотрела на подругу. Высокий ворот платья внезапно стал тесным, удушающим.

— Неужели тебе это кажется скучным? — Вопрос прозвучал почти смущенно, а на щеках вспыхнул румянец.

— Начало — лучшее, что здесь есть. Читай дальше, — распорядилась Пруденс.

«...Два дня назад, продвигаясь вдоль побережья к Севастополю, на реке Альма сразились с русскими. Говорят, победа осталась за нами, но радости никто не чувствует. Потеряли две трети офицеров и четверть сержантского состава. Вчера копали могилы. Список убитых и раненых уже окрестили «счетом мясника». На сегодняшний день погибли триста шестьдесят британцев, но вскоре число погибших возрастет: многие из раненых не выживут.

Один из павших, капитан Брайтон, привез лохматого терьера по кличке Альберт — самую упрямую и непослушную собаку на свете. Когда Брайтона похоронили, пес уселся у могилы и несколько часов подряд выл не переставая, а каждого, кто осмеливался подойти, норовил укусить. Я имел неосторожность поделиться с беднягой галетами, и теперь несчастное создание не отстает от меня ни на шаг. Вот и сейчас сидит в моей палатке, смотрит на меня полусумасшедшими глазами, а выть перестает лишь изредка. Стоит подойти, сразу бросается в атаку. По суровым военным правилам пса, конечно, надо было бы пристрелить, но я и без того устал от убийств. В скольких семьях оплакивают потерянные жизни близких? Погибли сыновья, братья, отцы. Я уже обеспечил себе место в аду, а война ведь недавно началась. Чувствую, что стремительно меняюсь, и не в лучшую сторону. Человека, которого вы знали, больше не существует. Боюсь, что тот, кто пришел на его место, симпатии не вызовет.

Запах смерти... повсюду запах смерти.

Поле битвы усеяно кусками человеческих тел, обрывками одежды, подметками от сапог. Попробуйте представить взрыв, способный оторвать подошву. Говорят, что в местах сражений дикие цветы растут особенно буйно: земля вспахана и полита кровью; семена обильно прорастают. Хочется уйти в себя, погрузиться в печаль, но нельзя: не место и не время. Придется прятать чувства.

Остался ли на свете хотя бы один мирный уголок? Прошу, напишите мне. Расскажите мне о новой вышивке, о любимой песне, которую вы часто поете. Часто ли в Стоуни-Кросс идет дождь? А листья начали уже желтеть?

Ваш Кристофер Фелан».

Дочитав до конца, Беатрикс ощутила, как сердце наполняется неожиданным, неведомым состраданием.

Неужели такое письмо могло прийти от холодного, самовлюбленного, язвительного мистера Фелана? Трудно было поверить. Тоска, одиночество, душевная боль зывали к участию.

— Непременно напиши ответ, Пру, — посоветовала она и бережно сложила страницы; совсем не так, как впервые взяла их в руки.

— И не подумаю. Сочувствие лишь вызовет новые жалобы. Лучше промолчу: возможно, следующее письмо окажется веселее.

Беатрикс нахмурилась.

— Не секрет: капитан Фелан мне не очень-то симпатичен, но написать такое письмо... он заслуживает поддержки, Пру, честное слово. Просто черкни несколько строчек, несколько слов утешения. Много времени это не займет. А насчет собаки у меня есть совет...

— Отказываюсь обсуждать грязную обшарпанную шавку! Сама пиши!

— Я? Но мои письма ему не нужны. Он считает меня странной.

— Непонятно, с какой стати. Из-за того, что ты взяла на пикник Медузу?

— О, Медуза — исключительно воспитанная ежиха! — обиделась Беатрикс.

— Да, но тот джентльмен, который поранил руку, скорее всего так не считал.

— Он неправильно ее взял! Когда поднимаешь с земли ежика...

— Можешь не объяснять, потому что я никогда в жизни не прикоснусь ни к одному ежу на свете! Ну а что касается капитана Фелана... если его нытье так тебя тронуло, сочини ответ и поставь в конце мое имя.

— А разве он не заметит, что почерк другой?

— Не заметит. Я еще ни разу ему не писала.

— Но он же не мой поклонник, — упорствовала Беатрикс. — Я ничего о нем не знаю.

— Не волнуйся, знаешь ничуть не меньше, чем я. Знакома с его родными, дружишь с его невесткой. И я бы не стала называть мистера Фелана поклонником. Во всяком случае, он далеко не единственный. Я не намерена давать обещание выйти замуж раньше, чем жених не вернется с войны целым и невредимым. Кому нужен муж, которого до конца жизни придется возить в инвалидном кресле?

— А ты, оказывается, жестокая.

Пруденс гордо улыбнулась:

— По крайней мере честная.

Беатрикс взглянула с сомнением.

— И что же, честность не мешает переложить на чужие плечи ответственное дело — написать за тебя любовное послание?

Пруденс небрежно отмахнулась.

— И вовсе оно не любовное. И в его письме не найдешь ни слова о любви. Просто придумай что-нибудь жизнерадостное и ободряющее.

Беатрикс нашла затаившийся в складках повседневного платья карман и аккуратно спрятала сложенные листки. Сомнения не отступали: обман, пусть и ради благой цели, никогда и никого до добра не доводил. Но с другой стороны... никак не удавалось прогнать образ уставшего, страдающего воина: похоронив товарищей и вернувшись в тесную палатку с распухшими, до крови стертыми тяжелой лопатой ладонями, он торопливо пишет письмо. А рядом тоскливо воет осиротевший косматый пес.

Внезапно стало ясно, что сочинить ответное письмо — тяжелый труд. Да и Пруденс скорее всего просто струсил.

Беатрикс попыталась представить, с какой сердечной болью Кристофер покинул удобную приятную жизнь и оказался в мире, где само существование грозило оборваться со дня на день, с минуты на минуту. Воображение отказывалось рисовать избалованного красавца в условиях голода, одиночества, лишений, опасности и... смерти.

Она поймала в зеркале взгляд подруги.

— Так какая же твоя любимая песня, Пру?

— Если честно, то у меня ее вообще нет. Напиши ему о своей.

— Может быть, следует спросить совета у Одри? — предложила Беатрикс, имея в виду жену Джона Фелана.

— Ни в коем случае. У Одри проблемы с честностью: ни за что не отправит письмо, если узнает, что писала не я.

Беатрикс издала неопределенный звук, похожий одновременно и на смех, и на стон.

— Вряд ли подобный подход можно назвать «проблемами с честностью». Послушай, Пру, может быть, все-таки передумаешь и напишешь сама? И проблемы сразу исчезнут... такое простое, очевидное решение.

Пруденс, однако, отличалась невероятным упрямством, и чем настойчивее ее заставляли что-то делать, тем тверже она стояла на своем. То же самое произошло и сейчас.

— Простое и очевидное для всех, кроме меня, — решительно возразила она. — Убеждена, что ни за что на свете не смогу ответить на сумбурное, запутанное письмо. Не исключено, что Фелан и сам уже забыл, о чем писал. — Она вновь сосредоточилась на собственном отражении в зеркале и старательно провела по губам нежно-розовой помадой.

Ах, до чего же прелестно выглядела мисс Мерсер! Личико в форме сердечка, тонкие, безупречно изогнутые брови над круглыми зелеными глазами. Но увы, зеркало не отражало ничего, кроме внешней оболочки. Разве можно было догадаться, какие чувства Пруденс испытывает к Кристоферу Фелану? Ясно было одно: ответ, пусть и неуклюжий, жизненно необходим. Порой молчание способно ранить не менее безжалостно, чем пуля.

Беатрикс вернулась домой, в Рамзи-Хаус, поднялась в свою комнату, устроилась за письменным столом и окунула перо в темно-синие чернила. На одном конце стола невозмутимо возлежала трехногая кошка по имени Счастливица и настороженно наблюдала за хозяйкой. Любимая ежиха Медуза расположилась на противоположном конце. Счастливица понимала, что маленькое колючее создание лучше не трогать.

Беатрикс заглянула в начало печального послания и написала:

«Капитану Кристоферу Фелану Стрелковая бригада, 1-й батальон Лагерь второй дивизии, Крым
17 октября 1854 года».

Подняла голову и нежно погладила единственную переднюю лапу любимицы.

— Интересно, как Пруденс бы начала письмо? — подумала она вслух. — Назвала бы милым? Или дорогим? — Мысль заставила поморщиться.

Безупречное владение эпистолярным жанром не относилось к числу неоспоримых достоинств мисс Хатауэй. Невзирая на то что все члены семьи отличались завидным красноречием, сама она не очень-то доверяла словам, а предпочитала полагаться на интуицию и действие. Короткая совместная прогулка по саду позволяла лучше узнать нового знакомого, чем долгая беседа в гостинной.

После мучительных попыток представить, что можно написать совершенно чужому человеку, выдавая себя за другую, Беатрикс в конце концов сдалась.

— Решено: буду писать, как хочу. Все равно он так устал и соскучился, что даже не заметит, что Пруденс говорит иначе, — сообщила она кошке.

Счастливица положила голову на лапу, прикрыла глаза и замурлыкала.

Беатрикс начала писать.

«Дорогой Кристофер.

Внимательно прочитала сообщения о сражении на Альме. Мистер Рассел из «Таймс» пишет, что вы и еще два бойца Стрелковой бригады встали во главе Голдстримского гвардейского полка и убили нескольких вражеских офицеров, чем внесли панику в ряды противника. Мистер Рассел с восхищением отметил, что стрелки никогда не отступают и

даже не склоняют головы при свисте пуль.

В полной мере разделяю высокую оценку, дорогой сэр, но осмелюсь заметить, что, по моему мнению, храбрость ничуть не пострадает, если во время обстрела вы слегка пригнетесь. Полезно было бы также присесть, лечь на землю, метнуться в сторону, а лучше всего — спрятаться за большой камень. Обещаю, что не стану думать о вас хуже!

Альберт еще с вами? И до сих пор он кусается? Моя подруга Беатрикс (та самая, которая таскает на пикники ежей) считает, что собака расстроена и испугана. Поскольку все собаки в душе остаются волками и нуждаются в вожжае, лучший способ успокоить Альберта — продемонстрировать собственную силу и власть. Как только он вновь попытается укусить, положите ладонь на морду, слегка сдавите и твердым голосом несколько раз скажите «нельзя!».

Моя любимая песня — «Далеко за горами». Вчера в Гемпшире шел дождь — по-осеннему мелкий, ветра не было, так что листья почти не опали. Георгины уже отцвели, заморозки побили хризантемы, но воздух наполнен божественными ароматами прелой листвы, мокрой коры и спелых яблок. Замечали ли вы, что каждый месяц обладает собственным неповторимым запахом? Мне больше всего нравится, как пахнут май и октябрь.

Спрашиваете, существует ли на свете тихое местечко? Вынуждена ответить, что это точно не Стоуни-Кросс. Недавно осел мистера Модсли выбрался из хлева, пробежал по дороге изрядное расстояние и каким-то образом сумел пролезть на огороженный луг. Там невинно паслась драгоценная кобыла мистера Кэрда, и коварный соблазнитель не стал терять времени даром. В итоге кобыла понесла, и теперь между хозяевами животных разгорается настоящая война. Мистер Кэрд требует солидной материальной компенсации, а мистер Модсли заявляет, что если бы забор поддерживался в надлежащем порядке, тайное свидание попросту не смогло бы состояться. Больше того, он обвиняет кобылу в непростительном, постыдном легкомыслии и нежелании должным образом охранять собственную добродетель.

Неужели действительно думаете, что заслужили место в аду? Я в ад не верю; во всяком случае, после смерти. По-моему, люди собственными руками создают ад здесь, на земле.

Пишете, что того человека, которого я знала, больше не существует. Единственное, что могу сказать в утешение: как вы ни изменились бы, дома вас всегда встретят с радостью. Спокойно выполняйте долг. Если считаете нужным, спрячьте на время чувства и заприте дверь на замок. Верю, что когда-нибудь мы вместе выпустим их на волю.

Искренне ваша,

Пруденс».

Еще ни разу в жизни Беатрикс никого намеренно не обманывала. И сейчас она с радостью поставила бы в конце страницы собственное имя. Но обидные, пренебрежительные замечания прочно врезались в память. Разве захочет мистер Фелан читать письмо от «странной» Беатрикс Хатауэй? Ведь сам он написал прекрасной златокудрой Пруденс Мерсер и ждал от нее ответа. И все равно: лучше так, чем никак. На войне человеку дорого каждое доброе слово, ценно любое проявление внимания.

Солдату необходимо знать, что кто-то о нем думает.

Случилось так, что, прочитав письмо Кристофера, Беатрикс поняла, что задумалась всерьез и надолго.

Глава 2

Ближайшее ко дню осеннего равноденствия полнолуние принесло сухую, ясную погоду и позволило арендаторам и работникам поместья Рамзи собрать невиданный урожай. Как и все обитатели Гемпшира Беатрикс с головой окунулась в хозяйственные заботы и в подготовку традиционного осеннего празднования. На просторной лужайке перед господским домом словно по волшебству выросли столы с щедрым угощением и возникла просторная танцевальная площадка. Всего собралось больше тысячи гостей: арендаторы, слуги, жители окрестных сел и поместий.

К огромному разочарованию Беатрикс, любимая подруга Одри Фелан приехать не смогла, так как Джон простудился и отчаянно раскашлялся. Она осталась дома, чтобы лечить мужа, но прислала записку: «Доктор оставил нам лекарство, которое уже заметно помогло, но предупредил, что для полного выздоровления необходимо лежать в постели».

Ближе к концу ноября Беатрикс решила навестить Одри и отправилась в Фелан-Хаус. Дорога лежала через лес, густо заросший старыми, покореженными долгой жизнью дубами и раскидистыми, уверенными в собственном незыблемом величии буками. Темные ветви деревьев покрылись инеем; казалось, кто-то окунул их в сахарную пудру. Солнце робко пробивалось сквозь пелену облаков, и в янтарных лучах изморозь вспыхивала разноцветными искрами. Теплые полусапожки придавали уверенности, и Беатрикс смело ступала по замерзшей земле, надежно укрытой толстым слоем сухих листьев и теплого, словно овечье одеяло, мха.

Наконец показался большой, увитый плющом особняк — бывший королевский охотничий приют, расположенный в просторном, площадью в десять акров, парке, больше похожем на лес. Мисс Хатауэй ступила на прелестную мощеную дорожку, обогнула дом и направилась к парадной двери.

— Беатрикс.

Обернувшись на негромкий голос, она увидела Одри. Подруга сидела на каменной скамейке в полном одиночестве.

— О, здравствуй! — жизнерадостно приветствовала Беатрикс. — Не видела тебя уже несколько дней, вот и решила... — Она подошла ближе, всмотрелась и, кажется, забыла, что собиралась сказать.

Одри была одета в простое повседневное платье — серая ткань сливалась с осенним лесом за спиной — и сидела так тихо, так неподвижно, что, подходя, Беатрикс ее не заметила.

Они дружили уже три года, с тех самых пор, как Одри вышла замуж за Джона Фелана и приехала в Стоуни-Кросс. Как известно, подруги бывают разными: с одними приятно встречаться, когда в жизни все в порядке — именно такой была Пруденс. Но ведь нередко случается так, что необходимо срочно поделиться сомнениями, тревогами... для подобных случаев существовала Одри.

Беатрикс нахмурилась: от внимательного взгляда не укрылись ни необычная бледность, ни

красные глаза и распухший нос.

— Но ты даже шаль не накинула!

— Мне не холодно, — пробормотала Одри, хотя плечи заметно дрожали.

Беатрикс сняла теплый шерстяной плащ и попыталась укрыть расстроенную подругу, однако та покачала головой:

— Нет, Беа, не надо!

— Я шла очень быстро, так что согрелась, — заверила Беатрикс и присела на ледяную скамью. Некоторое время обе молчали, однако сомнений не оставалось: случилось что-то серьезное. Прислушиваясь к гулким ударам собственного сердца, гостя терпеливо ждала объяснений.

— В чем дело? — Она наконец осмелилась прервать молчание. — С капитаном Феланом что-то случилось?

Одри посмотрела отсутствующим взглядом, словно вопрос прозвучал на иностранном языке и понять смысл сказанного удалось с большим трудом.

— Капитан Фелан, — тихо повторила она и едва заметно покачала головой. — Нет, насколько мне известно, у Кристофера все в порядке. Вчера от него пришло несколько писем; одно для Пруденс.

Беатрикс вздохнула с облегчением.

— Если хочешь, я передам, — предложила она, стараясь говорить равнодушно.

— Да, спасибо. Было бы очень хорошо. — Бледные пальцы сложенных на коленях рук как-то странно, судорожно сжимались и разжимались.

Беатрикс мягко, бережно накрыла их ладонью.

— Муж все так же кашляет?

— Доктор недавно ушел. — Одри глубоко вздохнула и с трудом произнесла: — У Джона чахотка.

Беатрикс невольно стиснула руки подруги.

Не замечая пронизывающего ветра, они молча сидели на холодной скамейке. Судьба распорядилась несправедливо, жестоко. Джон Фелан был достойным человеком, всегда готовым первым прийти на помощь каждому, кто попал в беду: оплатил лечение жене одного из арендаторов, когда сумма оказалась супругам не по карману; предоставил собственное фортепиано в пользование окрестным детям, чтобы те могли учиться музыке; выделил средства на восстановление местной пекарни, сгоревшей почти до основания от пожара. Добрые дела Джон совершал тихо, незаметно, словно опасался упреков в благотворительности. Так почему же страшная болезнь выпала именно на его долю?

— Но это не смертный приговор, — с трудом проговорила Беатрикс. — Некоторым удастся выжить.

— Одному из пяти, — тускло отозвалась Одри.

— Твой муж молод и силен. Кто-то же должен оказаться одним из пяти? Вот Джон им и станет.

Одри кивнула, но не произнесла ни слова.

Обе знали, что туберкулез опасен поражением легких, несет слабость, резкую потерю веса, беспомощность и апатию. Но страшнее всего бесконечный изнуряющий кашель, постепенно превращающийся в кровавый и терзающий больного до тех пор, пока тот окончательно не потеряет способность дышать.

— Наш Кэм, муж Амелии, — большой знаток трав и всяческих снадобий, — попыталась вселить надежду Беатрикс. — Его бабушка была главной целительницей табора.

— Цыганское лечение? — В голосе Одри прозвучало откровенное сомнение.

— Надо попробовать все доступные средства, — настаивала Беатрикс. — Пренебрегать цыганским лечением не стоит. Цыгане живут в согласии с природой и оттого знают ее секреты. Немедленно попрошу Кэма приготовить отвар для мистера Фелана...

— Скорее всего Джон откажется принимать неизвестное науке средство, да и свекровь не одобрит. Феланы ужасно консервативны. Они не возьмут ничего, что не приготовлено аптекарем и не налито в пузырек или не явилось из чемоданчика доктора.

— И все-таки непременно принесу снадобье Кэма. Нельзя упускать шанс.

Одри склонила голову на плечо подруги.

— Ты такая добрая, Беа. В ближайшие месяцы без тебя будет трудно.

— Я с тобой, — просто ответила Беатрикс.

Новый порыв ветра заставил поежиться. Одри очнулась и вырвалась из печального оцепенения, встала, вернула плащ.

— Пойдем в гостиную, отдам тебе письмо для Пруденс.

Просторные комнаты с низкими дощатыми потолками встретили уютом и тишиной. Сквозь толстые оконные стекла проникал неяркий зимний свет. Все каминные пылали, наполняя воздух живительным теплом. Атмосфера дома Феланов отличалась сдержанностью и вкусом, а солидная старинная мебель создавала впечатление спокойствия и веры в незыблемость установленного порядка.

Расстроенная горничная взяла из рук гостьи плащ.

— А где твоя свекровь? — осведомилась Беатрикс, вслед за подругой направляясь к лестнице.

— Уединилась в своей комнате. Для нее новость особенно тяжела. — Одри помолчала. — Джон всегда оставался маминим любимчиком.

Так же как и все остальные жители Стоуни-Кросс, Беатрикс прекрасно знала об отношениях между матерью и сыновьями. Детей осталось всего двое, хотя родила она пятерых: двое мальчиков умерли в раннем детстве, а девочка не пережила появления на свет. Гордость и честолюбие матери сосредоточились на старшем, Джоне. К сожалению, как часто случается, ни одна женщина на свете не казалась ей достойной великолепного, самого умного и самого красивого на свете сына. За три года замужества Одри пришлось выслушать немало

неприятных нотаций, но особенно болезненно воспринимались рассуждения по поводу неспособности невестки родить наследника.

Подруги поднимались по лестнице под пристальными взглядами лиц со старинных портретов в тяжелых золоченых рамах. Большинство изображенных леди и джентльменов принадлежали к аристократической ветви семейства, носившей фамилию Бичамп. Трудно было не заметить, что из поколения в поколение передавались характерные фамильные черты: тонкий благородный нос, пронзительные сияющие глаза, густые волнистые волосы.

Едва оказавшись наверху, Беатрикс с огорчением услышала приглушенный кашель — болезненные звуки доносились из комнаты, расположенной в дальнем конце коридора.

— Сможешь минутку подождать? — с тревогой спросила Одри. — Зайду к Джону, ему пора принимать лекарство.

— Конечно, подожду. Не спеши.

— Вот комната Кристофера. Здесь он останавливается, когда приезжает. Письмо я положила на комод.

— Сейчас возьму.

Одри направилась к мужу, а Беатрикс опасливо приоткрыла дверь в комнату капитана Фелана, заглянула и осторожно вошла.

Здесь царил полумрак, и она поспешила отдернуть тяжелую штору. На полу, застеленном толстым ковром, появился светлый квадрат. Письмо действительно лежало на комоде. Беатрикс поспешно схватила конверт и хотела сломать печать, но вовремя опомнилась: что ни говори, а послание адресовано не мисс Хатауэй, а Пруденс Мерсер.

Нетерпеливо вздохнув, она спрятала письмо в глубокий карман и остановилась, чтобы рассмотреть аккуратно разложенные на деревянном подносе необходимые в быту мелочи.

Маленькая кисточка для бритья с серебряной ручкой... складная бритва... стаканчик для мыльной пены... фарфоровая шкатулка с серебряной крышкой. Не в силах сдержать любопытство, Беатрикс подняла крышку, заглянула внутрь и увидела три пары запонок — две серебряных и одну золотую, цепочку для часов и медную пуговицу. Закрыла шкатулку, взяла в руки кисточку и осторожно провела по щеке. Прикосновение показалось нежным, шелковистым и принесло слабый приятный аромат пены для бритья.

Беатрикс поднесла кисточку к носу и глубоко вдохнула пряный мужественный запах... кедр, лаванда, лавровый лист. Она представила, как Кристофер покрывает лицо пеной, а потом смешно кривит рот — точно так же, как это делали ее отец и брат, пытаясь удалить с лица надоевшую щетину.

— Беатрикс?

Мисс Хатауэй с виноватым видом отложила кисточку и вышла в коридор.

— Нашла письмо, — сообщила она. — И раздвинула шторы. Сейчас вернусь, закрою и...

— О, не беспокойся, пожалуйста. Пусть останутся открытыми. Ненавижу темноту. — Одри с усилием улыбнулась. — Джон принял лекарство и задремал. Пожалуй, пока он отдыхает,

спущусь и поговорю с кухаркой — распоряжусь подать на ужин белый пудинг.

Подруги вместе пошли вниз по лестнице.

— Спасибо за то, что согласилась передать письмо Пруденс, — поблагодарила Одри.

— Очень мило с твоей стороны помочь им в переписке.

— О, мелочи! Согласилась ради Кристофера. Честно говоря, не ожидала, что Пруденс найдет время ответить.

— Почему же?

— На мой взгляд, она к нему совершенно равнодушна. Перед отъездом я даже предупреждала его об этом, но он был так очарован красотой и веселым нравом, что решил, будто может возникнуть что-нибудь настоящее.

— Мне казалось, Пруденс тебе нравится.

— Так оно и есть. Во всяком случае, глядя на вашу дружбу, пытаюсь себя в этом убедить. — Одри заметила, что Беатрикс смотрит с недоумением, и слегка улыбнулась. — Да-да, стараюсь брать положительный пример.

— Брать пример с меня? О, пожалуйста, не делай этого! Разве ты не заметила, какая я странная?

Улыбка стала светлее, и на миг Одри снова превратилась в ту беззаботную молодую леди, которой была до болезни Джона.

— Ты умеешь принимать людей такими, какие они есть, и относишься точно так же, как к своим животным: терпеливо наблюдаешь и никогда не судишь.

— Но я строго осуждала твоего зятя, — с раскаянием призналась Беатрикс.

— Думаю, если бы твое отношение разделяли и другие, Кристофер давно бы задумался и сделал полезные выводы, — успокоила Одри.

Нераспечатанное письмо едва не прожгло в кармане дырку. Ожидание мучительно затянулось. Беатрикс поспешила домой, оседлала лошадь и помчалась в Мерсер-Хаус — причудливый особняк с башенками, замысловатыми колоннами у парадного входа и разноцветными витражами вместо оконных стекол.

Пруденс недавно проснулась, потому что до трех часов ночи танцевала на балу, а сейчас встретила подругу в украшенном кружевами бархатном халате.

— Как жаль, что ты не пошла на бал! Собралось множество красивых молодых людей, прибыл даже целый кавалерийский эскадрон. Через два дня их отправляют в Крым. Ах, до чего же хороша форма!

— Я только что была у Одри, — слегка запыхавшись, сообщила Беатрикс, входя в маленькую гостиную на втором этаже и старательно закрывая за собой дверь. — Бедный мистер Фелан болеет. Но об этом позже, а сейчас... письмо от капитана Фелана!

Пруденс с улыбкой взяла запечатанный конверт.

— Спасибо, Беа. Так вот, об офицерах, с которыми я вчера познакомилась... один красивый темноволосый лейтенант пригласил меня на танец и...

— Разве ты не хочешь немедленно открыть и прочитать? — Беатрикс с отчаянием заметила, что подруга равнодушно положила письмо на стол.

Пруденс лукаво улыбнулась:

— О, какая спешка! Считаешь, что следует распечатать прямо сейчас?

— Да. — Беатрикс уселась в обитое ярким атласом кресло.

— Но мне не терпится рассказать о лейтенанте.

— А мне совсем не интересно о нем слушать. Хочу узнать, что пишет капитан Фелан.

Пруденс усмехнулась:

— Сказать по правде, в последний раз ты так волновалась в прошлом году, когда выкрала лису, которую лорд Кампдон специально привез из Франции.

— Я вовсе не выкрала эту лису, а спасла. Везти животное из-за границы, чтобы потом на него охотиться... чрезвычайно неспортивно! — Беатрикс показала на письмо. — Открывай!

Пруденс сломала печать, быстро просмотрела листок и недоуменно пожала плечами.

— Ну вот, теперь он пишет о мулах. — Она закатила глаза и отдала письмо подруге.

«Мисс Пруденс Мерсер

Стоуни-Кросс, Гемпшир, Англия

7 ноября 1854 года

Дорогая Пруденс.

Несмотря на те сообщения, в которых описывается негибкая храбрость британских военных, хочу заметить, что когда в нас стреляют, мы непременно пригибаемся как можно ниже и бежим в укрытие. По вашему совету я пополнил репертуар прыжками в сторону и увертками. Должен признаться, результаты превосходные. Все-таки старая басня не совсем верна: случаются в жизни ситуации, когда хочется быть не черепахой, а зайцем.

В сражении под Балаклавой легкая кавалерия получила приказ наступать непосредственно на артиллерийский расчет русских — без разумной на то причины. В итоге пять кавалерийских отрядов оказались под огнем без прикрытия и защиты. За двадцать минут погибли двести всадников и почти четыреста лошадей. Еще более кровопролитная битва произошла у крепости Инкерман.

Когда пришло время собирать раненых, Альберт увязался следом и под пулями и снарядами отважно разыскивал живых, чтобы мы могли унести их в безопасное место. К сожалению, погиб мой лучший друг.

Пожалуйста, поблагодарите Беатрикс за полезный совет. Теперь Альберт кусается

значительно реже. На меня он вообще больше не нападает, хотя порой пытается вцепиться в руку кого-нибудь из сослуживцев.

Вы считаете, что май и октябрь наполнены самыми приятными запахами? А мне кажется, что декабрь интереснее: мороз, дымок из труб, в домах ветки вечнозеленых падуба и омелы, запах корицы из кухни. Что касается вашей любимой песни... известно ли вам, что «Далеко за горами» считается официальным гимном Стрелковой бригады?

Почти все, кроме меня, заболели. У меня пока не наблюдается ни симптомов холеры, ни других напастей, скосивших обе дивизии. Уже подумываю, не симулировать ли, приличия ради, желудочную проблему.

По поводу ссоры между хозяевами осла и лошади: глубоко сочувствую мистеру Кэрду и его легкомысленной кобыле, однако хочу заметить, что рождение мула — далеко не самый плохой исход. Мулы значительно крепче лошадей, практически не болеют и, что самое интересное, обладают исключительно выразительными ушами. Принято считать их упрямыми, но на самом деле это не так: если с животным обращаться хорошо, оно будет вести себя вполне мирно и дружелюбно. Пусть особая симпатия к мулам вас не удивляет; в качестве объяснения могу сказать, что в детстве у меня был Гектор, названный так в честь мула из «Илиады».

Не осмеливаюсь попросить ждать моего возвращения, но умоляю написать снова. Ваше письмо зачитал до дыр. Сейчас, на расстоянии двух тысяч миль, вы кажетесь более близкой и прекрасной, чем прежде.

Искренне ваш,

Кристофер.

P.S.

Прилагаю портрет Альберта».

Беатрикс читала, а чувства теснились и переполняли душу: боль, сочувствие, восхищение, умиление...

— Пожалуйста, Пру, позволь снова написать ответ от твоего имени. Еще хотя бы раз. Обещаю, что, прежде чем отправить, непременно покажу.

Пруденс рассмеялась.

— Право, ничего глупее и придумать невозможно! Впрочем, почему бы и нет? Пиши, если нравится.

Следующие полчаса Беатрикс старательно поддерживала бессмысленный разговор о вчерашнем бале, кавалерах и последних сплетнях из Лондона. Между делом опустила письмо Фелана в карман и... замерла, нащупав какой-то странный предмет. Металлическая ручка, шелковистые волоски... внезапно побледнев, поняла, что кисточка для бритья не вернулась на место, на деревянный поднос, а скользнула в карман.

Давняя проблема снова напомнила о себе.

Несмотря на бурю в душе, Беатрикс продолжала улыбаться и спокойно разговаривать с подругой, хотя внешняя невозмутимость давалась нелегко.

Дело в том, что тревога и волнение у Беатрикс нередко заканчивались мелкой кражей; да, в магазине или в чужом доме она порой тайком совала в карман какую-нибудь вещицу. Чаще всего Беатрикс и сама не замечала, что делает, но иногда потребность украсть становилась столь острой и непреодолимой, что бедняжка покрывалась потом и дрожала до тех пор, пока не уступала пагубному позыву.

Как правило, украсть маленькую штучку труда не составляло, а вот вернуть украденное на место оказывалось ой как непросто! К счастью, с помощью родственников постыдное недоразумение неизменно удавалось исправить. Случалось, правда, что ради восстановления порядка приходилось прибегать к крайним мерам: например, наносить визиты в неположенное время дня и изобретать невероятные предлоги, чтобы получить возможность покинуть гостиную и проникнуть в нужную комнату. Подобные фокусы лишь укрепляли мнение о Хатауэях как об эксцентричных, непредсказуемых чудаках.

Хорошо еще, что возвращение кисточки не требовало хитроумных уловок: ничто не мешало в следующий раз положить ее на место, на деревянный поднос.

— Пожалуй, пора одеваться, — наконец произнесла Пруденс.

Беатрикс поняла тонкий намек и немедленно встала.

— Да, конечно. А мне давно пора вернуться домой и заняться делами. — Она улыбнулась и непринужденно добавила: — В том числе и написать письмо.

— Только не пиши, пожалуйста, глупостей. Позаботься о моей репутации.

Глава 3

«Капитану Кристоферу Фелану

Стрелковая бригада, 1-й батальон

Лагерь Хоум-Ридж, Инкерман, Крым 3

декабря 1854 года

Дорогой Кристофер.

Утром прочитала в газете, что в последнем бою погибло больше двух тысяч наших солдат. Одного из офицеров Стрелковой бригады проткнули штыком. Ведь это не вас, правда? Вы не ранены? Я так волнуюсь. А еще глубоко сожалею о гибели вашего друга.

Мы уже начинаем украшать дом к Рождеству, развешиваем ветки падуба и омелы. Вкладываю в письмо рождественскую открытку, нарисованную местным художником. Обратите внимание на ленточку внизу: если потянуть, веселые джентльмены слева начнут поднимать бокалы.

Люблю старинные, знакомые с детства рождественские гимны. Люблю постоянство:

каждое Рождество похоже на предыдущее. Люблю есть сливовый пудинг, хотя в другое время сливовый пудинг терпеть не могу. В обычаях присутствует особая магия, правда?

Альберт на редкость симпатичен. Внешне, конечно, не слишком похож на благородного джентльмена, но зато верен и отважен.

Очень боюсь, что с вами что-нибудь случится. Надеюсь, все в порядке. Каждый вечер зажигаю свечку — за вас.

Ответьте как можно скорее.

Искренне ваша,

Пруденс.

P.S.

Разделяю вашу симпатию к мулам. Очень скромные, непритязательные существа и никогда не хвастаются безупречной родословной. В этом смысле некоторым людям было бы неплохо кое-что у них перенять».

«Мисс Пруденс Мерсер

Стоуни-Кросс, Гемпшир

1 февраля 1855 года

Милая Пру.

Боюсь, что штыком проткнули именно меня. Как вы догадались? Это случилось, когда мы карабкались на гору, чтобы захватить русскую батарею. Впрочем, рана на плече несерьезная и не стоит обсуждения.

Четырнадцатого ноября начался жестокий шторм. Сорвал палатки и даже потопил в бухте французские и британские корабли. Снова погибли люди. Пропали запасы провизии, патронов и прочего. Полагаю, весь этот нелепый хаос попадает под определение «стремительной кампании». Мучает голод. Сегодня ночью снилась еда. Обычно снится вы, но, к стыду своему, должен признаться, что на сей раз ваш образ затмила баранья отбивная с мятным соусом.

Жутко холодно. Теперь спим в обнимку с Альбертом. Конечно, вместе не очень удобно, но оба готовы терпеть лишения, чтобы не замерзнуть насмерть. Альберт стал незаменимым товарищем: под обстрелом носит сообщения и бежит быстрее любого посыльного. К тому же неподкупный часовой и надежный разведчик.

Вот несколько полезных уроков, которые я вынес из нашего с ним тесного общения:

- 1. Любая пища может считаться честной игрой до тех пор, пока ее не проглотит кто-нибудь другой.*
- 2. Спать необходимо при каждой удобной возможности.*

3. Незачем лаять без острой необходимости.

4. Иногда приходится ловить собственный хвост.

Надеюсь, что Рождество в Стоуни-Кросс прошло великолепно. Спасибо за открытку; она пришла двадцать четвертого декабря и была с восторгом встречена всей нашей компанией. Многие увидели рождественскую открытку впервые. К тому времени как она вернулась ко мне, джентльмены успели поднять бокалы сотни раз, не меньше.

Как здоровье кобылы мистера Кэрда? Принесла ли она потомство? Пожалуй, надо будет попросить брата купить жеребенка. Хороший мул в хозяйстве всегда пригодится».

«Дорогой Кристофер.

Посылать письма по почте так прозаично! Если бы можно было найти более интересный способ, с удовольствием привязала бы маленький свиток к лапке птицы или отправила бы послание в бутылке. К сожалению, требования надежности и безопасности вынуждают пользоваться услугами королевской почты.

Только что прочитала в новом номере «Таймс» о ваших очередных подвигах. Зачем же так рисковать? Будни военного сами по себе трудны и полны лишений. Умоляю, позаботьтесь о безопасности — если не ради себя, то хотя бы ради меня. Прошу из чистого эгоизма... даже страшно представить, что переписка может оборваться».

«Я так далеко, Пру. Кажется, что стою за гранью собственной жизни и смотрю на события со стороны. Среди жестокости и боли научился ценить простые человеческие радости: возможность приласкать собаку, прочитать письмо, посмотреть в ночное небо. Сегодня, кажется, увидел созвездие под названием «Арго» — в честь корабля, на котором Ясон с товарищами плывал за золотым руном. Дело в том, что на самом деле «Арго» можно увидеть только в Австралии, и все же я почти уверен, что сумел рассмотреть краешек.

Умоляю забыть все, что писал раньше; хочу, чтобы вы меня дождались. Прошу: не выходите замуж ни за кого, кроме меня.

Пожалуйста, дождитесь».

«Дорогой Кристофер.

Вот чем пахнет март: дождем, землей, перьями, мятой. Я каждый день, утром и днем, пью чай из свежей мяты с медом. В последнее время очень много хожу. На свежем воздухе лучше думается.

Прошлая ночь выдалась на редкость ясной, и я долго смотрела в небо, пытаюсь отыскать Арго. К сожалению, я очень плохо разбираюсь в созвездиях: никогда не нахожу ничего, кроме Ориона и его пояса. Но чем дольше я смотрела, тем больше небо напоминало океан, и наконец удалось увидеть целый флот звездных кораблей. Некоторые стояли на якоре возле луны, другие отправились в плавание. Представила, что мы плывем по лунному свету на одном из сказочных парусников.

Честно говоря, океан меня пугает: слишком велик, огромен, необъятен и страшен. Лес вокруг Стоуни-Кросс гораздо уютнее: там всегда интересно, и на каждом шагу

встречаются самые обычные чудеса. Паутина сверкает после дождя, из стволов поваленных бурей дубов растут новые деревья. Хочется показать вам всю эту красоту, вместе послушать, как шелестит листвой ветер. Нет ничего лучше музыки деревьев!

Пока пишу, по привычке вытянула ноги к камину, но не заметила, что огонь подобрался слишком близко к краю. Оказалось, что подпалила чулки. А однажды зазевалась, и они задымались. Пришлось долго топтать ногами, чтобы потушить. Но даже после этого случая привычка побеждает осторожность, так что меня можно найти даже с завязанными глазами: просто идите на запах горелых чулок.

Вкладываю перышко малиновки: нашла сегодня утром, во время прогулки. Это на счастье. Храните в кармане.

Внезапно появилось какое-то странное чувство: показалось, что вы стоите в комнате, совсем близко. Наверное, перо превратилось в волшебную палочку, и я вас вызвала. Если очень захотеть...»

«Дорогая Пруденс.

Ношу перо в кармане. Как вы узнали, что в битве необходим талисман? Последние две недели сию в окопе и без конца перестреливаюсь с русскими. Кавалерия уже вышла из боя, теперь вся надежда на стрелковое оружие и артиллерию. Альберт постоянно рядом; отлучается лишь для того, чтобы доставить записки в соседние окопы, вдоль линии укреплений.

В тихие минуты пытаюсь представить, что нахожусь не здесь, а в каком-нибудь другом месте. Вижу, как вы вытягиваете ноги к огню, чувствую свежее от мятного чая дыхание. Мечтаю, как гуляю рядом с вами по лесу возле Стоуни-Кросс. Хотелось бы увидеть те чудеса, которые вы называете самыми обычными, но боюсь, что без вашей подсказки ничего не замечу. Да, мне крайне необходима ваша помощь, Пру. Наверное, только вы сможете вернуть меня в мир.

Такое чувство, что воспоминаний о вас больше, чем есть на самом деле. Мы так мало виделись. Танец. Разговор. Поцелуй. Если бы удалось воскресить мимолетные счастливые мгновения! Теперь я бы оценил их по-настоящему. И все остальное тоже оценил бы по-настоящему. Ночью снова видел вас во сне. Лица не рассмотрел, но чувствовал, что вы рядом и шепчете какие-то ласковые слова.

Когда обнимал вас в последний раз, понятия не имел, какая вы на самом деле. Да и себя самого тоже не знал. Прежде мы не заглядывали друг другу в душу. Наверное, хорошо, что так получилось — если бы довелось почувствовать вас так, как чувствую сейчас, ни за что не смог бы уехать.

Хочу честно признаться, за что воюю. Не за Англию, не за союзников, не ради патриотических убеждений. Вперед ведет лишь надежда на встречу с вами».

«Дорогой Кристофер.

Вы научили меня понимать, что слова — самое важное, что существует на свете. А сейчас особенно. Как только Одри отдала последнее письмо, я сразу побежала в свой тайный домик, чтобы прочитать в уединении.

Я ведь еще не рассказывала... весной, во время одной из дальних прогулок, обнаружила в лесу престранное сооружение: одинокую башенку из кирпича и камня, сплошь заросшую плющом и мхом. Стоит она в укромном уголке поместья Стоуни-Кросс и, как и само поместье, принадлежит лорду Уестклифу. Когда я рассказала о находке леди Уестклиф, та ответила, что в давние времена тайные убежища были обычным делом. Возможно, хозяин использовал домик для встреч с любовницей. А однажды далекий предок спасся там от насилия кровожадных слуг. Леди Уестклиф разрешила приходить, когда захочется, потому что хижина давным-давно заброшена. Я часто там бываю. Это мое любимое место — уединенное, уютное и надежное. А с этой минуты оно стало и вашим тоже.

Я только что зажгла свечу и поставила на окно. Крошечная путеводная звездочка поможет вам найти дорогу домой».

«Милая Пруденс.

Среди шума, толкотни и безумия пытаюсь представить вас в тайном домике... мою прекрасную принцессу в башне. И путеводную звезду в окне.

На войне приходится делать всякое. Надеялся, что со временем станет легче. Жаль, что так и случилось. Опасаюсь за свою душу. Столько дурного успел натворить, и столько еще впереди, Пру. Если не надеяться на прощение свыше, то как же можно просить прощения у вас?..»

«Дорогой Кристофер.

Любовь прощает все на свете, незачем даже просить.

После того как вы написали о созвездии Арго, я начала с интересом читать о звездах. В нашем доме множество книг по астрономии, поскольку этой наукой увлеченно занимался отец. Аристотель писал, что звезды состоят из иной материи, отличной от четырех земных элементов. Он называл эту материю квинтэссенцией и считал, что из нее же созданы человеческие души. Из этого следует, что дух находится в родстве со звездами. Возможно, эта точка зрения не слишком научна, однако мне нравится верить, что в каждом из нас присутствует капелька звездного света.

Мысли о вас давно превратились в мое личное созвездие. Как бы далеко вы ни находились, милый друг, все равно не окажетесь дальше этих неподвижных звезд в душе».

«Дорогая Пру.

Готовимся к долгой осаде. Трудно сказать, когда удастся написать в следующий раз. Это не последнее письмо, просто придется немного подождать. Не сомневайтесь: когда-нибудь я непременно к вам вернусь.

До тех пор, пока не смогу заключить вас в объятия, эти истрепанные, обветшалые листочки останутся единственным способом общения. Как бледно, робко слова передают любовь! Слова никогда не смогут стать достойными вас, не смогут отразить все, что вы для меня значите.

И все же... я люблю вас. Клянусь светом звезд: не покину землю до той минуты, пока не

произнесу эти слова, глядя вам в лицо».

В лесной чаще, сидя на толстом стволе поваленного дуба, Беатрикс перечитывала письмо снова и снова. Она даже не заметила, что плачет, и лишь прохладный ветерок на мокрых щеках подсказал вытереть слезы и взять себя в руки.

Он написал тридцатого июня, даже не подозревая, что в тот самый день написала и она. Разве это случайное совпадение? Нет, знак свыше!

Столь глубокую тоску, такое бездонное ощущение потери она испытывала только после смерти родителей. Сейчас горе, конечно, было иным, но несло уже знакомую безнадежную пустоту.

Что же она наделала?

Беатрикс Хатауэй, которая шагала по жизни с безупречной честностью, совершила грубый, непростительный обман. Ужасно, но правда лишь окончательно испортит положение. Если Кристофер Фелан обнаружит, что она писала под чужим именем, презрению не будет конца. А если ничего не узнает, она так и останется для него странной девушкой, место которой в конюшне, а не в гостиной. И больше ничего.

«Не сомневайтесь: когда-нибудь я непременно к вам вернусь».

Эти слова относились только к Беатрикс, хотя и адресованы были Пруденс.

— Люблю тебя, — прошептала она, и слезы потекли ручьем.

Как и когда закралось в душу непрощенное чувство? Боже милостивый, она же едва помнила, как выглядит Кристофер Фелан, и все же сердце разрывалось от любви. Хуже всего то, что его признания скорее всего рождены трудностями войны. Человек, способный раскрыть душу в удивительных письмах и покорить сердце искренностью, мог бесследно исчезнуть через несколько дней после возвращения домой.

Фальшивая ситуация не сулила ничего хорошего. Оставалось одно: положить решительный конец обману. Невозможно продолжать притворство и выдавать себя за Пруденс. Нечестно по отношению к обоим, а особенно по отношению к Кристоферу.

Беатрикс медленно побрела домой. Едва войдя в Рамзи-Хаус, встретила Амелию — та вела на прогулку маленького сына Рая.

— А-а, вот и ты! — радостно воскликнула сестра. — Не хочешь ли пойти вместе с нами в конюшню? Рай собирается покататься на своем пони.

— Нет, спасибо. — Улыбка далась с трудом, да и выглядела неестественно, словно приколотая к лицу булавками. Каждый из членов большой семьи стремился включить младшую сестру в собственную жизнь. В этом отношении все проявляли необыкновенную щедрость. И все-таки Беатрикс чувствовала себя безнадежно одинокой, заброшенной, никому не нужной, словно старая незамужняя тетушка. А еще — эксцентричной, чудной и плохо приспособленной к жизни, подобно тем животным, которых собирала и выхаживала.

Мысли внезапно метнулись в сторону, напоминая о джентльменах, встреченных на танцах, ужинах и званых вечерах. Она никогда не испытывала недостатка в мужском внимании. Что, если пришла пора поощрить кого-нибудь из претендентов? Просто выбрать достойного

кандидата и разрубить узел? Может быть, собственная жизнь оправдает и скрасит брак с нелюбимым человеком?

Нет, скорее всего возникнет новая форма несчастья.

Пальцы нащупали в кармане письмо Кристофера Фелана. Прикосновение к плотной гладкой бумаге отозвалось в глубине существа горячей, томительной волной.

— В последнее время ты как-то подозрительно тиха. — Голубые глаза Амелии опасно сосредоточились на лице. — Выглядишь так, словно только что плакала. Что-то тебя тревожит, дорогая?

Беатрикс неловко пожала плечами:

— Расстраиваюсь из-за болезни мистера Фелана. Одри говорит, что ему стало хуже.

— О! — Амелия сочувственно покачала головой. — Чем же помочь? Может быть, собрать корзинку? Сливовый бренди, бланманже... отнесешь?

— Конечно. Непременно схожу после ленча.

Поднявшись в свою комнату, Беатрикс села за стол и достала письмо. Надо написать в последний раз — что-нибудь отвлеченное, прощальное, способное поставить точку. Это гораздо лучше, чем продолжать обман.

Она аккуратно сняла с чернильницы колпачок, опустила перо и на мгновение задумалась.

«Дорогой Кристофер.

Как бы ни ценила я вашу дружбу, было бы опрометчивой поспешностью делать скороспелые выводы, пока вы так далеко. Искренне желаю удачи, здоровья и благополучия, но полагаю, что упоминание о чувствах лучше отложить до вашего возвращения. Больше того, было бы разумно вообще прекратить переписку...»

С каждым новым предложением пальцы слушались все хуже. Несмотря на усилия, перо норовило выскочить, а скопившиеся в глазах слезы угрожали наставить клякс.

— Что за ерунда! — сердито воскликнула Беатрикс.

Строчки давались с болью. Горло сжалось так, что стало трудно дышать.

Она решила, что, прежде чем закончить мучительное, полное притворства послание, надо написать то короткое письмо, которое действительно хотелось отправить, и тут же его уничтожить.

Тяжело дыша, Беатрикс достала новый листок и торопливо нацарапала несколько строчек — только для себя, в надежде облегчить сжавшую сердце боль.

«Дорогой Кристофер.

Я больше не могу вам писать.

Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете.

Я не собиралась сочинять любовные послания, но так получилось. По пути слова сами собой превратились в запечатленные на бумаге удары сердца.

Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Слезы мешали смотреть. Она отложила второй лист и вернулась к первому, чтобы старательно выразить наилучшие пожелания и надежду на скорое и безопасное возвращение.

Поспешно скомкала признание в любви и сунула в ящик. Настанет время, и она торжественно его сожжет и проследит, чтобы каждое слово превратилось в пепел.

Глава 4

После ленча, как и обещала, Беатрикс отправилась к Феланам. В руке она держала тяжелую корзинку, вместившую бутылку бренди, бланманже, головку мягкого белого сыра и небольшой домашний кекс — сухой, без глазури и почти не сладкий. В данном случае факт подношения казался важнее конкретных составляющих подарка.

Амелия пыталась убедить сестру доехать в экипаже или повозке, так как нести полную корзинку было очень неудобно, однако Беатрикс решила, что пешая прогулка поможет успокоить разыгравшиеся нервы. Хотелось написать Кристоферу об ароматах июня: жимолость, свежее сено, выстиранное белье на веревке.

Да, корзинка действительно весила немало, и к дому Феланов Беатрикс пришла с изрядно оттянутыми и затекшими руками.

Увитый плющом старинный особняк напоминал доброго дедушку, заботливо укутанного в теплое пальто. Беатрикс с волнением подошла к парадной двери и постучала. Торжественного вида дворецкий немедленно освободил ее от груза и проводил в гостиную.

После быстрой ходьбы комната показалась душной и тесной, а в повседневном платье и массивных полусапожках недолго было сгореть от жары.

Скоро появилась Одри — худая, уставшая, растрепанная. Сразу бросились в глаза бурые пятна на переднике.

Кровь.

Заметив озабоченный взгляд подруги, миссис Фелан бледно улыбнулась:

— Как видишь, не готова принимать посетителей. Но ты одна из немногих, при ком не обязательно поддерживать безупречный внешний вид. — Она вспомнила о переднике, поспешно сняла и сложила. — Спасибо за корзинку. Я уже велела дворецкому налить бокал сливового бренди и отнести леди Фелан. Она давно не встает с постели.

— Тоже заболела? — испуганно уточнила Беатрикс, как только Одри села рядом.

Та покачала головой:

— Убита горем.

— А... твой муж?

— Умирает, — просто ответила Одри. — Обратного пути уже нет. Доктора сказали, что осталось несколько дней.

Беатрикс хотела взять ее за руку, пожалеть, как жалела своих питомцев, однако Одри сморщилась и подняла ладони, словно хотела защититься.

— Нет-нет, не прикасайся. Я могу рассыпаться, а нужно оставаться сильной и поддерживать Джона. Лучше давай немного поговорим; в моем распоряжении всего несколько минут.

Беатрикс послушно сложила руки на коленях.

— Позволь чем-нибудь помочь, — тихо попросила она. Давай я посижу с мистером Феланом, а ты отдохнешь хотя бы часок.

Одри снова слабо улыбнулась:

— Спасибо, милая, не могу никого к нему пустить. Это мое место.

— А что, если подняться к леди Фелан?

Одри потерла глаза.

— Ты добра, как всегда. И все же не стоит, вряд ли ей сейчас нужна компания. — Она вздохнула. — Кажется, свекровь с радостью умерла бы, лишь бы не оставаться без сына.

— Но ведь у нее есть еще один.

— Кристофера она не любит. Вся материнская нежность досталась Джону.

Беатрикс задумчиво посмотрела на большие напольные часы с маятником: они громко, неодобрительно тикали и, казалось, недоверчиво качали головой.

— Этого не может быть, — наконец произнесла она.

— Тем не менее это так, — с грустной улыбкой возразила Одри. — Некоторые люди наделены бесконечным запасом любви — например, вся ваша семья. А у других ресурсы ограничены. Любовь леди Фелан закончилась: чувств хватило только на мужа и Джона. — Она устало пожала плечами. — Но сейчас совсем не важно, любит ли свекровь Кристофера или нет. Теперь уже ничто не имеет значения.

Беатрикс опустила руку в карман и достала письмо.

— Это для капитана Фелана, — пояснила она. — От Пруденс.

С непроницаемым выражением лица Одри взяла конверт.

— Спасибо. Отправлю вместе с сообщением о состоянии Джона. Бедный Кристофер... он так далеко.

Беатрикс задумалась, не лучше ли забрать письмо обратно. Сейчас не время говорить о

расставании. Но с другой стороны, может быть, в тени огромной утраты маленькая боль пройдет незамеченной?

Одри внимательно посмотрела на подругу.

— Ты собираешься ему сказать? — негромко спросила она.

Беатрикс с подозрением прищурилась.

— О чем?

Вопрос был встречен раздраженным вздохом.

— Я не дурочка, Беа. Пруденс сейчас в Лондоне, занята балами, приемами и прочими светскими глупостями. Она никак не могла написать это письмо.

Беатрикс почувствовала, что неудержимо краснеет, а потом так же неудержимо бледнеет.

— Она отдала письмо перед отъездом.

— Как свидетельство преданности Кристоферу? — Одри презрительно усмехнулась. — Видишь ли, во время нашей последней встречи мисс Мерсер даже не удосужилась спросить о давнем знакомом. И с какой стати, интересно, письма всегда передаешь ты? — Она бросила на подругу нежный и в то же время насмешливый взгляд. — Судя по тому, что Кристофер пишет нам с Джоном, он по уши влюбился в Пруденс — благодаря ее необыкновенным посланиям. И если в итоге эта пустоголовая кокетка окажется моей родственницей, виновата будешь ты!

Подбородок Беатрикс задрожал, а глаза предательски заблестели. Одри крепко сжала безвольную руку.

— Зная тебя, невозможно сомневаться в благих намерениях. Вот только слабо верится, что результат окажется положительным. — Она печально вздохнула. — Прости, мне необходимо вернуться к Джону.

Направляясь в холл, Беатрикс внезапно подумала, что пройдет еще несколько дней и подруге придется пережить смерть любимого мужа.

— Одри, — неуверенно окликнула она. — Как бы мне хотелось принять хотя бы часть твоей боли!

Миссис Фелан остановилась и обернулась, не в силах сдержать чувств.

— Спасибо. Мало кто способен искренне разделить горечь потери.

Через два дня в Рамзи-Хаус пришло известие о кончине Джона. Мистер Фелан умер ночью. Исполненное сочувствия семейство пыталось решить, как лучше помочь осиротевшим женщинам. По правилам хозяину дома следовало нанести визит и предложить свои услуги, однако Лео в это время находился в Лондоне, на внеочередном заседании парламента. Бурные дебаты разгорелись относительно некомпетентности и равнодушия, в результате которых британские войска в Крыму скверно снабжались и не получали должной поддержки.

В результате было решено, что к Феланам отправится Меррипен, муж Уин. Никто не надеялся, что его примут, поскольку мать и вдова вряд ли могли найти силы для разговоров, пусть и сочувственных. Но главная миссия посланника заключалась в доставке письма с выражением

соболезнования и предложением любой необходимой помощи.

— Меррипен, — неуверенно обратилась Беатрикс, — можно попросить тебя передать Одри искреннее сочувствие и спросить, не требуется ли мое участие в организации похорон? А может быть, ей будет легче, если кто-нибудь просто посидит рядом?

— Разумеется, — с готовностью согласился Меррипен. Темные глаза светились состраданием. Зять вырос в семье Хатауэев, и все считали его братом. — А почему бы тебе не написать записку? Я передам слугам.

— Одну минуту. — Беатрикс бросилась к лестнице, подхватила подол длинной широкой юбки, взлетела на второй этаж и скрылась в своей комнате.

Подошла к столу, достала бумагу, перо и потянулась к чернильнице, однако рука замерла в воздухе: взгляд упал на смятое письмо в ящике.

То самое вежливое прощальное послание, над которым она так старательно трудилась.

Оказывается, оно так и не было отправлено.

Колени ослабли, ноги отказывались держать.

— О Боже! — выдохнула Беатрикс и без сил упала на ближайшее кресло, которое опасно покачнулось.

Случилось так, что к Одри по ошибке попало тайное, неподписанное письмо — то самое, которое начиналось словами: «Я больше не могу вам писать. Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете».

Объятое паникой сердце билось тяжело и неровно. Мисс Хатауэй попыталась упорядочить разбегавшиеся мысли. Что, если письмо еще не отправлено? Может быть, еще не поздно его забрать? Надо пойти к Одри и попросить...

Нет, беспокоить в такое время было бы непростительным эгоизмом. Подруга только что потеряла мужа, и стыдно отвлекать ее по пустякам.

Слишком поздно. Придется оставить все так, как есть, и позволить Кристоферу Фелану самому делать выводы из странной записки.

«Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Беатрикс со стоном склонилась и безвольно уронила голову. Покрытый потом лоб прилип к полированному дереву. Счастливица решила, что хозяйка приглашает приласкаться, запрыгнула на стол, уткнулась мордочкой в волосы и замурлыкала.

«Прошу тебя, милостивый Боже, — мысленно взмолилась Беатрикс, — не позволяй Кристоферу отвечать. Пусть история закончится. Не дай ему узнать, что писала я».

Глава 5

Скутари, Крым

— Сдается мне, что госпиталь — не самое подходящее место для человека, твердо решившего выздороветь, — задумчиво произнес Кристофер, бережно поднося к губам раненого чашку с бульоном.

Молодой солдат, парнишка лед девятнадцати-двадцати, издал звук, отдаленно напоминающий смех. Засмеяться по-настоящему он не мог, поскольку рот оказался занят.

Кристофера привезли в полевой госпиталь в Скутари три дня назад, после ранения при штурме Большого редута во время бесконечной осады Севастополя. Меткий стрелок капитан Фелан сопровождал саперов, которые несли лестницу к бункеру русских, когда внезапно раздался взрыв и осколки снаряда попали в правый бок и в ногу.

Превращенные в госпиталь казармы едва вмещали раненых, а что еще хуже, кишели крысами и прочей нечистью. Единственным источником воды служил фонтан, возле которого постоянно стояла очередь из санитаров: тонкая вонючая струйка медленно наполняла ведра. Для питья сомнительная жидкость не годилась, и использовали ее исключительно для мытья и отмачивания повязок.

Капитан Фелан подкупил молодого санитаря, и тот принес стакан бренди. Нет, не для того, чтобы залпом осушить и забыться: Кристофер промыл алкоголем раны, чтобы они не воспалились. От жестокой боли сознание отключилось, и капитан свалился с кровати. Происшествие вызвало дружное веселье многочисленных зрителей. Шуткам не было конца. Впрочем, Кристофер добродушно терпел поддразнивания, потому что понимал: в убогом, полном боли и страданий месте дорога каждая светлая минута.

Доктор извлек осколки из бока и из ноги, однако раны затягивались скверно. Наутро кожа по краям покраснела и припухла. Перспектива заболеть всерьез и застрять надолго в жутком полевом госпитале вселяла ужас.

Днем раньше, несмотря на яростные протесты многочисленных товарищей по огромной палате, санитары начали зашивать безнадежного пациента в пропитанное кровью одеяло прежде, чем тот скончался. В ответ на сердитые крики они равнодушно заявили, что солдат все равно без сознания, от смерти его отделяют считанные минуты, а кровать остро необходима следующему больному. Да, так оно и было на самом деле, но Кристофер, один из немногих раненых, способных покинуть постель, решительно заявил, что готов сидеть возле умирающего до тех пор, пока тот не испустит последний вздох. Час он провел на холодном каменном полу, отгонял назойливых насекомых и на здоровой ноге держал голову незнакомого воина.

— Думаете, ему от этого стало легче? — не скрывая иронии, спросил один из санитаров, когда несчастный наконец отдал Богу душу и капитан позволил его забрать.

— Нет, не ему, — тихо ответил Кристофер. — Всем остальным. — Он кивнул в сторону ровных рядов походных коек, с каждой из которых смотрели встревоженные, испуганные глаза. Страдальцы хотели верить, что, если придет смертный час, с ними обойдутся по-человечески.

Молодой солдат на соседней койке оказался совершенно беспомощным: в недавнем бою он потерял одну руку целиком и кисть второй. Сиделок отчаянно не хватало, и Кристофер взял на себя обязанность кормить товарища. С трудом опустившись на колени, он поднял голову раненого и заботливо поднес к губам чашку с бульоном.

— Капитан Фелан, — раздался скрипучий голос одной из сестер милосердия. Сдержанное поведение и суровое выражение лица монашки вызвали бесконечные ироничные

комментарии (разумеется, за ее спиной). Было решено, что если эту особу допустить на поле сражения, то уже через пару часов русские сдадутся окончательно. При виде стоящего на коленях пациента строгая сиделка нахмурилась; кустистые брови возмущенно сдвинулись к переносице.

— Снова нарушаете режим? Немедленно вернитесь на свое место! И впредь не смейте вставать, если не хотите получить осложнения и остаться у нас надолго.

С виноватым видом Кристофер послушно вернулся на постель.

Монахиня подошла и положила на лоб прохладную ладонь.

— Так я и знала. Жар, — констатировала она. — Не смейте двигаться, капитан, иначе придется вас привязать. — Ладонь исчезла, а на груди появился какой-то посторонний предмет.

Кристофер приоткрыл глаза и увидел пакет с письмами.

Пруденс.

Жадно схватил долгожданную почту и торопливо сломал печать.

В пакете оказалось два конверта.

Он дождался, пока сестра уйдет, и открыл тот, адрес на котором был написан знакомым — нет, теперь уже родным почерком. Одного взгляда на стремительно летящие буквы оказалось достаточно, чтобы в душе началось смятение. Он мечтал о далекой возлюбленной, нетерпеливо и страстно, со всем пылом молодости жаждал встречи.

Да, случилось так, что любовь настигла за морями и горами, на другом конце земли. И не важно, что объект пламенных воздыханий оставался едва знакомым; воспаленное воображение с легкостью восполнило пробелы.

Кристофер развернул листок и увидел всего несколько строчек.

Слова как-то странно перемешались, словно в детской игре. Он вчитывался до тех пор, пока смысл торопливого признания не прояснился.

«Я больше не могу вам писать.

Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете.

Я не собиралась сочинять любовные послания, но так получилось. По пути слова сами собой превратились в запечатленные на бумаге удары сердца.

Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Губы беззвучно повторили дорогое имя. Рука с письмом потянулась к беспокойно бьющемуся сердцу.

Что же случилось с Пруденс?

Странно короткая, импульсивная записка отозвалась вихрем сомнений, вопросов, догадок.

«Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете», — мысленно повторял Кристофер.

Конечно, она другая. Да и сам он другой — вовсе не слабый, немощный больной с воспаленными ранами и высокой температурой. А она — не та пустая кокетка, за которую ее принимают все вокруг. Письма помогли открыть новые черты, новую глубину.

«Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Когда Кристофер открывал второе письмо, руки с трудом повиновались. Лихорадка неумолимо брала свое. Голова начала болеть... в висках отчаянно стучало... письмо Одри пришлось читать, продираясь сквозь туман.

«Дорогой Кристофер.

Не могу подобрать щадящих, осторожных слов. Состояние Джона ухудшается. Смерть он встречает с благородным терпением, сдержанностью и мудростью. Все эти качества твой брат постоянно проявлял всю свою жизнь. Надежды не осталось: к тому времени как получишь письмо, его с нами уже не будет...»

Читать дальше Кристофер не мог, сознание отказывалось служить. Потом, все потом: еще будет время и вернуться к горьким строкам, и оплакать утрату.

Джон не должен болеть. Его обязанность — благополучно жить в Стоун и-Кросс и дарить Одри детей. Место старшего из братьев там, куда предстоит вернуться младшему.

Кристофер с трудом повернулся на бок и натянул на голову одеяло. Вокруг раненые солдаты продолжали коротать время. Каждый занимался своим делом: кто-то разговаривал, кто-то играл в карты, кто-то спал.

Словно сговорившись, товарищи по несчастью милосердно не обращали на капитана внимания, как будто понимали, что в трагические минуты человеку больше всего на свете необходимо уединение.

Глава 6

С тех пор как Беатрикс по ошибке отправила капитану Фелану любовное письмо, прошло десять месяцев, но ответа так и не последовало. Кристофер переписывался с Одри, но та глубоко погрузилась в траур и не находила сил для общения даже с лучшей подругой.

И все-таки кое-что Одри сообщила: капитан был ранен и лежал в госпитале, однако, к счастью, выздоровел и вернулся в строй. Внимательно изучая газеты в надежде обнаружить упоминание о любимом, Беатрикс то и дело встречала сообщения о его новых подвигах. За время длительных военных действий и многомесячной осады Севастополя Фелан стал абсолютным чемпионом в Стрелковой бригаде по количеству полученных наград. Помимо британского ордена Бани, он получил медаль Крымской кампании с отдельными планками за Альму, Инкерман, Балаклаву и Севастополь, звание рыцаря французского Почетного Легиона и даже турецкое почетное звание Меджидие.

Тем временем дружба между мисс Хатауэй и мисс Мерсер, к сожалению, заметно охладела. Отношения разладились после того, как Беатрикс заявила, что больше не может продолжать переписку.

— Но почему же? — встревожилась Пруденс. — Мне казалось, ты делала это с удовольствием.

— Надоело, — коротко пояснила Беатрикс, с трудом сдерживая слезы.

Приятельница с сомнением покачала головой:

— Никогда не поверю, что ты способна ни с того ни с сего бросить человека. Что он подумает, когда письма перестанут приходить?

Справедливый вопрос отозвался острым чувством вины и щемящим ощущением пустоты. Беатрикс с удивлением услышала собственный голос:

— Не могу больше писать, не открыв правду. История приобретает слишком личный характер... на пути встали чувства. Понимаешь, о чем я?

— Единственное, что можно понять, — это твой эгоизм. Ты устроила так, что я не могу написать ни строчки: разница будет заметна во всем, начиная с почерка. Хочешь не хочешь, а отныне ты обязана держать капитана на крючке до его возвращения для меня.

— Но зачем он тебе? — нахмурилась Беатрикс. Выражение «держать на крючке» ей очень не понравилось: можно подумать, Кристофер — мертвая рыба, одна из многих пойманных. — Кавалеров у тебя и так вполне достаточно.

— Не жалуюсь. Но капитан Фелан внезапно превратился в знаменитость, стал героем войны. Не исключено, что после возвращения его пригласит на обед сама королева. К тому же после смерти брата богатое поместье Ривертон перейдет в его полное распоряжение. Сама понимаешь, добыча щедрая, ничем не хуже пэра.

Прежде примитивность рассуждений Пруденс забавляла, однако сейчас возобладало раздражение. Кристофер заслуживал лучшей доли, чем столь мелочный и поверхностный интерес.

— А ты не допускаешь, что на войне человек может измениться? — Беатрикс заставила себя говорить спокойно.

— Конечно, его могут ранить, но хочется надеяться на лучшее.

— Я имела в виду изменения в характере.

— Из-за того, что пришлось участвовать в сражениях? — Пруденс пожала плечами. — Полагаю, определенное влияние возможно.

— А ты газеты читала?

— Не читала, потому что в последнее время была очень занята! — обиженно отрезала Пруденс.

— Капитан Фелан получил даже турецкую награду за спасение раненого офицера-турка. А еще через несколько недель он пробрался в разбитый склад боеприпасов, где погибли десять французских солдат и пять пушек были выведены из строя. Он привел в действие уцелевшую пушку и в течение восьми часов удерживал позицию в одиночку. В другом случае...

— Вовсе не обязательно так подробно обо всем рассказывать. — Пруденс нетерпеливо взмахнула рукой. — О чем ты, Беа?

— О том, что капитан может вернуться совсем не таким, каким уехал. Если судьба друга хоть

немного тебя интересует, стоит дать себе труд представить, что он пережил и какие испытания перенес. — Она протянула небольшой пакет, аккуратно перевязанный голубой ленточкой. — Первым делом необходимо прочитать вот это. Теперь понимаю, что следовало копировать все, что писала сама, чтобы ты смогла понять, о чем идет речь. Извини, раньше не догадалась.

Пруденс неохотно взяла письма Кристофера.

— Что ж, очень хорошо, постараюсь прочитать. Уверена, однако, что, вернувшись на родину, Кристофер не захочет говорить о каких-то письмах — ведь я буду рядом.

— Хотя бы попробуй лучше его узнать, — грустно посоветовала Беатрикс. — По-моему, тебя привлекает совсем не то, что действительно ценно. Человек заслуживает внимания. И даже не потому, что проявил небывалую храбрость в боях и получил множество наград... это, наверное, самая малая часть достоинств.

Беатрикс замолчала, потому что с печальной ясностью осознала: отныне придется избегать людей и проводить больше времени с друзьями-животными.

— Капитан Фелан написал, что, когда вы с ним встречались, вы ни разу не попытались заглянуть в глубину.

— В глубину чего?

Да, Пожалуй, требовать глубины от Пруденс было бы опрометчиво.

— Он считает, что ты — его единственный шанс вернуться в мирную жизнь.

Во взгляде подруги читалось откровенное раздражение.

— Да, судя по всему, переписка действительно зашла неоправданно далеко; пока не поздно, лучше умерить пыл. Излишнее усердие пользы не приносит. Надеюсь, ты не вбила себе в голову, что Кристофер когда-нибудь... — Она тактично замолчала. — Впрочем, не важно.

— Понимаю, что ты собиралась сказать, — спокойно заметила Беатрикс. — Не беспокойся, я не питаю на этот счет никаких иллюзий. Прекрасно помню, как любезно капитан сравнил меня с лошастью.

— Неправда, с лошастью он тебя не сравнивал, — возразила Пруденс. — Просто сказал, что твое место в конюшне. Как бы там ни было, Кристофер — светский человек и не сможет обрести счастье с той, которая постоянно бродит по лесу и возится с животными.

— С животными интереснее, чем с людьми, — обиженно парировала Беатрикс и тут же пожалела о нетактичном замечании, тем более что Пруденс восприняла слова как личное оскорбление. — Прости, я вовсе не хотела...

— Думаю, тебе пора домой. Возвращайся к своим любимцам, — произнесла Пруденс ледяным тоном. — Очевидно, с теми, кто не способен ответить, беседа пройдет удачнее.

Расстроенная и униженная, Беатрикс направилась к выходу, однако бывшая подруга успела напоследок сделать еще более досадное замечание:

— Только обещай, ради нашего общего блага, что ты ни словом не обмолвишься о том, что письма писала ты. Признаваться бессмысленно. Даже узнав правду, он не захочет ни твоей

дружбы, ни, тем более, любви. Единственное, чего ты добьешься, — это презрение и жалость. Гордый офицер никогда не простит обмана.

После такого откровенного разговора молодые леди встречались только мимоходом, а капитан Фелан не получил ни одного письма.

Беатрикс мучительно переживала неизвестность. Как дела у Кристофера? С ним ли Альберт? Правильно ли затянулись раны? Увы, отныне она не имела права знать ответы на жизненно важные вопросы.

Да и раньше тоже.

* * *

К ликованию всей Англии, Севастополь пал в сентябре 1855 года, а в феврале следующего, 1856-го, начались мирные переговоры в Париже. Муж Амелии Кэм Роуэн грустно заметил, что, хотя Британия (вместе с союзниками) выиграла войну, эта пиррова победа не могла оправдать потерь, как не могла вернуть жизнь погибшим и здоровье изувеченным. Трудно было не согласиться с цыганской мудростью. На поле битвы и в госпиталях скончались более ста пятидесяти тысяч солдат союзной армии и больше ста тысяч русских.

Когда наконец поступил долгожданный приказ о возвращении домой, Одри и леди Фелан узнали, что Стрелковая бригада прибудет в Дувр в середине апреля и сразу направится в Лондон, Стрелков ожидали с огромным нетерпением, а Кристофера считали настоящим национальным героем. Вырезанные из газет портреты бесстрашного воина украшали витрины магазинов, а его боевые подвиги служили главной темой разговоров в кофейнях и тавернах. Отдельные деревни и целые графства сочиняли ему пышные, восторженные приветственные письма, а политики поспешили заказать целых три церемониальных шпаги с украшенными драгоценными камнями эфесами и именем героя на ножнах. Оружие предназначалось в качестве благодарственного подарка.

Однако в радостный день высадки стрелков в Дувре капитана Фелана на торжестве таинственным образом не оказалось. Восторженная толпа на набережной приветствовала бригаду и требовала немедленного появления непревзойденного снайпера, но Кристофер предпочел уклониться от славословий, церемоний и банкетов... всеобщий любимец даже не появился на торжественном обеде, который давали королева и принц-консорт.

— Интересно, что же могло случиться с нашим героем? — забеспокоилась Амелия, когда на третий день он все еще продолжал отсутствовать. — Насколько помнится, он всегда отличался общительностью и стремился оказаться в центре внимания.

— Красноречивым отсутствием мистер Фелан привлекает к собственной персоне еще больше внимания, — заметил Кэм.

— Должно быть, его тяготит вся эта шумиха, — не удержалась от комментария Беатрикс. — Скорее всего где-нибудь спрятался и затаился.

Кэм с улыбкой поднял черные брови.

— Как Лиса?

— Да. Лисы очень хитры. Порой делают вид, что убегают прочь от цели, но потом все равно возвращаются и добиваются своего. — Беатрикс подошла к окну и посмотрела на лес, утомленный неприветливой, запоздалой весной... слишком много восточного ветра, слишком много дождей. — Скорее всего капитан Фелан мечтает вернуться домой, но выжидает, пока собаки потеряют след. — Она замолчала и больше не произнесла ни слова, хотя Амелия и Кэм продолжали беседу. Должно быть, воображение болезненно разыгралось: почему-то не покидало странное чувство, что Кристофер где-то близко.

— Беатрикс! — Сестра тоже подошла к окну и ласково обняла ее за плечи. — Тебе грустно, дорогая? Может быть, стоит поехать в Лондон и провести светский сезон в столице, вместе с Пруденс? Ничто не мешает пожить у Лео с Кэтрин или остановиться в отеле у Поппи и Гарри...

— Не нахожу в лондонских гостиных ничего интересного, — отозвалась Беатрикс. — Провела в столице целых четыре сезона, и три из них оказались совершенно напрасными.

— Почему же? Ты имела шумный успех, джентльмены тебя обожали. Не исключено, что в этом году появится кто-нибудь новый и интересный.

Беатрикс печально вздохнула.

— В Лондоне никогда не бывает никого нового, а тем более интересного.

— Верно, — согласилась Амелия после недолгого размышления. — И все же уверена: в городе тебе будет лучше, чем здесь, в деревне. Вокруг такая тишина...

В эту минуту в комнату ворвался маленький темноволосый мальчик верхом на игрушечной лошадке. С воинственным кличем, отчаянно размахивая деревянным мечом, четырехлетний воин промчался по гостиной и случайно задел торшер с синим стеклянным абажуром. Молниеносным броском Кэм спас лампу от неминуемой гибели.

Рай обернулся, увидел отца на полу и со смехом прыгнул сверху. Завязалась борьба. Улучив момент, Кэм повернулся к жене, чтобы сообщить:

— Как видишь, тихо здесь далеко не всегда.

— Я соскучился по Джаду, — пожаловался Рай. — Когда он вернется?

Меррипен и Уин (сестра Беатрикс и Амелии) вместе с сыном Джейсоном, по-домашнему — Джадом, месяц назад отправились в Ирландию, в поместье, которое зятю предстояло унаследовать. Очень пожилой родственник тяжело заболел, и Меррипен согласился задержаться на неопределенное время, чтобы войти в курс дела и познакомиться с арендаторами.

— Вернется не очень скоро, — с сожалением ответил Кэм. — Возможно, не раньше Рождества.

— Так долго ждать, — грустно вздохнул Рай.

— Но у тебя есть и другие кузены, дорогой, — успокоила сына Амелия.

— Они все в Лондоне.

— Эдвард и Эммалайн обязательно приедут на лето. А пока можно поиграть с маленьким братиком.

— Но Алекс ничего не умеет! — возмущенно воскликнул мальчик. — Не разговаривает, даже мячик не может кинуть. Да еще и постоянно протекает.

— С обоих концов, — добавил Кэм и с улыбкой посмотрел на жену янтарными глазами.

Амелия с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться.

— Но не вечно же он будет протекать.

Гордо восседая на груди отца, Рай взглянул на Беатрикс.

— Поиграешь со мной, тетя?

— С удовольствием. Во что? В шарики? В бириульки?

— В войну, — решительно заявил племянник. — Я буду нашей кавалерией, а ты будешь русскими, и я буду гоняться за тобой вдоль забора.

— А что, если представить в лицах Парижские мирные переговоры?

— Но мирных переговоров без войны не бывает, — авторитетно заметил маленький философ. — Если сначала не сражаться, то о чем же тогда договариваться?

Беатрикс улыбнулась сестре.

— Чрезвычайно логично.

Рай подскочил, схватил тетюшку за руку и потащил в сад.

— Пойдем, пойдем, — приговаривал он. — Обещаю не размахивать мечом, как в прошлый раз.

— Не бегайте в лес, — предостерег вслед Кэм. — Один из арендаторов рассказал, что утром из ореховой рощи выскочила бродячая собака и с лаем набросилась. Он опасается бешенства.

Беатрикс остановилась и обернулась.

— Какая собака?

— Дворняжка, очень похожая на терьера. Арендатор уверяет, что пес украл у него курицу.

— Не волнуйся, папа, — уверенно успокоил малыш. — С Беатрикс можно не бояться. Ее все звери любят, даже бешеные.

Глава 7

После часа беготни вдоль живой изгороди и по дорожкам сада Беатрикс отвела племянника домой: настало время дневных занятий.

— Не люблю уроки, — пожаловался Рай, когда через французское окно друзья возвращались в гостиную. — Хочу играть.

— Но ты же сам знаешь, что заниматься математикой необходимо.

— Почему необходимо? Я уже и так умею считать до ста. Уверен, что больше никогда и не понадобится.

Беатрикс улыбнулась:

— Тогда займись чтением. Сможешь прочитать множество увлекательных историй — например, об удивительных приключениях.

— Но если все время читать о приключениях, то когда же в них участвовать?

Беатрикс со смехом покачала головой:

— С тобой лучше не спорить! Ты хитрый, как целая тележка обезьянок.

Мальчик в три прыжка одолел ступеньки и обернулся.

— А ты идешь, тетя?

— Пока нет, — рассеянно ответила Беатрикс, не в силах отвести взгляд от леса. — Пожалуй, немного прогуляюсь.

— Может быть, мне пойти с тобой?

— Спасибо, Рай, но сейчас хочется побыть одной.

— Наверное, собираешься искать собаку? — прозорливо предположил молодой человек.

Беатрикс кивнула:

— Не исключено.

Рай посмотрел неожиданно серьезно.

— Тетя!

— Да, милый?

— А ты когда-нибудь выйдешь замуж?

— Надеюсь. Но сначала надо найти своего человека.

— Если никто на тебе не женится, тогда я женюсь, когда вырасту. Но только если буду выше тебя: не хочу смотреть снизу вверх.

— Благодарю! — торжественно произнесла Беатрикс и поспешила отвернуться, чтобы спрятать улыбку.

Дорога к лесу сюрпризов не обещала: мисс Хатауэй ходила по ней уже сотни раз. Солнце пробивалось сквозь ветви деревьев и освещало давно знакомый пейзаж. Кора скрывалась под слоем бледно-зеленого мха; исключение составляли лишь небольшие темные островки, где древесина превратилась в пыль. Мягкую землю устилали прошлогодние листья и уже опавшие с орешника молодые сережки, сквозь которые пробивались ростки папоротника. Звуки тоже казались родными: птичье пение, шелест листвы, шорох миллионов крошечных живых существ.

Лес выглядел прежним, и все же вскоре родилось новое ощущение: настороженности, предчувствия незнакомого, инстинктивного напоминания о бдительности. В воздухе повисло смутное обещание... чего-то. С каждым шагом напряжение нарастало. Сердце вело себя странно, а кровь возбужденно пульсировала не только в запястьях, но и в горле, и даже в коленях.

Впереди мелькнуло живое существо: тень проскользнула низко, у основания деревьев, примяв папоротник-орляк. Нет, это не человек.

Беатрикс подняла с земли ветку и ловко укоротила до размеров трости.

Существо остановилось, и лес погрузился в тишину.

— Немедленно иди сюда! — строго приказала Беатрикс.

Пес послушно продрался сквозь густой подлесок и вышел на поляну. Внешне он очень напоминал терьера, остановился в нескольких ярдах, зарычал и оскалил длинные белые зубы.

Беатрикс стояла неподвижно и спокойно рассматривала пришельца. Худой, с жесткой короткой шерстью, смешными бакенбардами на мордочке, забавными кисточками на ушах и выразительными карими глазами, круглыми, словно монетки.

Трудно было не узнать характерный облик: она уже видела его прежде — на лаконичном, но выразительном рисунке.

— Альберт? — удивленно спросила Беатрикс.

Уши тут же дернулись и наострились. Пес что-то пробормотал, сердито и растерянно признавая справедливость догадки.

— Значит, он привез тебя с собой, — растроганно произнесла Беатрикс и отбросила палку. В глазах стояли слезы, но она негромко рассмеялась. — Как хорошо, что ты уцелел на войне! Иди же скорее сюда, Альберт, давай познакомимся. Будешь со мной дружить?

Она стояла неподвижно, выжидая, когда собака осторожно приблизится. Альберт обнюхал юбку, медленно обошел кругом. В следующий миг в ладонь уткнулся холодный влажный нос. Беатрикс не шевелилась, даже не погладила по голове — просто стояла, позволяя умному созданию привыкнуть к своему запаху. Наконец напряжение спало, мышцы расслабились, и пасть слегка приоткрылась. Знакомство прошло успешно. Настало время показать, кто здесь главный.

— Сядь, Альберт! — властно приказала Беатрикс.

Пес послушно выполнил команду, поднял голову и тихонько заскулил. Теперь уже ничто не мешало приласкать, почесать за ушами, потрепать по голове. Альберт возбужденно задышал и даже прикрыл глаза от удовольствия.

— Значит, убежал от хозяина, озорник? — спросила Беатрикс, приглаживая жесткую шерсть на спине. — Ах, проказник. Соскучился по охоте на кроликов и белок? А ведь уже ходят слухи о пропавших курах. Лучше держись подальше от дворов, а то в Стоуни-Кросс любопытства не понимают и не любят. Может быть, отвести тебя домой, парень? Наверное, мистер Фелан уже беспокоится и разыскивает. Он...

Послышался шорох. Кто-то пробирался сквозь чашу. Альберт обернулся и с радостным лаем бросился к подходившему человеку.

Беатрикс не спешила поднимать голову — прежде попыталась успокоить дыхание и безумное биение сердца. Пес тем временем вернулся к новой знакомой и, радостно высунув язык, оглянулся на хозяина, словно говоря: «Смотри, кого я нашел!»

Наконец, медленно выдохнув и собравшись с силами, мисс Хатауэй осмелилась посмотреть на человека, который остановился примерно в трех ярдах от нее.

Кристофер.

Мир мгновенно замер.

Она попыталась сравнить героя сражений с прежним светским повесой. Нет, остаться прежним он никак не мог. Теперь это уже не сошедший с Олимпа молодой бог, а закаленный в боях воин.

Лицо загорело и приобрело золотисто-медный оттенок, как будто солнце насквозь пропитало кожу. Русые волосы коротко подстрижены. Взгляд бесстрастный, неподвижный и в то же время таящий глубоко запрятанную боль.

Каким печальным он выглядел и каким одиноким!

Захотелось подбежать, прикоснуться, обнять. Разве можно в такой миг неподвижно устоять на месте?

Беатрикс с трудом узнала собственный дрожащий голос:

— Добро пожаловать домой, капитан Фелан.

Кристофер смотрел молча, явно не узнавая. Ах, эти глаза пронзали душу... лед и пламя.

— Я — Беатрикс Хатауэй, — представилась она. — Моя семья...

— Да, прекрасно вас помню.

Низкий бархатный голос ласкал слух. Взволнованная и растерянная, Беатрикс смотрела в непроницаемое лицо.

Для Кристофера Фелана она оставалась незнакомкой, и все же память о письмах незримо присутствовала между ними, хотя капитан этого и не признавал.

Беатрикс погладила Альберта.

— Вас не было в Лондоне, — прервала она затянувшееся молчание. — А там в вашу честь стоял такой шум!

— Не чувствовал себя готовым к столь серьезным испытаниям.

Несколько слов выразили и отношение, и состояние души. Разумеется, он не был готов к торжествам. Контраст оказался бы слишком болезненным: после пропитанных кровью жестоких военных будней — парады, фанфары и цветы.

— Трудно представить, что здравомыслящий человек способен вынести эту безмерную суету, — согласилась Беатрикс. — Настоящее сумасшествие. Ваши портреты выставлены во всех витринах, и даже вещи называют в вашу честь.

— Вещи? — настороженно переспросил капитан.

— Да. Появился новый фасон шляпы: «фелан».

Темные брови сошлись у переносицы.

— Не может быть.

— Еще как может! С закругленным верхом и узкими полями, серого или черного цвета. Даже в Стоуни-Кросс уже продается.

Кристофер что-то невнятно проворчал себе под нос. Беатрикс почесала Альберта за ухом.

— Пруденс рассказывала о замечательной собаке. Хорошо, что вы привезли ее с собой.

— Ничего хорошего, — сухо возразил Кристофер. — Как только в Дувре сошли на берег, Альберт словно с ума сошел. До сих пор пытается кусаться, даже набросился на одного из слуг, постоянно лает. На ночь пришлось запереть разбойника в сарае, так он каким-то чудом умудрился сбежать.

— Это от страха, — пояснила Беатрикс. — Думает, что если будет так себя вести, никто его не обидит. — Альберт встал на задние лапы, а передние дружески положил на юбку, словно хотел обнять. Беатрикс выставила колено, чтобы пес смог опереться.

— Сюда, — тихо позвал Кристофер. В голосе прозвучала откровенная угроза, и по спине Беатрикс пробежал холодок. Собака прижала хвост и послушно вернулась к хозяину. Капитан достал из кармана поводок и надежно закрепил вокруг лохматой шеи. Оценивающе посмотрел на случайную собеседницу: взгляд скользнул с грязных пятен от лап на платье к изящной линии груди.

— Прошу прощения, — произнес он коротко и недовольно.

— Ничего страшного, меня этим не испугаешь. Но надо как можно быстрее отучить его прыгать на людей.

— Альберт жил среди солдат и понятия не имеет о приличном обществе.

— Ничего, скоро привыкнет. Уверена, как только освоится в новой обстановке, станет прекрасной собакой. — Беатрикс на миг задумалась, а потом предложила: — Могу позаниматься, когда в следующий раз приду навестить Одри. Собаки меня любят и слушаются.

Взгляд сурового воина потеплел.

— Совсем забыл, что вы дружны с моей невесткой.

— Да. — Беатрикс смущенно замолчала. — Следовало раньше сказать, что я глубоко сочувствую вашему горю...

Предупреждающим жестом капитан поднял ладонь. А когда рука наконец опустилась, пальцы нервно сжались в кулак.

Беатрикс все поняла. Боль утраты еще не успела притупиться, и территория оставалась запретной.

— Должно быть, вы лишь недавно в полной мере осознали потерю, правда? — осторожно осведомилась она. — До возвращения в Стоуни-Кросс смерть брата, наверное, не казалась реальностью.

Неприязненный взгляд заставил ее замолчать.

Подобное выражение встречалось в глазах пойманных животных: в нем читалась беспомощная враждебность по отношению к каждому, кто осмелится подойти ближе. Беатрикс научилась уважать настороженность страха и поняла, что дикие существа особенно опасны в минуты беспомощности. Сейчас она сосредоточилась на собаке и принялась гладить густую жесткую шерсть.

— Как поживает Пруденс? — В вопросе прозвучала откровенная тоска.

— Думаю, хорошо. Она проводит в Лондоне светский сезон. — Беатрикс на миг задумалась и добавила: — Мы по-прежнему дружим, но уже не так близки, как раньше.

— Почему же?

Взгляд заметно оживился. Не стоило труда заметить, что любое напоминание о Пруденс пользовалось повышенным вниманием.

«Из-за вас», — мысленно ответила Беатрикс и слабо улыбнулась.

— Судя по всему, у нас разные интересы, — произнесла она вслух, а про себя добавила: «Меня интересуют вы, а ее — состояние, которое вы унаследовали».

— Да уж, вы с мисс Мерсер сделаны из разного теста.

В замечании послышалась откровенная ирония. Беатрикс склонила голову и взглянула с любопытством.

— Не поняла, о чем вы.

Кристофер пожал плечами:

— Всего лишь хотел сказать, что Пруденс такая же, как все остальные, а вы... нет. — Если он и пытался скрыть снисходительное отношение, то получилось у него не слишком успешно.

Сочувствие и нежность растаяли как дым. Беатрикс поняла, что капитан Фелан не изменился в одном: он по-прежнему плохо к ней относится.

— Чего я не хотела бы, так это быть такой, как все: скучной и примитивной.

Собеседник воспринял реплику как упрек Пруденс.

— По сравнению с теми, кто приносит на пикники садовых вредителей? Вот уж точно: никто не посмеет назвать вас скучной, мисс Хатауэй.

Беатрикс похолодела. Откровенное пренебрежение вынести нелегко.

— Можете оскорблять меня, — заявила она, удивляясь, что все еще в состоянии говорить, — но моего ежика оставьте в покое.

Повернулась и быстро зашагала прочь. Альберт жалобно заскулил и собрался бежать следом, так что Кристоферу пришлось силой заставить его сидеть на месте.

Беатрикс ни разу не оглянулась. Хотелось уйти как можно дальше. Нелепо любить человека, который не отвечает взаимностью, но значительно опаснее влюбиться в того, кто тебя откровенно презирает.

Забавно, но почему-то очень захотелось написать «своему» Кристоферу о том неучтивом незнакомце, с которым только что встретилась.

Написала бы она следующее: «Он разговаривал, не скрывая враждебности, обошелся со мной так, словно я не достойна ни капли уважения. Определенно считает меня дикой и не совсем нормальной. Ну а хуже всего то, что, видимо, так оно и есть».

Наверное, именно поэтому общение с животными давалось ей легче, чем общение с людьми. Животные не лгали, не предавали, не изменяли. Они не противоречили сами себе и потому не вселяли ложной надежды на возможность перемен.

* * *

Кристофер неторопливо возвращался домой, и Альберт мирно трусил рядом. По какой-то неведомой причине встреча с мисс Хатауэй подействовала на пса благотворно. В ответ на осуждающий взгляд хозяина он лишь широко улыбнулся и высунул язык.

— Идиот, — пробурчал капитан, не вполне уверенный, к кому относится неодобрительная характеристика: к собаке или к самому себе. Чувство вины не давало покоя. Что и говорить, он вел себя как последний дурак. Беатрикс проявила дружелюбие и похвальную вежливость, а он ответил холодной снисходительностью.

Нет, оскорблять ее он вовсе не хотел и не собирался. Дело в том, что окончательно замучила тоска по Пруденс, по чудесному искреннему голосу, который спас его от неминуемого сумасшествия. Каждое слово ее писем до сих пор звучало в душе.

«В последнее время очень много хожу. На свежем воздухе лучше думается...»

Отправляясь на поиски Альберта, Кристофер никак не мог избавиться от навязчивого предчувствия: казалось, любимая где-то рядом, совсем близко, и судьба сведет их просто и быстро.

Но вместо той очаровательной молодой леди, о которой он так отчаянно мечтал, к которой стремился всей душой, на пути неожиданно возникла Беатрикс.

Не то чтобы она произвела неблагоприятное впечатление. Мисс Хатауэй, конечно, несколько странновата, но весьма забавна и вовсе не так некрасива, как ему казалось прежде. Ну а если говорить честно, то за время его отсутствия она превратилась в настоящую красавицу: подростковая угловатость бесследно исчезла, уступив место грациозной стройности.

Кристофер нетерпеливо покачал головой, пытаясь изменить направление мыслей, однако

образ Беатрикс Хатауэй не отступал. Прелестное овальное личико, соблазнительно пухлые губы и невероятно синие глаза — настолько глубокие, что в лучах солнца кажутся фиолетовыми. Шелковистые темные волосы причудливо заколоты, хотя непослушные пряди стремятся вырваться на свободу.

Да, он слишком давно не знал женщины. Возможно, еще и поэтому стал грубым, как дьявол. Одиночество, горе, боль и гнев тоже сделали свое дело. Неудовлетворенные потребности осаждали, и он понятия не имел, что с собой делать. Однако встреча с Пруденс оказалась бы отличным началом новой жизни.

Решено: он отдохнет дома несколько дней, а когда почувствует, что немного пришел в себя, отправится в Лондон, к мисс Мерсер. На фронте, к сожалению, бывшее красноречие бесследно испарилось. Кристофер и сам чувствовал, что в тех ситуациях, где прежде вел себя свободно, раскованно и неотразимо, сейчас оставался зажатым и до тупости бессловесным.

Одна из проблем заключалась в бессоннице: да, он разучился нормально спать. Малейший шум — скрип половицы, треск ветки за окном — заставлял вздрогнуть и с сердечным трепетом проснуться. Да и днем происходило то же самое. Вчера Одри несла из библиотеки стопку книг, и одна случайно выскользнула. Кристофер машинально потянулся к оружию, а обнаружив на привычном месте пустоту, запоздало вспомнил, что война закончилась. Пистолет давно стал подобием третьей руки, и даже сейчас постоянно ощущалось его призрачное присутствие.

Кристофер замедлил шаг, а потом и вообще остановился и присел, чтобы заглянуть Альберту в глаза и приласкать верного друга.

— Ну что, старина, трудно забыть войну? — не то спросил, не то признался он. Альберт задышал возбужденно, прижался и попытался лизнуть хозяина в лицо. — Бедняжка, не понимаешь, что происходит, да? По-твоему, в любой момент снова могут засвистеть пули и начать взрываться снаряды.

Альберт шлепнулся на спину и подставил живот, умоляя почесать. Кристофер порадовал приятеля и встал.

— Пойдем домой, — позвал он. — Обещаю снова впустить в дом, только не вздумай кого-нибудь укусить.

К сожалению, едва вернувшись в увитый плющом особняк, боевой товарищ тут же впал в прежнее враждебное ко всем и ко всему состояние. Хозяин, однако, остался верен принятому решению и повел пса в маленькую гостиную, где пили чай мать и невестка.

Альберт забыл о подобающем поведении и принялся лаять неприлично громко. Облаял обеих дам, после чего переключился на испуганную горничную, а с нее — на муху на стене и чайник на столе.

— Молчать! — сурово приказал Кристофер сквозь стиснутые зубы, подтащил обезумевшее животное к дивану и привязал к ножке. — Сидеть, Альберт. Спокойно.

Одри изобразила фальшиво-сладкую улыбку и, словно пародируя светские манеры, предложила:

— Чашечку чаю?

— Благодарю, с удовольствием, — сухо отозвался Фелан и сел за стол.

Лицо матушки превратилось в каменную маску, а голос прозвучал подобием скрипучего колеса.

— Собака оставляет на ковре грязь. Тебе действительно необходимо навязывать нам общество этого невоспитанного существа?

— Да, мама, абсолютно необходимо. Альберт должен привыкнуть к новой обстановке.

— А вот я ни за что не смогу к нему привыкнуть, — сердито возразила леди Фелан. — Понятно, что во время войны собака тебе помогала. Но сейчас в ней нет ни малейшей надобности.

— Сахар? Молоко? — предложила Одри и перевела со свекрови на деверя серьезный, без тени улыбки взгляд.

— Только сахар. — Кристофер наблюдал, как изящно она управляет с крошечными щипчиками и кладет в чашку несколько мелко наколотых кусочков. Он принял чай и попытался сосредоточиться на горячем душистом напитке. Ничего не получилось: снова напал предосудительный, неприличный гнев. Частые приступы несоразмерной, необузданной злости грозили стать еще одной серьезной проблемой.

Когда наконец удалось успокоиться настолько, что мысли вновь обрели власть над словами, он заговорил:

— Альберт не просто помогал. Когда приходилось неделями сидеть в грязном окопе, он оставался дежурить, а мне позволял поспать, не опасаясь внезапного нападения. Он носил записки вдоль линии укреплений, чтобы не случилось ошибок в выполнении приказов, подавал сигнал тревоги задолго до того, как наши глаза и уши успевали заметить опасность. — Кристофер замолчал и посмотрел в напряженное, недовольное лицо матери. — Я в прямом смысле в долгу перед ним: обязан жизнью. К тому же, каким бы невоспитанным и грубым ни казался мой верный друг, я его люблю. — Он благодарно взглянул на Альберта, и пес радостно застучал хвостом по полу.

Одри смотрела с сомнением, а леди Фелан не скрывала недовольства.

Кристофер молча допил чай. Больно было видеть, насколько изменились близкие — похудели, побледнели. Волосы матери из темных стали белыми. Долгая болезнь Джона измучила обеих, а смерть и почти год глубокого траура окончательно сломили волю к жизни.

Не впервые пришла мысль о том, что традиции заставляют людей оставаться в одиночестве и замыкаться в себе в тяжелое время, когда общение и новые впечатления оказались бы не просто полезными, а поистине спасительными. Поставив полупустую чашку, леди Фелан попыталась подняться и выйти из-за стола, и сын немедленно вскочил, чтобы помочь.

— Не могу пить чай, когда этот зверь на меня смотрит, — заявила она. — Так и кажется, что сейчас бросится и вцепится в горло.

— Не бойтесь, мама, он привязан, — успокоила Одри.

— Не важно. Это дикое создание, и я его ненавижу. — Подняв голову, с выражением глубочайшего презрения свекровь царственно покинула комнату.

Освободившись от необходимости соблюдать правила этикета, Одри поставила локоть на стол и положила подбородок на руку.

— Твои дядя и тетя пригласили матушку погостить в Хартфордшире, и я уговариваю ее согласиться. Смена обстановки пойдет на пользу.

— В доме невыносимо темно, — заметил Кристофер. — Почему закрыты ставни и задернуты шторы?

— От света у нее болят глаза.

— Что за нелепость! — Кристофер нахмурился. — Непременно надо ехать; она слишком долго сидит в этом склепе. И ты, кстати, тоже.

Одри вздохнула.

— Уже почти год. Скоро можно будет отказаться от глубокого траура и перейти в полутраур.

— И что же означает этот ваш полутраур? — уточнил Кристофер. Таинственные женские ритуалы оставались для него загадкой.

— Он означает, что можно будет снять вуаль, — печально поведала Одри, — а еще вместо черных платьев разрешается носить серые и цвета лаванды. Допускаются даже украшения, только не блестящие. Можно посещать некоторые из светских раутов, хотя строжайше запрещено выказывать интерес к происходящим событиям.

Кристофер презрительно фыркнул.

— И кто же придумывает все эти глупости?

— Понятия не имею. Но, видит Бог, соблюдать правила надо неукоснительно, чтобы не вызвать общественного гнева. — Одри помолчала. — Впрочем, матушка отказывается от полутраура и собирается до конца своих дней оставаться в черном.

Кристофер кивнул. Сообщение несколько его не удивило. После смерти старшего из сыновей преданность матери к нему лишь укрепилась.

— Она смотрит на меня так, будто глубоко сожалеет, что умер не я, — заметил он.

Одри собралась возразить, однако передумала.

— Трудно винить тебя в том, что вернулся с войны живым, — тихо произнесла она после долгой паузы. — Я искренне рада, что ты здесь, и верю, что в глубине души мама тоже рада. Но тяжелый год лишил ее душевного равновесия. Порой кажется, что слова вырываются помимо ее воли и сознания. Я надеюсь, жизнь вдаль от Гемпшира пойдет ей на пользу. — Она пожала плечами. — Да и я тоже собираюсь уехать. Хочу навестить родственников в Лондоне, тем более что нам с тобой не пристало оставаться в доме без присмотра.

— Если хочешь, через несколько дней поедem в Лондон вместе. Я как раз планирую встретиться с Пруденс Мерсер.

Одри нахмурилась.

— О!

Кристофер взглянул вопросительно.

— Кажется, твое мнение о молодой леди не изменилось.

— Как раз изменилось, причем в худшую сторону. Замечание показалось несправедливым и обидным.

— Почему?

— За два последних года мисс Мерсер заслужила репутацию бесстыдной кокетки. Всем известно ее твердое намерение выйти замуж за богатого человека, желательно пэра королевства. Надеюсь, ты не питаешь иллюзий относительно ее поведения в твое отсутствие.

— Во всяком случае, не жду, что все это время она носила власяницу.

— И правильно: ничего подобного Пруденс не делала. Больше того, судя по всему, она даже не вспоминала о твоем существовании. — Одри помолчала, а потом с горечью добавила: — Впрочем, вскоре после кончины Джона, когда ты стал новым владельцем Ривертона, интерес к твоей персоне значительно оживился.

Сохраняя внешнюю невозмутимость, Кристофер глубоко задумался: все услышанное плохо сочеталось с образом, возникшим при чтении восхитительных писем. Должно быть, мисс Мерсер пала жертвой завистливых сплетниц; красота и очарование лишь подтверждали справедливость предположения.

Вступать в спор с невесткой не хотелось. Надеясь отвлечь внимание от опасной темы, Кристофер заговорил о недавнем впечатлении:

— Сегодня во время прогулки встретил одну из твоих подруг.

— Кого?

— Мисс Хатауэй.

— Беатрикс? — Одри заметно оживилась. — Надеюсь, ты вел себя вежливо?

— Не особенно, — признался Кристофер.

— И что же ты ей наговорил?

Кристофер пожал плечами.

— Оскорбил ее ежика, — мрачно пробормотал он.

Известие вызвало открытую неприязнь.

— О Господи! — Одри принялась с таким остервенением размешивать чай, что едва не разбила ложечкой тонкую фарфоровую чашку. — Подумать только! Когда-то ты славился умением говорить комплименты и очаровывать. Что же заставляет постоянно и незаслуженно обижать самую милую и приятную девушку во всей Англии?

— Я не обижаю ее постоянно — только сегодня.

Одри презрительно скривилась.

— До чего же удобно обладать короткой памятью! А вот весь Стоуни-Кросс прекрасно помнит,

как однажды ты заявил, что ее место в конюшне.

— Ни за что на свете не сказал бы подобного женщине, какой бы эксцентричной она ни казалась... и продолжает казаться.

— Беатрикс услышала твои слова во время разговора с одним из приятелей на осеннем празднике в поместье Стоуни-Кросс.

— И всем рассказала?

— Нет. Но совершила ошибку и поделилась с Пруденс, а та разнесла сплетню по всей округе. Мисс Мерсер хлебом не корми — дай позлословить.

— Да, бедняжка явно не пользуется твоей симпатией, — сделал вывод Кристофер. — Но если ты...

— Изо всех сил я старалась ее полюбить. Надеялась, что если стереть несколько слоев искусственности и притворства, внутри окажется настоящая Пруденс. К сожалению, выяснилось, что внутри пустота. И вряд ли эта пустота когда-нибудь заполнится.

— На твой взгляд, Беатрикс Хатауэй лучше?

— Во всех отношениях, за исключением, пожалуй, внешности.

— А вот в этом-то ты как раз ошибаешься, — уверенно возразил Кристофер. — Мисс Хатауэй — истинная красавица.

Одри вскинула брови.

— Ты так считаешь? — между делом уточнила она, поднимая чашку к губам.

— Не считаю, а вижу. Несмотря на характер, невозможно не признать, что мисс Хатауэй на редкость хороша собой.

— О, право, не знаю... — Одри сосредоточилась на чае, даже положила еще один кусочек сахара, совсем крошечный. — Беатрикс довольно высокого роста.

— И рост, и фигура безупречны, идеальны.

— Да и каштановые волосы вполне обычны.

— Но это не простой каштановый цвет, а темный, как соболий мех. А глаза...

— Голубые, как у многих в Англии, — отмахнулась Одри.

— Глаза самой глубокой, самой чистой синевы, какую только доводилось видеть. Ни одному художнику не удастся передать... — Кристофер внезапно замолчал. — Не важно. Я отвлекся от темы.

— Так в чем же заключается тема? — мило осведомилась Одри.

— В том, что мне безразлично, красива ли мисс Хатауэй или нет. Она странная, как и все ее родственники, и никто из них меня не интересует. Точно так же не имеет значения и внешность Пруденс Мерсер; важны лишь ее мысли и рассуждения — чудесные, оригинальные,

захватывающе интересные.

— Понятно. Значит, Беатрикс рассуждает странно, а мисс Мерсер — оригинально и захватывающе интересно?

— Именно так.

Одри задумчиво покачала головой.

— Вообще-то я давно хочу кое-что тебе рассказать, но лучше промолчу: со временем все прояснится. А если услышишь правду от меня, все равно не поверишь. Вернее, ты не захочешь поверить. До всего надо дойти своим умом.

— Одри, о чем ты, черт возьми? Что за туман?

Сложив на груди тонкие, почти прозрачные руки, невестка смотрела строго, хотя в уголках губ притаилась едва заметная улыбка.

— Если считаешь себя джентльменом, — наконец сдержанно произнесла она, — то завтра же пойдешь к Беатрикс и попросишь прощения за грубость. Кстати, не забудь взять с собой Альберта — его-то она точно будет рада видеть.

Глава 8

В Рамзи-Хаус Кристофер отправился на следующий день, после ленча. И вовсе не потому, что ему хотелось туда идти. Просто конкретные планы как-то не сложились, а чтобы то и дело не сталкиваться с обвиняющими взглядами матери и не созерцать стоическое спокойствие Одри, оставался единственный вариант: уйти из дома. Тишина полутемных комнат, таящиеся в каждом углу воспоминания казались слишком тяжелым испытанием.

А ведь еще предстояло расспросить Одри о последних днях брата, о его прощальных словах.

Беатрикс Хатауэй не ошиблась, предположив, что смерть Джона стала для него реальностью только после возвращения домой.

Пока шли по лесу, Альберт радостно носился вокруг, приняхивался, деловито рылся в мягкой земле. Кристофер чувствовал себя не слишком уютно, предвкушая недружелюбную встречу в Рамзи-Хаусе. Беатрикс, разумеется, нажаловалась родным и рассказала о недостойном поведении соседа. Все наверняка рассердились и осудили — и правильно сделали. Семейство Хатауэев славилось сплоченностью и неизменной готовностью всех в любую минуту броситься на помощь каждому. Иначе и быть не могло: мало того что род не отличался знатностью и благородством, так еще и принял в свои ряды двух цыган в качестве зятьев.

Единственное, что позволяло семье вращаться в приличном обществе, — это звание пэра, доставшееся Лео, лорду Рамзи. Немало помогла также и благосклонность лорда Уестклифа, одного из самых могущественных и уважаемых пэров королевства. Эта связь обеспечила доступ в замкнутый круг, в который нельзя было попасть иным путем. Однако местное дворянство проявляло чрезвычайное недовольство тем обстоятельством, что сами Хатауэи не обращали на светские условности ни малейшего внимания.

Подходя к особняку, Кристофер запоздало спросил себя, какого черта он явился без

предупреждения. Вполне возможно, что день для визита неподходящий, а уж о времени и говорить нечего. Впрочем, хозяева скорее всего не заметят нарушения этикета.

Обширное поместье Рамзи славилось своей продуктивностью: три тысячи акров пахотных земель и двести процветающих арендаторских хозяйств приносили солидный доход, а большой лес ежегодно давал немалое количество ценной древесины. Сам старинный дом выглядел оригинальным и, как неохотно признал Кристофер, по-своему красивым. От центрального мансардного окна средневекового облика в обе стороны отходили ряды остроконечных фронтонов и коньки эпохи Якова Первого, украшенные причудливыми орнаментами. Слева возвышалась аккуратная прямоугольная пристройка в георгианском стиле. Смесь архитектурных деталей вовсе не казалась необычной; многие дворянские гнезда вели свою историю с незапамятных времен и постепенно обрастали новыми, порой весьма неожиданными добавлениями. Но в случае с семейством Хатауэй даже облик дома подчеркивал всеобщую странность.

Кристофер прикрепил к ошейнику Альберта поводок и с откровенным страхом направился к парадному входу.

Если повезет, то принять его никто не сможет.

Предусмотрительно привязав собаку к столбику возле выхода, он поднялся по широким пологим ступеням, постучал и погрузился в напряженное ожидание.

Вскоре дверь распахнулась и на пороге показалась экономка с обезумевшим взглядом.

— Прошу прощения, сэр, но у нас в самом разгаре... — Из глубины донесся звон фарфора. — О... Боже милостивый! — Она со стоном показала в сторону маленькой гостиной. — Подождите там, пожалуйста.

— Поймал! — послышался мужской голос. — Черт возьми, нет! Вырвалась и бежит к лестнице!

— Не пускай ее наверх! — закричала женщина. Где-то плакал ребенок. — О, это проклятое существо разбудило маленького! Куда девались горничные?

— Наверное, попрятались.

Не веря собственным ушам, капитан Фелан помедлил у входа... неподалеку блеяла коза.

— В доме живет коза? — невозмутимо осведомился он.

— Нет, конечно, нет. — Экономка попыталась втолкнуть его в гостиную. — Это... плачет ребенок. Да, ребенок.

— Что-то не очень похоже, — усомнился гость. Снаружи залаял Альберт. По холлу проворно, почти не хромая, пронеслась кошка на трех лапах, а за ней — значительно быстрее, чем принято ожидать от созданий подобного рода, — просеменил ошестинившийся ежик. Экономка поспешила за дружной парочкой.

— Пандора, немедленно иди сюда! — раздался новый голос, и Кристофер сразу сообразил, что кричит Беатрикс. Общая суматоха требовала присоединиться к участию в действии, но как же понять, что происходит?

В это мгновение в холл ворвалась большая белая коза, а следом из-за угла показалась младшая

из сестер и, заметив праздного зрителя, остановилась.

— Могли бы попытаться поймать! — воскликнула она и, узнав Кристофера, нахмурилась. — О, это вы...

— Мисс Хатауэй... — начал он.

— Подержите!

Она поспешно сунула ему в руки что-то живое и теплое, а сама помчалась в погоню за козой.

Кристофер ошеломленно посмотрел на крошечное создание и увидел новорожденного козленка — белого, с коричневой головкой. Впрочем, сама Беатрикс удивила его еще больше. Посмотрев ей вслед, капитан едва не выронил малыша: оказалось, что молодая леди не в платье, а в бриджах и высоких сапогах.

Капитану Фелану доводилось видеть женщин во всевозможных одеяниях и без оных, но вот в наряде конюха перед его взором до сих пор не представала ни одна из сестер Евы.

— Наверное, это сон, — рассеянно обратился Кристофер к неловкому пушистому комочку. — Очень странный сон о Беатрикс Хатауэй и козах...

— Есть! Поймал! — радостно прокричал уже знакомый мужской голос. — Я же говорил, что загон надо делать выше!

— Она не перепрыгнула, — возразила Беатрикс, — а прогрызла изгородь.

— А кто пустил ее в дом?

— Никто. Сама пробралась через кухню.

Продолжение разговора разобрать не удалось.

В парадную дверь, задыхаясь от быстрого бега, влетел темноволосый мальчуган лет четырех. В руке он воинственно сжимал деревянный меч, а голову обвязал носовым платком — настоящий маленький пират.

— Поймали козу? — с ходу осведомился он.

— Кажется, да.

— Вот не везет! Пропустил самое интересное, — вздохнул мальчик и посмотрел внимательно. — А ты кто?

— Капитан Фелан.

Во взгляде вспыхнул интерес.

— А где же твой мундир?

— Война закончилась, и я его снял.

— Ты пришел к моему папе?

— Нет, я... хотел бы побеседовать с мисс Хатауэй.

— Ты один из ее кавалеров?

Чтобы развеять сомнения, Кристофер решительно покачал головой.

— А может быть, и кавалер, только пока еще и сам не знаешь.

Впервые за долгое время Кристофер улыбнулся по-настоящему.

— У мисс Хатауэй много кавалеров?

— Много. Но только ни один не хочет на ней жениться.

— Почему, как ты думаешь?

— Все боятся, что в них выстрелят. — Мальчик пожал плечами.

— Что? — не понял Кристофер.

— Прежде чем жениться, надо влюбиться, а для этого в тебя должны выстрелить из лука. — Он задумался. — Наверное, дальше не так больно, как в самом начале.

Кристофер улыбнулся еще шире. В этот момент Беатрикс вернулась в холл вместе с мамашей-козой, которую тащила на веревке, и пристально посмотрела на незваного гостя.

Улыбка поблекла, а Кристофер утонул в нестерпимо синих глазах. Они оказались поразительно чистыми и прозрачными... глаза странствующего ангела. Почему-то подумалось, что никакие грехи мира не смогут их замутить, но в то же время все, что увидел и совершил он сам, никогда не сотрется из памяти и навсегда останется в темных закоулках души.

Мисс Хатауэй медленно перевела взгляд на племянника.

— Рай, будь добр, отведи Пандору в амбар. И козленка отнеси. — Она подошла и бережно взяла новорожденного. Ее нечаянное легкое прикосновение вызвало его мгновенный и несоразмерный, хотя и приятный ответ.

— Хорошо, тетя. — Мальчик послушно отправился выполнять задание, удивительным образом легко справляясь с двумя животными и продолжая крепко сжимать меч.

Кристофер стоял напротив Беатрикс и всеми силами старался удержаться от откровенных, нескромных взглядов. Впрочем, ничего не получалось. С тем же успехом она могла бы выйти в холл в нижнем белье. Это было бы даже лучше, потому что не выглядело бы столь необычно и эротично, как стройная женственная фигура в мужской одежде. А главное, она ни капли не смущалась. Черт возьми, что же это за загадочная особа?

Красивая и в то же время непредсказуемая, она возбуждала сложные чувства: раздражение, восхищение... вожделение. Густые тяжелые волосы, не желавшие покоряться шпилькам и заколкам, раскрасневшиеся от возни щеки... воплощение сияющего женственного здоровья.

— Зачем вы здесь? — коротко спросила Беатрикс.

— Пришел попросить прощения. Вчера я вел себя невежливо.

— Больше того, грубо.

— Да, конечно. Искренне сожалею. — Ответа не последовало, и Кристофер мучительно попытался подыскать единственно верные слова. А ведь когда-то он славился умением вести светскую беседу! — Слишком много времени я провел в военных лагерях, а после возвращения из Крыма то и дело злюсь без всякого повода и говорю глупости. Печально, потому что слова очень много для меня значат, чтобы так небрежно ими разбрасываться.

Возможно, воображение обманывало, но ему показалось, что синие глаза слегка оттаяли.

— Не стоит просить прощения за то, что я вам не нравлюсь. Достаточно извиниться за невежливое обращение.

— За грубость, — уточнил Кристофер. — Но это не так.

— Что не так? — нахмурилась Беатрикс.

— То, что вы мне не нравитесь. Я слишком плохо вас знаю, а потому не имею оснований для симпатии или антипатии.

— Не сомневаюсь, что, узнав лучше, вы получите больше оснований для антипатии. А потому имеет смысл сократить путь и сразу признать, что мы друг другу неприятны. Разумный подход освободит от болезненных промежуточных этапов.

Монолог прозвучал так искренне и убедительно, что трудно было не заинтересоваться.

— Боюсь, не могу согласиться.

— Почему же?

— Всего лишь потому, что, услышав те доводы, которые вы изволили привести, я почувствовал, как в душе зарождается дружелюбие.

— Ничего, это случайно и скоро пройдет, — отмахнулась Беатрикс.

Решительный тон показался забавным.

— Что-то не проходит. Наоборот, становится все сильнее и сильнее. Вот сейчас я уже абсолютно уверен, что отношусь к вам с горячей симпатией.

Беатрикс взглянула скептически.

— А как же мой ежик? Он вам тоже симпатичен?

— Душевная привязанность к грызунам требует времени.

— Медуза — не грызун. Она — иглокожее.

— А зачем вы принесли ее на пикник? — не удержался от вопроса Кристофер.

— Потому что считала, что общество воспитанного, добропорядочного животного намного приятнее компании тех людей, которых предстояло встретить. — В уголках губ появилась улыбка. — И не ошиблась. — Она немного помолчала. — Мы собираемся пить чай. Не желаете присоединиться?

Гость покачал головой прежде, чем хозяйка закончила приглашение. Начнутся бесконечные вопросы, придется подыскивать осторожные, нейтральные ответы. Одна лишь мысль о долгом разговоре вызывала страх.

— Спасибо, но вынужден отказаться. Дело в том, что...

— Совместное чаепитие — необходимое условие прощения, — отрезала Беатрикс. Синие глаза смотрели строго и требовательно.

Удивленный и растерянный, Кристофер попытался понять, на каком основании молодая, не знающая жизни особа двадцати с небольшим лет позволяет себе отдавать приказы бывалому воину.

И все же день выдался необычным и увлекательным. Так почему бы и не остаться? Его нигде не ждали. Лучше провести время в этом забавном доме, чем возвращаться к себе, в темные мрачные комнаты.

— Что ж, раз так, — заговорил он и испуганно замолчал, потому что Беатрикс неожиданно подошла почти вплотную.

— Ах, какая досада! — Она внимательно посмотрела на отвороты твидового сюртука и принялась яростно чистить. — На вас козья шерсть!

Кристофер забыл, что человеку положено дышать.

— Мисс Хатауэй...

В стремлении уничтожить последствия общения с братьями меньшими она оказалась слишком близко. Впрочем, ему и этого было мало. Что, если обнять, прижать к груди и уткнуться носом в сияющую копну темных, с каштановым отливом, волос?

— Не двигайтесь, — строго предупредила Беатрикс, продолжая нещадно колотить по сюртуку. — Уже почти отчистила.

— Не двигаюсь. Дело не в этом...

Самоконтроль иссяк. Кристофер сжал тонкие запястья и замер, удерживая руки в своей власти. О Господи! Что за ощущения! Гладкая кожа... легкая пульсация вен под пальцами... вот стройная фигурка содрогнулась, и захотелось поймать и унять внезапную дрожь, ощутить ладонями каждую линию, каждый изгиб восхитительной фарфоровой статуэтки.

Но несмотря на откровенное влечение, он никогда не стал бы добиваться благосклонности подобной особы, даже если бы и не был влюблен в Пруденс. Главное, что требовалось для душевного благополучия, — это возвращение в нормальное жизненное русло, в традиционное, спокойное существование.

Беатрикс медленно освободилась из тисков и посмотрела настороженно, с опаской.

Когда слышались приближающиеся шаги, оба вздрогнули, словно очнулись от забытья.

— Добрый день, — произнес приятный женский голос. Старшая из сестер Хатауэй, Амелия, оказалась заметно ниже и полнее Беатрикс. Она излучала теплое материнское обаяние, готовое щедро пролиться на каждого, кто нуждался в сочувствии и поддержке.

— Миссис Роуэн, — с поклоном пробормотал Кристофер.

— Сэр?.. — ответила она с вопросительной интонацией. Несмотря на то что доводилось встречаться прежде, его определенно не узнавали.

— Амелия, это капитан Фелан, — представила гостя Беатрикс.

Голубые глаза удивленно округлились.

— Что за приятный сюрприз! — Она протянула руку.

— Мы с капитаном Феланом ненавидим друг друга, — объявила мисс Хатауэй. — Точнее говоря, мы заклятые враги.

Кристофер взглянул недоуменно.

— Простите, но когда же мы успели стать заклятыми врагами?

Не обратив внимания на реплику, Беатрикс продолжала:

— Несмотря на это, он останется к чаю.

— Замечательно, — невозмутимо отозвалась Амелия. — Позволь спросить, дорогая, что послужило причиной ненависти?

— Вчера мы случайно встретились во время прогулки, — пояснила Беатрикс. — Капитан назвал Медузу «садовым вредителем» и обвинил меня в том, что я принесла ее на пикник.

Амелия улыбнулась гостю.

— Медуза слышала сравнения и похуже, включая «бешеную подушку для иголок» и «ходячий кактус».

— Не могу понять, почему люди так не любят ежей, — обиженно проворчала Беатрикс.

— Во-первых, они действительно раскапывают сад, — рассудительно заметила Амелия, — а во-вторых, их не очень-то приятно обнимать. Капитан Фелан по-своему прав, милая. Вместо ежика можно было бы взять на пикник кошку.

— Не говори чепухи! Кошкам пикники нравятся еще меньше, чем ежам.

Диалог продолжался с такой неправдоподобной скоростью, что некуда было вставить слово, и все же Кристофер уловил удобный момент и попытался оправдаться.

— Я уже принес мисс Хатауэй свои извинения, — смущенно произнес он.

Амелия взглянула одобрительно.

— Чудесно! Мужчина, которого не пугает необходимость признать собственную вину, — большая редкость в современном мире. Хотя, честно говоря, в нашей семье извинения пропадают зря: как правило, мы с радостью воспринимаем то, на что должны были бы обижаться, и наоборот. Пойдемте, капитан Фелан, вы среди друзей.

Вслед за хозяйкой Кристофер вошел в светлый, жизнерадостный дом со множеством окон и

бесконечными стопками книг на каждой горизонтальной поверхности.

— Беатрикс! — Амелия через плечо посмотрела на сестру. — Может быть, стоит задуматься о костюме? Бедному капитану Фелану твой наряд может показаться шокирующим.

— Но он уже видел меня такой, — донесся сзади голос мисс Хатауэй, — и, должно быть, успел впасть в состояние шока. Так зачем же переодеваться? Разве только капитан почувствует себя лучше, если я сниму бриджи?

— Нет, — поспешил вставить Кристофер.

— Вот и отлично, тогда останусь в них. Если честно, не понимаю, почему женщинам нельзя постоянно так одеваться. Можно свободно ходить и даже прыгать. А как бегать за козой в юбке?

— Этот вопрос предстоит решить портным, — рассудительно заметила Амелия. — Лично меня больше занимает беготня за детьми, а не за козами.

Они вошли в просторную комнату, одна из стен которой представляла собой полукруглый ряд высоких, выходящих в весенний сад окон. Уютная мягкая мебель и вышитые подушки радовали глаз. Горничная накрывала стол к чаю. Кристофер невольно сравнил теплую, непринужденную атмосферу со вчерашним напыщенным чаепитием в собственной безупречной и тоскливой гостиной.

— Принеси, пожалуйста, еще один прибор, Тили, — попросила Амелия. — У нас гость.

— Хорошо, мэм. — Горничная выглядела откровенно встревоженной. — А коза ушла?

— Ушла и больше не вернется, — последовал утешительный ответ. — Можешь смело нести поднос. — Амелия шутливо нахмурилась и обратилась к Кристоферу: — От этой козы одни неприятности. Да и внешний вид оставляет желать лучшего. Больше всего козы напоминают плохо одетых овец.

— Неправда! — Беатрикс решительно встала на защиту справедливости. — Козы гораздо умнее и смелее овец. А те только и умеют, что бегать толпой. В Лондоне довелось немало их повидать.

— Овец? — озадаченно переспросил Кристофер.

— Сестра часто говорит образно, капитан, — пояснила Амелия.

— Вообще-то я встречала и настоящих овец, — уточнила Беатрикс. — Но сейчас имею в виду главным образом людей. Все они по сто раз пересказывают одну и ту же сплетню. Скучно. Неукоснительно следуют моде и общепринятому мнению, каким бы глупым ни оказалось и то и другое. А главное, рядом с ними не растешь и не развиваешься. Напротив, незаметно для себя попадаешь в стадо и тоже начинаешь блеять.

В дверях послышался негромкий смех, и в комнату вошел Кэм Роуэн.

— Сестер Хатауэй никак нельзя причислить к овцам, — вступил он в разговор. — Сколько лет пытаюсь вас пасти, и все безрезультатно.

Кристофер помнил, что когда-то Роуэн работал в одном из лондонских игорных клубов, а потом

сумел нажить немалое состояние, удачно инвестировав в производство. Несмотря на то что все в Стоуни-Кросс знали о безраздельной преданности мистера Роуэна жене и детям, Кэм не вполне соответствовал образу степенного уважаемого патриарха. Длинные темные волосы, экзотические янтарные глаза и бриллиантовая серьга в ухе выдавали цыганские корни.

Подойдя к гостю, Роуэн поклонился и дружелюбно приветствовал его:

— Приятно вас видеть, капитан Фелан. Все мы искренне надеялись на ваше благополучное возвращение.

— Благодарю. Надеюсь, мое присутствие не нарушит семейный уклад.

— Ни в малейшей степени. В доме слишком тихо: лорд Рамзи с супругой все еще в Лондоне, а мой брат Меррипен со всем семейством отправился в Ирландию. — Кэм улыбнулся. — И даже неожиданное вторжение козы не способно исправить положение.

Леди и джентльмены заняли места за столом, горничная разложила салфетки и расставила чаши для споласкивания пальцев, а вскоре явился щедро нагруженный яствами поднос. Амелия начала разливать чай, и Кристофер обратил внимание на то, что в одну из чашек, стоявшую напротив Беатрикс, она положила несколько измельченных зеленых листьев.

Заметив интерес гостя, хозяйка пояснила:

— Сестра предпочитает чай с мятой. Может быть, тоже хотите?

— Нет, спасибо... — Кристофер следил, как хозяйка кладет ложечку меда и старательно размешивает.

«Каждый день, утром и днем, пью чай из свежей мяты с медом...»

Воспоминание о Пруденс отозвалось привычной тоской, и Кристофер заставил себя отвлечься и сосредоточиться на необычных людях, среди которых внезапно оказался.

В наступившей тишине со двора донесся лай Альберта. Кристофер раздраженно поморщился: кажется, чертов пес явно не собирался вести себя прилично.

— Он волнуется, потому что не знает, куда я вас увела, и хочет защитить.

Капитан устало вздохнул:

— Наверное, мне лучше уйти. Эта собака способна лаять несколько часов кряду.

— Ничего, постепенно привыкнет. Альберт должен научиться уважать ваши планы. Сейчас впущу его в дом.

Несмотря на очевидную справедливость слов, властная манера Беатрикс покорила.

— Он может что-нибудь испортить, — возразил Кристофер, поднимаясь.

— После козы? Не беспокойтесь, теперь уже ничего не страшно! — Не желая уступать, Беатрикс быстро вскочила.

Соблюдая правила этикета, Роуэн тоже встал и теперь с интересом смотрел на спорщиков.

— Мисс Хатауэй... — попытался убедить Кристофер, однако тут же ошеломленно смолк: Беатрикс вытянула руку и прикоснулась к его груди. На миг, на один-единственный удар, пальцы замерли на сердце.

— Разрешите попытаться, — тихо попросила она.

Кристофер перестал дышать и невольно отступил. Тело ответило на прикосновение с удручающей энергией. Леди ни в коем случае не должна прикасаться к мужчине. Исключение составляют лишь самые экстренные случаи... трудно даже представить, какие именно. Ну, например, если на джентльмене внезапно загорелся жилет, а она пытается сбить пламя. Других уважительных причин и быть не может.

Но если бы он взял на себя смелость указать на нарушение этикета, то поступил бы не менее предосудительно. Растерянный и взволнованный, капитан лишь молча кивнул.

Как только Беатрикс вышла из комнаты, мужчины позволили себе вернуться за стол.

— Простите нас, капитан Фелан, — промурлыкала Амелия. — Вижу, сестра не на шутку вас испугала. Право, мы учились хорошим манерам, но, очевидно, так и остались серыми обывателями. Пока Беатрикс не слышит, хочу заверить, что она далеко не всегда одевается столь диковинно. Дело в том, что время от времени ей приходится решать задачи, которые плохо сочетаются с длинной юбкой. Например, положить в гнездо выпавшего птенца, потренировать лошадь и так далее.

— Существует и более традиционное решение вопроса, — осторожно заметил Кристофер. — Запретить любую деятельность, требующую мужского костюма.

Роуэн широко улыбнулся:

— Одно из моих основных правил в отношениях с сестрами Хатауэй заключается в полном отсутствии запретов. Запрет — гарантия продолжения нежелательного действия.

— Господи, неужели мы настолько ужасны?! — воскликнула Амелия.

Не переставая улыбаться, Роуэн красноречиво взглянул на жену.

— Дамы в нашей семье нуждаются в неограниченной свободе, — продолжил он. — А Беатрикс особенно. Обычная жизнь в гостиных и салонах стала бы для нее тюрьмой. Она воспринимает мир значительно естественнее и живее, чем любая другая «гаджи», которую мне довелось встретить. — Заметив в глазах собеседника вопрос, он пояснил: — Этим словом цыгане называют женщин вашего круга. Так вот, стараниями Беатрикс у нас собрался целый зверинец никому не нужных существ: коза с чрезмерно выступающей нижней челюстью, кошка на трех лапах, толстая ежиха, мул непропорционального телосложения и так далее.

— Мул? — переспросил Кристофер, но ответа не услышал, потому что в комнату вернулась мисс Хатауэй с Альбертом на поводке.

Фелан немедленно встал и подошел, чтобы взять собаку, однако Беатрикс категорично покачала головой:

— Спасибо, капитан. Справлюсь сама.

Увидев хозяина, Альберт радостно завилял хвостом и с громким лаем бросился навстречу.

— Нельзя! — строго произнесла Беатрикс, оттаскивая собаку и слегка сжимая морду. — Хозяин в безопасности, не беспокойся. Пойдем.

Она взяла с дивана одну из многочисленных подушек и положила в угол.

Затаив дыхание, Кристофер следил, как решительная особа подвела Альберта к подушке и сняла поводок. Терьер заскулил, отказываясь лечь, однако выйти из угла не попытался.

— Место, — скомандовала Беатрикс.

Удивительно, но Альберт послушно застыл. Собака, которая еще недавно бесстрашно бегала под огнем артиллерии, тотчас покорила молодую леди с синими глазами.

— Надеюсь, теперь он будет вести себя примерно, — заключила Беатрикс, возвращаясь к столу. — И все же лучше, если мы займемся своими делами и не станем обращать на него излишнего внимания. — Она села, положила на колени салфетку и взяла чашку. Заметив выражение лица гостя, улыбнулась. — Не волнуйтесь, капитан. Чем увереннее чувствует себя хозяин, тем спокойнее собака.

В течение следующего часа под неспешную мирную беседу Кристофер выпил несколько чашек горячего сладкого чая. Тугой холодный узел в груди начал постепенно рассасываться. На столе, совсем близко, стояло блюдо, наполненное сэндвичами и кексами. В углу, положив голову на лапы, преданно дежурил Альберт.

Людей, подобных хозяевам этого уютного дома, Кристоферу не доводилось встречать еще ни разу в жизни. Все они отличались душевной тонкостью, остроумием, живой и непосредственной реакцией. Беседа текла непринужденно и непредсказуемо, то и дело сворачивая в новое, неожиданное русло. Трудно было не понять, что сестры чересчур умны для светского общества. Единственной темой, которой они не касались, оставался Крым, за что капитан Фелан испытывал искреннюю признательность. Должно быть, собеседники понимали, что меньше всего на свете недавно вернувшемуся усталому солдату хотелось рассуждать о войне. Тактичность собеседников вызвала благодарность.

Однако личность Беатрикс до сих пор оставалась загадочной и представляла серьезную проблему.

Кристофер не знал, как ее определить и как к ней относиться. Свободная манера общения смущала и сердила. Бриджи и скрещенные по-мужски ноги выводили из себя. Странная, ни на кого не похожая дикарка.

Когда церемония чаепития подошла к концу, Кристофер поблагодарил за приятно проведенное время.

— Надеюсь на повторение визита, — заметила Амелия.

— Благодарю, непременно воспользуюсь приглашением, — отозвался капитан, хотя и не собирался приходить снова. Какими бы приятными собеседниками ни казались Хатауэи, принимать их следовало изредка и малыми дозами.

— Провожу вас до края леса, — объявила Беатрикс и направилась к Альберту.

Кристофер с трудом подавил недовольство.

— В этом нет ни малейшей необходимости, мисс Хатауэй, — возразил он.

— Знаю, — согласилась она. — Но хочу прогуляться.

Кристофер сердито сжал губы и протянул руку к поводку.

— Поведу сама, — последовал властный ответ.

Чувствуя ироничное внимание Роуэна, капитан Фелан предпочел смолчать и покорно вышел из дома следом за бескомпромиссной укротительницей терьеров.

Амелия подошла к окну и долго, пока покрытые нежно-зелеными почками и розовато-белыми цветами яблони не сомкнули кроны, смотрела, как двое идут через сад к лесу, а рядом послушно бежит собака.

Она задумалась о том, как по-птичьи ведет себя сестра с этим суровым, сдержанным офицером: то клюнет, то чирикнет, словно пытается напомнить о чем-то забытом.

Кэм подошел и встал рядом. Амелия прислонилась к теплому, надежному плечу мужа. На грудь легла сильная нежная рука, и она слегка вздрогнула от неожиданной, а оттого еще более желанной ласки.

— Бедняга, — тихо произнесла она, вспоминая полные тоски глаза Кристофера. — Я даже не сразу его узнала. Интересно, сознает ли капитан, насколько изменился?

Кэм легко прикоснулся губами к ее виску.

— Думаю, только недавно начал понимать, что вернулся домой.

— Раньше Фелан был на редкость обаятельным, но теперь стал жестким, угловатым. А иногда он смотрит так, словно ничего вокруг не замечает.

— Два года он хоронил товарищей и друзей, — негромко пояснил Кэм. — И участвовал в схватках, из которых все, кому довелось выжить, выходят железными. — Он задумчиво помолчал. — Разве такое забудешь? Лица тех, кого приходится убивать, остаются в памяти навсегда.

Амелия знала, что муж вспоминает эпизод из собственного прошлого, а потому повернулась и нежно обняла его.

— Цыгане не верят в войну, — прошептал Кэм в пушистые волосы. — Споры, ругань, драки — да. Но как отнять жизнь у человека, который не сделал тебе ничего дурного? Вот почему из меня не получилось хорошего воина. Точнее, это лишь одна из причин.

— Но по этим же причинам из тебя получился очень хороший муж.

Кэм крепче обнял жену и прошептал несколько слов на гортанном языке предков. Смысла Амелия не поняла, однако экзотическое звучание обдало горячей волной.

Она доверчиво прильнула, прижалась щекой к груди мужа и, размышляя вслух, негромко произнесла:

— Ясно одно: Беатрикс очарована капитаном Феланом.

— Раненые существа всегда ее привлекали.

— Зачастую раненые оказываются самыми опасными.

Кэм ласково погладил ее по спине.

— Что ж, значит, будем пристально следить.

* * *

Кристофер и Беатрикс шли к лесу. Она без труда поспевала за размашистым шагом капитана и уверенно вела на поводке Альберта. Настойчивость спутницы вызывала досаду, и все же присутствие экзотической красавицы не позволяло уйти в себя, замкнуться, отрешиться от окружающего мира и чудесным образом привязывало к реальности.

Взгляд то и дело возвращался к движению стройных бедер. О чем думали родственники, позволяя девушке ходить в брюках? Даже в домашней обстановке такая одежда казалась вызывающей. Капитан невесело улыбнулся: их с Беатрикс Хатауэй, несомненно, объединяло одно — ни он, ни она не вписывались в общепринятые рамки.

Однако существовала и заметная разница: он хотел и стремился вписаться. А она?

До войны жизнь катилась легко. Никогда не возникало сомнений, что следует сказать и сделать. А сейчас возвращение в светское общество напоминало вступление в игру, правила которой основательно стерлись из памяти.

— Собираетесь продать патент на офицерский чин? — спросила Беатрикс после долгого молчания.

Кристофер кивнул.

— Через несколько дней поеду в Лондон, чтобы официально оформить необходимые документы.

— О! — Она снова замолчала, а потом едва слышно предположила: — Должно быть, встретитесь с Пруденс?..

Вместо ответа Кристофер издал невнятный звук. В кармане пряталась затертая, изрядно помятая записка, которую он повсюду носил с собой.

«Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете...

Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Да, он обязательно ее найдет и выяснит, что означают эти странные, щемящие слова. А потом он женится на той, которая их написала.

— Теперь, когда брата не стало, вам придется учиться управлять Ривертоном.

— Среди прочих дел, — лаконично отозвался Фелан.

— Поместье включает значительную часть Арденского леса.

— Я в курсе.

Нотки сарказма она, кажется, не заметила.

— Некоторые землевладельцы злоупотребляют вырубкой в интересах местного производства. Надеюсь, вам удастся избежать непростительной ошибки.

Кристофер промолчал в надежде, что томительный разговор сойдет на нет.

— Хотите вступить в наследство? — неожиданно спросила Беатрикс.

— В данном случае мое мнение никого не интересует. Я следующий по родственной линии, и этим все сказано.

— Но личное отношение очень важно, — не сдавалась Беатрикс, — потому я и спросила.

Кристофер потерял терпение.

— Отвечаю: нет, я не хочу наследовать Ривертон. Поместье всегда предназначалось Джону, и я чувствую себя наглым самозванцем и узурпатором.

После столь эмоционального ответа любой другой собеседник прекратил бы расспросы, но только не Беатрикс.

— А что бы вы сделали, если бы брат остался в живых? Все равно ушли бы с военной службы?

— Да. Армии с меня достаточно.

— А потом? Чем бы занялись в мирной жизни?

— Не знаю.

— Что подсказывают ваши склонности? Способности? Таланты?

Они подошли к лесу и замедлили шаг. Способности, таланты... он умел хорошо выпить и при этом сохранить трезвый вид, отлично играл в бильярд и в карты, без труда покорял женские сердца и не знал отказа в ласках. А еще он считался лучшим стрелком, бесстрашным наездником.

И вспомнилась та сторона жизни, которая принесла шумную славу, дождь наград... Он забрал у Беатрикс поводок, заглянул в круглые синие глаза и заключил:

— У меня один талант — талант убивать.

Не добавив ни слова, он ушел и оставил ее на краю леса в полном одиночестве.

Глава 9

Уже через неделю после возвращения Кристофера в Гемпшир разлад с матерью проявился с такой непримиримой остротой, что самые близкие на свете люди с трудом могли находиться в одной комнате дольше нескольких минут. Бедная Одри изо всех сил старалась поддерживать в семье хотя бы худой мир, однако это ей плохо давалось.

Леди Фелан без конца жаловалась и упрекала. Она не могла пройти по комнате, не засыпав окружающих ворчливыми замечаниями и необоснованными претензиями — подобно цветочнице на свадьбе, горстями разбрасывающей лепестки. Нервы страдалицы не выдерживали даже малейшего напряжения, вынуждая изо дня в день лежать в комнате с плотно задернутыми шторами. Причудливый набор недомоганий не позволял принять участие в домашнем хозяйстве, а в результате все делалось не так, как она считала нужным и правильным.

И все же, даже оставаясь в своей комнате, леди Фелан бурно реагировала на любое проявление жизни. Стук посуды на кухне воспринимался подобно удару ножа в сердце. Звук голосов или приглушенные шаги в коридоре терзали измученную душу. Все в доме старались не издавать ни звука, чтобы не потревожить покой госпожи.

— Люди теряли руки и ноги, но жаловались гораздо меньше мамы, — заметил Кристофер, и Одри грустно улыбнулась.

— В последнее время она особенно сосредоточилась на траурных ритуалах... кажется, искренне верит, что точное исполнение обрядов поможет каким-то образом удержать рядом Джона. Хорошо, что завтра за ней приедет твой дядя: мрачный образ жизни необходимо срочно менять.

Не реже четырех раз в неделю леди Фелан отправлялась на кладбище и проводила утро у могилы любимого сына. Поскольку ездить одной не хотелось, она приглашала в провожатые Одри, однако вчера почему-то решила взять с собой Кристофера. Он провел целый час в мрачном молчании, пока матушка стояла на коленях возле могильного камня и роняла скупые слезы.

Когда же наконец скорбящая знаком показала, что желает подняться и сын подошел, чтобы помочь, она приказала опуститься на колени рядом и помолиться вместе с ней.

Этого капитан не мог сделать даже ради матери.

— Я совершу собственный поминальный ритуал, — возразил он, — тогда, когда сочту нужным.

— Но это неприлично! — взорвалась леди Фелан. — Откровенное неуважение! Твой брат заслуживает траура — или хотя бы внешнего подобия — со стороны того, кому его смерть принесла выгоду.

Кристофер с трудом поверил собственным ушам.

— Я получил выгоду? — недоверчиво переспросил он. — Тебе отлично известно, что мысль о Ривертоне никогда даже в голову мне не приходила. Я с готовностью отдал бы все, что имею, лишь бы вернуть брата. А если бы я мог пожертвовать жизнью ради его здоровья, сделал бы это не задумываясь.

— Была бы рада такой возможности! — последовал ядовитый ответ.

Домой ехали в полном молчании.

Кристофер не мог не думать, сколько часов мать провела у могилы, мечтая, чтобы на месте старшего сына оказался младший.

Джон всегда был безупречен, надежен и исполнен несокрушимой ответственности. Кристофер

отличался своенравием, упрямством, а порой и откровенным безрассудством, во всем напоминая отца.

Всякий раз, когда глава семьи оказывался в центре очередного скандала, нередко связанного с чужой женой, леди Фелан проявляла по отношению к младшему сыну подчеркнутую холодность, словно видела в мальчике копию неверного супруга. Когда же Уильям скончался в результате несчастного случая — его сбросила лошадь, — в лондонских гостиных удивлялись, что неугомонного соблазнителя не застрелил муж или отец какой-нибудь из опозоренных дам.

В ту пору Кристоферу едва исполнилось двенадцать. Со временем, повзрослев, он постепенно приобрел привычки отчаянного повесы, в полной мере оправдав всеобщие ожидания. Радости блестящей жизни доставляли удовольствие, хотя и казались мимолетными и поверхностными. Офицерская служба как нельзя лучше соответствовала склонностям и интересам молодого ловеласа; трудно было представить что-нибудь более подходящее... до тех пор, пока не началась настоящая война.

В бою капитан Фелан проявил качества, о которых не подозревал и сам, не говоря об окружающих. Но чем успешнее он убивал других, тем чернее и мертвее становилась собственная душа.

И все же где-то существовала Пруденс. Та часть его существа, где таилась любовь, оставалась живой, светлой, доброй. Мысль о возвращении, о долгожданной встрече придавала силы и желание жить.

Он все еще плохо спал по ночам, нередко вскакивал, кричал, не в силах справиться с кошмарными сновидениями. И даже днем случались моменты, когда при внезапном шуме рука сама тянулась к оружию, которого рядом не было. Но он верил, что со временем станет легче. Иначе как же жить дальше?

Глава 10

В отношении Кристофера Фелана надежду следовало оставить раз и навсегда. Беатрикс постоянно напоминала себе об этом. Он мечтал о Пруденс. О прекрасной, золотоволосой, похожей на всех нормальных людей Пруденс.

Впервые в жизни Беатрикс захотелось измениться, стать другой.

«Наверное, только вы сможете вернуть меня в мир...»

Возможно, мисс Мерсер действительно смогла бы помочь. Она вращалась в светском обществе с естественной, непринужденной легкостью, которой оставалось лишь позавидовать. Что ж, очень хорошо. Если Кристоферу необходимы именно эти качества, осуждать невозможно. Человек перенес невероятное количество испытаний и вытерпел жестокую боль. Так зачем же доставлять новые трудности?

Вот только... никак не удавалось перестать о нем думать. Наваждение напоминало болезнь. Прежняя жизнь утратила смысл. К глазам то и дело подступали слезы. Жар, усталость, потеря аппетита... чем не симптомы серьезного расстройства организма? Нездоровье проявилось настолько недвусмысленно, что Амелия забеспокоилась и приготовила целый кувшин кислого напитка из щавеля — для поддержания сил.

— Тебя словно подменили, — волновалась сестра. — Куда делась обычная жизнерадостность?

— Как можно радоваться жизни, если для восторга нет ни малейшего основания? — мрачно возразила Беатрикс.

— А разве есть основание для печали?

Беатрикс мечтала открыть душу, но все же смолчала. Все равно Амелия ничем не смогла бы помочь. И никто не смог бы помочь, даже если откровенно рассказать о своей беде всем вокруг. Что поделаешь, если угораздило влюбиться в человека, который никогда не ответит взаимностью? Разве приятно выслушивать рассуждения о том, как это глупо и смешно? Единственной тонкой нитью, связывающей с Кристофером, оставалась отчаянная сила чувства.

Одержимость даже заставила задуматься о поездке в Лондон — светский сезон еще продолжался. Можно было бы регулярно навещать Одри и время от времени встречаться с Кристофером. Правда, пришлось бы терпеть постоянное присутствие Пруденс... флирт, ухаживание, танцы... Беатрикс знала, что такое испытание выше ее сил.

Нет уж, лучше оставаться на своем месте, в Гемпшире.

Одри одобрила мудрое решение.

— Кристофер изменился, Беа, причем далеко не в лучшую сторону. Когда он вернулся из Крыма, очень хотелось открыть правду о письмах, сказать, что писала не Пруденс, а ты. Но теперь я рада, что сдержалась. Не хочу помогать развитию ваших отношений. Он сам не свой. Пьет гораздо больше, чем следует. Вздрагивает по пустякам, нервничает. Иногда видит и слышит то, чего на самом деле нет. Очень плохо спит — по ночам нередко бродит по дому. Но стоит заговорить о здоровье, злится и отметаает все вопросы, как будто речь идет о ерунде. Случается, что самое простое замечание — особенно в отношении войны — повергает его в ярость, с которой он не в силах справиться. Боюсь...

— Чего? — нетерпеливо прошептала Беатрикс.

— Боюсь, что Пруденс не удастся с ним совладать. Кристофер твердо намерен продолжить отношения... однако невозможно не признать, что он совсем не такой, каким был прежде. А Пруденс не хватит ума, чтобы это осознать. Как бы он не доставил очаровательной куклке множество настоящих, а не игрушечных неприятностей.

Обдумав слова подруги, Беатрикс отправилась к дому Феланов с четкой, вполне определенной целью: если нет возможности помочь Кристоферу, то сделать счастливее жизнь Альберта — задача вполне посильная. Агрессивный пес пугал всех подряд, а поэтому не получал необходимого внимания и душевного тепла. Собаки — животные социальные; следовательно, первым делом Альберту требовалось научиться общению.

Экономка миссис Клокер открыла дверь и сообщила, что Одри уехала в Стоуни-Кросс, но скоро вернется.

— Не желаете ли немного подождать, мисс Хатауэй?

— Честно говоря, я пришла, чтобы обсудить с капитаном Феланом один немаловажный вопрос. — Встретив вопросительный взгляд, Беатрикс слегка улыбнулась. — Хочу предложить присмотреть за Альбертом, пока он будет в Лондоне.

Экономка всплеснула руками.

— Хозяин планировал оставить собаку здесь и нанять специальных слуг. — Она наклонилась ближе и шепотом сообщила: — Это не животное, а исчадие ада, мисс! Только дьявол способен с ним справиться!

Беатрикс сочувственно кивнула:

— Надеюсь, мне удастся оказать благотворное влияние. Если капитан позволит, сегодня же заберу Альберта и освобожу вас от тяжелой обузы.

Миссис Клокер преисполнилась благодарности.

— О, до чего же это замечательно, мисс Хатауэй! Немедленно сообщу хозяину! — Она поспешила прочь, словно опасаясь, что Беатрикс передумает.

Наконец в холле показалась высокая внушительная фигура, и гостя почувствовала, что неумолимо заливается краской.

«Немедленно прекрати трусить, Беатрикс Хатауэй. А если собираешься и дальше вести себя так же нелепо, то лучше отправляйся домой пить щавелевый отвар», — сурово приказала она себе.

— Мисс Хатауэй. — Капитан Фелан поклонился с педантичной вежливостью.

Темные круги под глазами, следствие изнурительной бессонницы, немного смягчили резкие черты и сделали лицо еще более привлекательным — конечно, если подобное возможно.

Собравшись с духом, Беатрикс ответила легкой, беззаботной улыбкой.

— Доброе утро, капитан Фелан.

— Уже день.

— О, неужели? — Она взглянула на каминные часы. Половина первого. — Значит, добрый день.

Густые темные брови вопросительно поднялись.

— Чем могу помочь?

— Напротив, это я надеюсь помочь. Хочу на время вашей поездки в Лондон взять Альберта к себе, в Рамзи-Хаус.

Кристофер прищурился.

— Но с какой стати и зачем?

— Чтобы помочь ветерану войны приспособиться к новой, мирной жизни. Обещаю хорошо кормить, заботливо ухаживать, учить, дрессировать...

Она заметила суровое выражение лица и замолчала. Почему-то и в голову не приходило, что предложение может быть отвергнуто.

— Благодарю, мисс Хатауэй. Думаю, собаке лучше будет остаться здесь, на попечении слуг.

— Сомневаетесь, что справлюсь? — не без труда произнесла Беатрикс.

— Альберт легко возбуждается, а потому нуждается в тишине и полном покое. Не хочу обижать, но все же вынужден заметить, что атмосфера в Рамзи-Хаусе ни в малейшей степени не отвечает этим требованиям.

Мисс Хатауэй вспыхнула.

— Прошу прощения, капитан, но вы заблуждаетесь. Именно в таком окружении Альберт и нуждается. Видите ли, с точки зрения собаки...

— Как-нибудь обойдусь без ваших советов.

— Нет, не обойдетесь! — горячо возразила Беатрикс. — Откуда вы знаете, что правы? Могли бы по крайней мере выслушать. Уж о собаках-то мне известно больше, чем вам.

Кристофер смерил собеседницу холодным взглядом человека, не привыкшего, чтобы его решения ставили под сомнение.

— Вполне возможно. Но об этой конкретной собаке позвольте судить мне.

— Да, но...

— Боюсь, вам пора возвращаться домой, мисс Хатауэй.

Беатрикс не смогла скрыть глубокого разочарования.

— И что же, скажите на милость, будут делать слуги в ваше отсутствие? — Не дожидаясь ответа, она поспешно предположила: — Отправят несчастного в сарай или запрут в комнате, чтобы не путался под ногами, и от этого Альберт станет еще более раздраженными значит, и более опасным. Он обозлен, встревожен и одинок. Не знает, чего от него хотят, не понимает, как себя вести. Бедняге необходимо постоянное внимание и забота; я единственный человек, у которого есть время и желание помочь.

— Альберт провел со мной два тяжких года, — взорвался Кристофер, — и я ни за что на свете не отпущу его в бедлам. Собаке ни к чему хаос, ни к чему постоянный шум и нескончаемая суматоха...

Пламенную речь прервал громкий лай, за которым последовал еще более громкий звон металла. Оказалось, что Альберт выскочил в холл и по досадной случайности встретил горничную с подносом, полным начищенных до блеска серебряных столовых приборов.

Едва успев взглянуть на рассыпавшиеся по холлу ложки, вилки и ножи, Беатрикс и сама внезапно оказалась на полу. Мощный толчок сбил ее с ног и на миг лишил дыхания.

Придя в себя, она поняла, что лежит на ковре под тяжестью сильного мужского тела.

Постепенно явилось понимание ситуации. Оказывается, Кристофер толкнул ее и сбил с ног, а сам упал сверху. Инстинктивно бросился, чтобы защитить собственным телом, а сейчас лежал, тяжело дыша и с трудом понимая, что происходит вокруг.

Наконец капитан Фелан поднял голову и настороженно оглянулся. Сквозившая во взгляде

яростная готовность к бою на миг испугала. Беатрикс поняла, что именно так он выглядел в сражении, таким видели его враги.

Не переставая лаять, Альберт бросился на помощь.

— Нельзя, — тихо произнесла Беатрикс и, вытянув руку, показала на пол: — Место!

Лай мгновенно перешел в рычание, и пес послушно улегся на пол, хотя и не сводил с хозяина настороженных, внимательных глаз.

Беатрикс вновь переключила внимание на капитана. Тот тяжело, неровно дышал и тщетно пытался осознать, что происходит.

— Кристофер, — тихо, осторожно позвала она, но, кажется, напрасно. В эту минуту слова ничего не значили.

Она обняла большого, полного сил мужчину и почувствовала, как он дрожит. Нежность заставила забыть о неловкости ситуации; пальцы сами собой принялись гладить густые волнистые волосы.

Альберт с недоумением взирал на странную сцену и тихо скулил.

Беатрикс повернула голову и увидела застывшую в дверях растерянную горничную: та стояла, держа в руках собранные вилки и ножи, и не сводила ошеломленного взгляда с причудливой пары на полу.

Самой Беатрикс не было ни малейшего дела до сплетен и досужих вымыслов, однако хотелось защитить Кристофера в минуту слабости. Капитан вряд ли захотел бы оказаться на виду, если бы понимал, что делает.

— Оставьте нас, — тихо распорядилась она.

— Да, мисс. — Благодарная горничная с готовностью вышла и плотно закрыла за собой дверь.

Беатрикс снова посмотрела на Кристофера: он, кажется, не заметил краткого диалога. Потом осторожно привлекла к себе взъерошенную голову, прижалась щекой к сияющим янтарным волосам и приготовилась ждать, пока собственное ровное дыхание не вернет спокойствие и самообладание.

Он пах чистотой, горячим солнцем, шафраном. Беатрикс прикрыла глаза и отдалась на волю новых, интригующих ощущений: твердое, напряженное, мужественное тело, утонувшие в массе пышных юбок колени.

Прошла минута, другая... счастливые мгновения останутся в памяти на всю жизнь. Разве можно забыть, как лежала в его объятиях в ярком квадрате льющегося из окна солнечного света, как впитывала его тепло, чувствовала на шее горячее судорожное дыхание? Если бы можно было навсегда остаться в этом блаженном мгновении! «Люблю тебя, — думала она. — Люблю отчаянно, безумно и бесконечно!»

Он поднял голову и смущенно посмотрел сверху вниз. В серых глазах застыл вопрос.

— Беатрикс. — Взволнованный шепот заставил насторожиться, но теплые ладони ласково гладили по волосам, словно успокаивая. — Я сделал тебе больно?

Сердце сжалось, слова стерлись из памяти. Она покачала головой. О, как он смотрел! По-настоящему, как тот Кристофер, о котором она мечтала. Вот кто писал ей письма: заботливый, нежный, настоящий, восхитительный — такой любимый, что хотелось плакать.

— Мне показалось... — Кристофер умолк и провел пальцем по горячей щеке.

— Знаю, — прошептала она, вспыхнув от легкого прикосновения.

— Я не нарочно.

— Знаю.

Он посмотрел на приоткрытые губы... взгляд обжигал, манил. Ее сердце старательно трудилось, снабжая кровью занемевшие руки и ноги. Каждый вдох давался с трудом, заставляя еще плотнее прижиматься, еще острее чувствовать странную, волнующую близость.

Его лицо изменилось неувлимо и в то же время выразительно: на щеках появился румянец; глаза заблестели серебром. В тишине напряженно зазвенела туго натянутая струна, возможности пронзили воздух, словно пробившийся сквозь кроны деревьев солнечный луч.

Неужели он хочет поцеловать?

Из бесконечного множества слов осталось лишь одно.

«Пожалуйста».

Глава 11

Кристофер пытался унять дрожь. Сердце молотом стучало в ушах. Как же случилось, что ситуация вышла из-под контроля? Внезапный шум испугал, а дальше все произошло само собой. И вот оказалось, что он лежит на Беатрикс и пытается ее защитить. Точнее, пытается защитить ее, а заодно и себя. А как только гулкий шум сердца немного стих, пришло пугающее осознание совершенного преступления.

Сбил с ног беззащитного, слабого человека. Прыгнул, словно сумасшедший. О Господи! Он чувствовал себя растерянным, сбитым с толку, почти ненормальным. Наверное, поранил и, несомненно, испугал.

Надо было немедленно встать, поднять мисс Хатауэй, попросить прощения, успокоить. А вместо этого он неподвижно смотрел, как его пальцы гладят шею, прикасаются к голубой пульсирующей вене. Что же это за наваждение?

Давно уже он не держал в объятиях женщину. Ощущение оказалось настолько волшебным, что хотелось лишь одного: продлить наслаждение. Она лежала не двигаясь и удерживала с мягкой женственной силой. Ее пальцы бережно гладили затылок. Он никогда не видел таких синих глаз, прозрачных и темных, как бристольское синее стекло.

Кристофер попытался вспомнить, почему до войны так упрямо отказывался признать эту восхитительно чистую красоту. Приказал себе думать о Пруденс, но ничего не получилось. Оставалось одно: закрыть глаза и погрузиться в волшебные ощущения: теплое дыхание ласкает подбородок, аромат женственности волнует и навеивает сладкие мечты, гибкое, податливое тело покорно прижимается каждой клеточкой.

Казалось, долгие месяцы и годы вожделения воплотились в одном-единственном миге, сосредоточились в хрупкой фигуре. Кристофер по-настоящему испугался возможного продолжения. Надо было немедленно подняться и отойти на безопасное расстояние, но единственное, на что он оказался способен, — это впитывать завораживающий ритм дыхания, угадывать очертания скрытых юбками ног. Ровное движение пальцев по волосам доставляло удовольствие и в то же время разжигало желание.

Он в отчаянии сжал хрупкие запястья и завел руки за голову.

Так лучше.

И хуже.

Взгляд манил, приглашал, дразнил. Свободная, не ограниченная условностями женственная воля притягивала, подобно мощному магниту, и мужское естество рвалось навстречу. Кристофер с восторгом наблюдал, как щеки медленно розовеют; так хотелось прикоснуться к нежной коже губами.

Но вместо этого он лишь покачал головой, стряхивая чары.

— Простите. — Глубоко вздохнул и повторил: — Простите. Постоянно приходится извиняться. — Он невесело усмехнулся.

Запястья доверчиво сникли, уступили властным ладоням.

— Вам не в чем себя винить.

Как же ей удавалось сохранять невозмутимость даже в этой сомнительной ситуации? Если не считать румянца, невозможно было заметить ни малейшего признака неловкости. Кристофер с досадой почувствовал, что его успокаивают, им руководят.

— Но ведь я сбил вас с ног и рухнул сверху.

— Это случилось бессознательно, помимо ваших намерений.

Попытка оправдать неприглядный поступок вызвала обратный эффект.

— Намерения не имеют значения, когда на вас налетает кто-то в два раза больше и тяжелее.

— Намерения всегда имеют значение, — уверенно возразила Беатрикс. — К тому же я привыкла, что на меня все прыгают.

Кристофер выпустил запястья.

— С вами это часто случается? — ехидно осведомился он.

— О да. Очень часто. Собаки, дети... все на меня набегают.

Что ж, вполне естественно. Опыт подсказывал, что ничего приятнее и быть не может.

— К сожалению, я не собака и не ребенок, а потому не имею оправданий.

— Горничная с шумом уронила поднос со столовыми приборами. Ваша реакция понятна и логична.

— Неужели? — горько усомнился Кристофер и встал. — Черт меня подери, если я хоть немного понимаю собственные действия.

— Объяснить нетрудно, — успокоила Беатрикс, принимая протянутую руку и поднимаясь с пола. — Долгое время вам приходилось падать, пытаясь защититься от разрывов снарядов или скрываясь от обстрелов. То обстоятельство, что вы вернулись домой, не отменяет укоренившихся рефлексов.

Неожиданно родился вопрос: смогла бы Пруденс столь быстро и безболезненно простить оплошность и вести себя с таким же невозмутимым достоинством?

Следующая мысль оказалась более обязывающей: имеет ли он право явиться к мисс Мерсер с таким непредсказуемым поведением? Нельзя подвергать ее риску. Сначала необходимо научиться себя контролировать. Но как? Молниеносная реакция опережает и рассудок, и волю.

Пока Кристофер размышлял, Беатрикс подошла к Альберту, начала гладить и что-то тихо приговаривать. Пес с готовностью перевернулся на спину и подставил лохматый живот.

Кристофер поправил одежду, привычным жестом сунул руки в карманы.

— Может быть, измените решение и позвольте взять Альберта? — уточнила Беатрикс.

— Нет, — последовал решительный ответ.

— Нет? — переспросила она, словно отказ не вписывался в рамки разумного поведения.

Кристофер нахмурился.

— Не стоит волноваться понапрасну. Слуги получили подробные инструкции и отлично справятся с заданием.

На лице Беатрикс отразилось крайнее возмущение.

— Это вам так кажется.

Кристофер не счел нужным выбирать выражения:

— Хотелось бы мне с такой же радостью выслушивать ваши рекомендации, с какой вы раздаете их направо и налево, мисс Хатауэй!

— Я твердо придерживаюсь собственного мнения, капитан Фелан, потому что знаю, что права. А вы упираетесь, потому что невозможно упрямы.

Кристофер смерил ее ледяным взглядом.

— С удовольствием провожу вас к выходу.

— Можете не утруждаться. Прекрасно найду дорогу без вашей помощи. — Держась очень прямо, она гордо направилась к двери.

Альберт немедленно встал, чтобы двинуться следом, однако хозяин строго остановил.

На пороге мисс Хатауэй помедлила и обернулась.

— Будьте добры, передайте Одри мои наилучшие пожелания. И счастливого пути вам обоим. — Она на миг задумалась. — А еще, если не затруднит, при встрече передайте Пруденс привет и пару слов.

— Что же именно?

— Скажите, что я не нарушу обещания.

— О каком обещании вы говорите?

— Она поймет.

Ровно через три дня после отъезда Кристофера и Одри в Лондон Беатрикс отправилась в дом Феланов проводить Альберта. Как и следовало ожидать, терьер вел себя безобразно: перевернул вверх дном все, что можно было перевернуть, сутки напролет лаял и скулил, разорвал в клочья ковры и мебельную обивку и укусил за руку лакея.

— Но хуже всего то, что разбойник отказывается от еды, — сообщила измученная миссис Клокер. — Похудел так, что можно пересчитать ребра. Если, не дай Бог, что-нибудь случится, хозяин нам этого не простит. Что за наказание! Самое отвратительное, мерзкое создание на всем белом свете!

Горничная, занятая полировкой перил, не преминула вступить в разговор:

— Пугает до потери сознания. По ночам воет так, что, того и гляди, мертвых разбудит. Какой уж тут сон?

Экономка печально кивнула:

— Сущее наказание. Но хозяин строго-настрого приказал никому его не отдавать. Как бы ни хотелось избавиться от несносного животного, страх перед гневом господина заставляет терпеть.

— Я готова помочь, — негромко заверила Беатрикс. — Твердо знаю, что все получится.

— Кому именно, хозяину или собаке? — не удержалась от ехидного уточнения миссис Клокер. В голосе сквозила безысходность.

— Пожалуй, начну с собаки, — ответила Беатрикс многозначительным шепотом.

Заговорщицы обменялись понимающими взглядами.

— Была бы рада, если бы представился шанс, — пробормотала экономка. — Этот дом совсем не похож на то место, где кому-то может стать лучше. Здесь только болеют, умирают и тоскуют.

Замечание заставило Беатрикс немедленно принять решение.

— Миссис Клокер, я никогда бы не осмелилась просить вас нарушить категоричные инструкции капитана Фелана. И все же... если бы мне удалось подслушать ваш разговор с горничной и выяснить, где в настоящее время находится Альберт, вас бы никто не обвинил, правда? И если бы Альберт внезапно убежал... и если бы совершенно неизвестный человек приютил его на время, но никому об этом не рассказал, то вам нечего было бы бояться.

Экономка просияла.

— Ах, какая же вы умница!

Беатрикс сдержанно улыбнулась:

— Знаю.

Миссис Клокер повернулась к горничной и громко, внятно произнесла:

— Нелли, хочу тебе напомнить, что Альберт заперт в маленьком синем сарае возле огорода.

— Да, мэм! — Сообразительная девушка даже не взглянула на гостью. — А я хочу вам напомнить, что поводок лежит в холле, на овальном столике.

— Очень хорошо, Нелли. Может быть, тебе стоит предупредить садовника и других слуг, чтобы они не обращали внимания, если случайно заметят, как кто-то направляется в синий сарай?

— Да, мэм.

Горничная поспешила выполнить поручение, а экономка благодарно взглянула на гостью.

— Говорят, вы творите с животными чудеса. Чтобы приручить этого блохастого дьявола, потребуется истинная магия.

— Чудеса здесь ни при чем, — скромно улыбнулась Беатрикс. — Секрет успеха в терпении и настойчивости.

— Да благословит вас Господь, мисс! Альберт — ужасное животное. Если собака — друг человека, то судьба капитана Фелана вызывает тревогу.

— И у меня тоже, — искренне согласилась Беатрикс. Найти синий сарай не составило труда.

Хлипкое строение, предназначенное для садовых инструментов, сотрясилось от метаний узника. Стоило Беатрикс приблизиться, как из-за двери донесся оглушительный лай. Хотя она ни минуты не сомневалась в собственной способности усмирить разбушевавшегося зверя, яростные, почти потусторонние звуки заставили остановиться.

— Альберт!

Лай стал еще громче, но теперь к нему прибавились всхлипы, очень похожие на человеческие рыдания.

Беатрикс медленно села на землю и прислонилась спиной к стене.

— Успокойся, Альберт, — мягко попросила она. — Как только ты перестанешь шуметь, я тебя сразу выпущу.

Пес зарычал и принялся скрести когтями дверь.

Беатрикс уже успела изучить несколько книг, посвященных воспитанию собак, причем одна из них касалась непосредственно терьеров. Вывод напрашивался сам собой: бесполезно пытаться учить Альберта, основываясь на подавлении воли и наказаниях. Скорее всего подобные методы принесут лишь вред. Специалисты писали, что терьеры нередко стремятся перехитрить человека. Оставалось одно: награждать за хорошее поведение как похвалами и лаской, так и вкусной едой.

— Конечно, ты глубоко несчастен и одинок, бедняга. Хозяин уехал, а твое место рядом с ним. Но я пришла специально для того, чтобы пригласить тебя к себе домой и предложить поработать над хорошими манерами. Конечно, сделать из тебя комнатную собачку вряд ли удастся, но научить мирной жизни ничто не мешает. — Беатрикс помолчала и с задумчивой улыбкой добавила: — Признаться, я и сама с трудом вписываюсь в светское общество. Почему-то кажется, что в хороших манерах немало неискренности и даже обмана. Ну вот, наконец-то ты замолчал. — Она встала и подняла щеколду. — Постарайся запомнить первое правило: нападать на людей нельзя, это очень грубо!

Пес стрелой вылетел из сарая и радостно прыгнул на спасительницу. Если бы Беатрикс предусмотрительно не схватилась за дверной косяк, то наверняка бы упала. Не переставая скулить, Альберт встал на задние лапы и принялся тыкаться мордой куда попало, словно хотел поцеловать. Выглядел он тощим, костлявым и растрепанным, а пах отнюдь не фиалками.

— Хороший, хороший мальчик. — Беатрикс ласково гладила жесткую шерсть. Попробовала надеть поводок, но не успела: пес улегся на спину и задрал лапы. Она со смехом принялась чесать ему живот. — Пойдем со мной, милый. Уверена, тебе у нас понравится, подружишься со всеми. Только первым делом надо будет хорошенько вымыться.

Глава 12

Кристофер благополучно доставил Одри в Лондон, где молодую вдову радушно встретили родные. Многочисленное семейство Келси соскучилось по милой сестре. К всеобщему удивлению, после смерти мужа миссис Фелан никому не разрешала остаться с ней в Гемпшире и долгий год траура провела наедине с леди Фелан.

— Твоя мама — единственный человек, способный почувствовать утрату так же остро, как чувствую я, — объяснила она деверю по пути в Лондон. — Все это время мы делили горе пополам, утешали и поддерживали друг друга. Любой из членов моей семьи непременно постарался бы окружить меня любовью и заботой, развлечь — и помешал бы исполнению ритуала, превратив траур в простую формальность. Нет, я правильно поступила, отказавшись от общения и прожив в глубокой печали ровно столько, сколько требовала душа. Ну а теперь настало время прийти в себя и вернуться в общество.

— Тебе отлично удастся организовать чувства, не так ли? — сухо осведомился Кристофер.

— Да, кажется, получается. Вот если бы заодно можно было организовать и твои чувства... в настоящее время они напоминают перевернутый ящик с шейными платками.

— Шейные платки — полбеды! — вздохнул Кристофер. — Скорее, столовое серебро с острыми краями!

Одри улыбнулась:

— Остается лишь посочувствовать тем, кто окажется на твоем пути. — Она взглянула внимательно, с нежной заботой и неожиданно добавила: — До чего же трудно на тебя смотреть! Так похож на Джона! Ты, конечно, красивее, но его внешность нравилась мне больше. Чудесное лицо — простое, умное, доброе. Устать от такого невозможно. А ты, на мой вкус, слишком высокомерен и замкнут, настоящий аристократ.

Кристофер с грустью вспомнил о тех боевых товарищах, которые выжили после тяжелых

ранений, однако навсегда остались изуродованными. Все они со страхом ждали возвращения домой, опасаясь, что жены и невесты в ужасе отвернутся.

— Вовсе не важно, кто как выглядит, — заметил он. — Только сущность имеет значение.

— Очень рада слышать это от тебя.

Кристофер посмотрел с подозрением.

— К чему ты клонишь?

— Ни к чему. Впрочем... хочу кое о чем спросить. Скажем, если бы две молодые леди — например, Беатрикс Хатауэй и Пруденс Мерсер — вдруг поменялись внешностью и все качества, которые ты так высоко ценишь в Пруденс, передались Беатрикс, ты бы заинтересовался ее персоной?

— Упаси Боже! Разумеется, нет.

— Но почему же? — с негодованием воскликнула Одри.

— Потому что знаю мисс Хатауэй: она ничем не похожа на Пру.

— Нет, ты совсем ее не знаешь, потому что просто не успел узнать!

— Мне отлично известно, что она несдержанна, самоуверенна, упряма и излишне жизнерадостна — в значительно большей мере, чем приличествует мыслящему человеку. Она носит бриджи, лазает по деревьям и бродит повсюду в одиночестве. Еще мне известно, что она притащила в Рамзи-Хаус белок, ежей и коз. Каждому, кто на ней женится, грозит финансовый крах из-за непомерных счетов от ветеринара. Ну как, готова оспорить хотя бы один из перечисленных пунктов?

Одри сложила ладони на коленях и смирила спутника укоризненным взглядом.

— Готова. Белок у нее нет.

Капитан Фелан запустил руку в глубокий карман и достал письмо, которое постоянно носил с собой. Потертый кусочек бумаги превратился в талисман, в символ вечных ценностей, ради которых имело смысл воевать и уцелеть на войне, ради которых стоило жить. Сложенный листок можно было и не разворачивать: слова давным-давно врезались в память.

«Пожалуйста, возвращайтесь домой и разыщите меня».

Когда-то он считал, что не способен любить по-настоящему. Ни один из романов не продолжался дольше нескольких месяцев и не переходил границ физического влечения. По большому счету все без исключения женщины казались одинаковыми.

Необыкновенные письма сотворили чудо. Искренние, безыскусные, трогательные слова проникли в сердце и навсегда его покорили.

Пальцы гладили драгоценный прямоугольник нежно, словно руку любимой.

— Запомни мои слова, Одри. Я во что бы то ни стало женюсь на той, которая написала эти строчки.

— Непременно запомню, — с готовностью согласилась невестка. — Посмотрим, исполнишь ли ты обещание.

* * *

Светский сезон в Лондоне продолжался до конца июля. В августе парламент закончил работу, и аристократы разъехались по поместьям, чтобы предаться сельским радостям: верховым прогулкам, охоте, многодневным празднествам.

Капитана Фелана призвали в столицу важные дела. Следовало продать патент на офицерский чин и встретиться с дедом, чтобы обсудить обязанности наследника Ривертон. Хотелось также возобновить отношения с давними друзьями и повидаться с бывшими сослуживцами.

Ну а главное — предстояло разыскать Пруденс.

Кристофер плохо представлял, как подойдет и что скажет после долгого молчания, ведь переписка прервалась неожиданно и резко.

Вина, разумеется, лежала на его совести: нельзя было так рано и опрометчиво открывать чувства. Он повел себя слишком импульсивно, слишком несдержанно и нетерпеливо.

Прекратив общение, Пруденс поступила мудро. Воспитанная молодая леди нуждалась в серьезном, вдумчивом и уважительном ухаживании.

Если мисс Мерсер хотела от него именно этого, то сейчас он вполне созрел для продолжительных отношений.

Капитан Фелан остановился в отеле «Ратледж» — элегантном, комфортабельном, пользующемся неизменным доверием европейских монархов, американских богачей и британских аристократов, не желавших заводить в городе собственную резиденцию. Отель отличался несравненной роскошью, достойной заоблачной цены. Пока уважаемый гость оформлял пребывание в апартаментах и беседовал с портье, взгляд его упал на висевший в холле, над мраморным камином, портрет. Образ необыкновенно красивой леди с волосами цвета красного дерева и лучезарными ярко-синими глазами сразу привлек внимание.

— Это портрет миссис Ратледж, сэр, — не скрывая гордости, сообщил портье. — Красавица, не правда ли? Трудно найти госпожу добрее и справедливее.

Кристофер смотрел на изображение с нескрываемым интересом. Вспомнилось, как миссис Роуэн — она же Амелия Хатауэй — мимоходом сообщила, что одна из ее сестер вышла замуж за Гарри Ратледжа, владельца отеля.

— Значит, миссис Ратледж — урожденная Хатауэй, из Гемпшира?

— Так точно, сэр.

Гость загадочно улыбнулся. Гарри Ратледж, богатый, влиятельный, знакомый с самыми могущественными людьми страны и мира, мог получить любую женщину — стоило лишь захотеть. Что за безумие заставило его жениться на особе из экстравагантной семьи?

Приглядевшись и окончательно уступив власти волшебных чар, Кристофер невольно решил, что все дело в глазах: синих, бездонных, с густыми пушистыми ресницами. Точно такие же

были у Беатрикс.

На следующее утро рекой потекли приглашения. Бесконечные балы, вечера, ужины, музыкальные собрания... и даже высочайшее повеление явиться на обед в Букингемский дворец, где будет выступать австрийский композитор Йоганн Штраус-сын со своим оркестром.

Наведя справки, капитан принял приглашение на бал, который должны были почтить присутствием миссис Мерсер и ее дочь Пруденс. Праздник планировался в особняке в Мейфэре, построенном в лучших традициях грандиозного итальянского стиля, с обширным парадным двором и огромным, высотой в три этажа, центральным залом, обрамленным по периметру галереей. Общество аристократов, иностранных дипломатов, знаменитых политиков, деятелей науки, литературы и искусства придавало собранию особый, ни с чем не сравнимый блеск.

Нарядная толпа вызвала ощущение неуверенности, близкое к панике. Усилием воли подавив тревогу, Кристофер направился к хозяевам бала, чтобы засвидетельствовать почтение. Несмотря на то что сам он предпочел бы гражданский костюм, этикет предписывал явиться в мундире Стрелковой бригады — темно-зеленом с черной отделкой и расшитыми золотом эполетами в форме полумесяца. Поскольку офицерское звание все еще оставалось в силе, любая другая форма одежды вызвала бы массу недоброжелательных толков и всеобщее осуждение. Больше того, пришлось надеть все полученные на полях сражений награды — без единого исключения. Они считались символами воинской чести и боевых заслуг, однако самому герою они напоминали о событиях, которые хотелось поскорее вычеркнуть из биографии.

В зале присутствовали и другие офицеры, в красных и черных с золотом мундирах. Обостренное внимание окружающих, а особенно дам, лишь усугубляло чувство неловкости.

Кристофер искал глазами Пруденс, однако ни в малом зале, ни в гостиной ее не было. Минуты тянулись бесконечно, а он все бродил в толпе, то и дело останавливаясь, чтобы ответить на приветствия.

Куда же она испарилась?

«Меня можно найти даже с завязанными глазами: просто идите на запах горелых чулок».

Воспоминание вызвало грустную усмешку.

Страдая от мучительного нетерпения, капитан вошел в бальный зал. Сердце почему-то билось не в груди, а в горле.

Внезапно дыхание отказалось подчиняться.

Пруденс стояла неподалеку, еще более прекрасная, чем прежде: в розовом платье с кружевными оборками и в коротких белых перчатках. Она только что закончила танец и сейчас безмятежно беседовала с поклонником.

Кристофер чувствовал себя так, словно минуту назад преодолел тысячи миль. Острота и неотвратимость собственного желания поражали, а образ красавицы и нежный мелодичный голос дарили давно забытое чувство надежды.

Пруденс словно почувствовала приближение своего героя, обернулась и пристально посмотрела. Узнавание пришло почти мгновенно: зеленые глаза радостно вспыхнули, лицо

осветилось удивленной и восторженной улыбкой.

— Дорогой капитан Фелан! — Она протянула руку; офицер почтительно сжал тонкие пальчики и склонился, на миг прикрыв глаза.

Как долго он мечтал об этой встрече! Как долго ждал!

— Так же неотразимы, как и прежде, — заметила мисс Мерсер. — Нет, еще ослепительнее! Каково это — носить на груди столько медалей?

— Тяжело, — коротко ответил Кристофер, и Пруденс звонко рассмеялась.

— Я уже отчаялась когда-нибудь вас увидеть...

Кристофер решил, что она говорит о Крыме, и признательно склонил голову.

К сожалению, радость оказалась преждевременной. Пруденс продолжила:

— Да-да, после возвращения в Англию вы сразу куда-то спрятались. — Она лукаво улынулась. — Должно быть, знали, что отсутствие лишь подстегнет всеобщее любопытство.

— Поверьте, повышенное внимание окружающих вовсе не входит в мои планы.

— Тем не менее вас хотят видеть в каждом лондонском доме. Нет в городе гостиней, хозяйка которой не мечтала бы назвать вас своим гостем. — Она кокетливо повела плечами и добавила: — А каждая девушка мечтает выйти за вас замуж.

Ах, до чего же хотелось обнять красавицу, прижать к груди, спрятать лицо в золотых волосах!

— Но что, если я не гоюсь для брака?

— Вот еще! Разумеется, годитесь. Национальный герой, наследник Ривертон. Если не вы, то кто же?

Кристофер зачарованно смотрел в красивое, безупречно правильное лицо, любовался сиянием жемчужных зубов. Мисс Мерсер говорила так же, как всегда: мило, легко, насмешливо.

— Наследование Ривертон еще не определено окончательно. — Он с сомнением покачал головой. — Ничто не мешает деду завещать поместье кому-нибудь из моих кузенов.

— После того как вы бесстрашно сражались в Крыму? Сомнительно, что найдется кандидатура более достойная. — Она раскрыла веер. — Но что же все-таки заставило вас выйти из тени и появиться в обществе?

Он ответил едва слышно:

— Следовал за путеводной звездой.

— За путеводной... — Пруденс на миг растерялась, но тут же сообразила:

— Ах да, конечно. Помню.

Внезапная неуверенность, короткая заминка показались подозрительными и развеяли сладостный туман.

Горячее радостное нетерпение начало медленно, но верно снижать.

Конечно, было бы неразумно ожидать, чтобы любимая помнила каждое слово. Сам он перечитывал письма тысячу раз — до тех пор, пока строчки не запечатлелись в душе, однако не мог требовать того же от далекой собеседницы. Ее жизнь текла в обычном русле, в то время как его собственное существование разительно изменилось.

— Вы по-прежнему любите танцевать, капитан? — поинтересовалась Пруденс и вопросительно взглянула из-под длинных ресниц.

— С вами — да. — Кристофер поклонился, и красавица без сомнения приняла предложенную руку.

Они танцевали. Капитан Фелан обнимал любимую. Однако уже через несколько минут возникло неприятное ощущение: долгожданное облегчение казалось не более надежным, чем мост, построенный из дыма.

За безупречным фасадом ощущалась фальшь. Где-то таился обман...

Глава 13

Шли недели. Кристофер часто вспоминал слова Одри о том, что искать в душе Пруденс глубину — занятие абсолютно бессмысленное. Нет, не может быть. Он не придумал эти письма. Кто-то их написал.

В одну из первых встреч он спросил мисс Мерсер о последней короткой записке... «Я не та, за кого вы меня принимаете...» Что она имела в виду и почему перестала писать?

Пруденс покраснела, смутилась и растерялась, что было ей абсолютно несвойственно. За светским лоском впервые проявились настоящие чувства.

— Наверное... думаю, потому, что не знала, как себя вести.

— Что же вас смущало? — с мягкой настойчивостью уточнил Кристофер, увлекая ее в темную часть террасы. Обнял за плечи, попытался привлечь ближе. — Письма приносили огромную радость. — Страстное желание заставляло сердце биться чаще. — Когда вы внезапно замолчали, я едва не сошел с ума. Удерживало одно: просьба вернуться и вас разыскать.

— О да, я действительно мечтала о встрече. И очень тревожилась оттого, что наговорила в письмах немало глупостей.

Он обнимал нежно, бережно, словно боялся раздавить хрупкую вазу. Горячие губы коснулись виска.

— Милая Пруденс... ночи напролет я мечтал вот так вас обнять.

Она обвила руками его шею и слегка отклонилась. Поцелуй казался естественным продолжением слов, и губы с готовностью раскрылись навстречу. Чудесный поцелуй. Однако он не мог принести удовлетворение и хотя бы немного облегчить томительную боль вожделения. Случилось так, что мечты о поцелуе затмили реальность.

С мечтами не раз происходило подобное.

Пруденс отвернулась и смущенно рассмеялась.

— Вы чересчур настойчивы.

— Простите. — Кристофер послушно отстранился. Мисс Мерсер стояла рядом, и в воздухе витал легкий цветочный аромат духов. Он продолжал обнимать ее за плечи и надеялся почувствовать нечто особенное, но сердце молчало, словно закованное в ледяной панцирь.

Почему-то он верил... но нет, напрасно. Ни одна женщина на свете не в состоянии соответствовать столь неумеренным, опрометчиво завышенным ожиданиям.

Кристофер упорно продолжал ухаживать: встречался с мисс Мерсер на балах, раутах и обедах, сопровождал вместе с миссис Мерсер на прогулки и пикники, приглашал в театр, на выставки и в музеи.

Пруденс казалась воплощением безупречности: красивая и очаровательная, она не задавала неудобных вопросов. Да и вообще редко спрашивала о личном. Война и битвы ее не интересовали, хотя медали вызвали откровенное восхищение. Иногда ему казалось, что в ее понимании награды заменяют сверкающие украшения и представляют собой мужское подобие бриллиантов.

Милые, ничего не значащие разговоры крутились вокруг сиюминутных событий и последних сплетен, ничем не отличаясь от тысяч других бесед, с другими молодыми дамами и во время других светских сезонов. Как правило, подобного эфемерного общения вполне хватало, но вот сейчас все почему-то обстояло иначе.

Он верил, надеялся, что небезразличен Пруденс, однако в реальной жизни не находил и следа той нежности и заботы, которая сквозила в письмах.

«Мысли о вас давно превратились в мое личное созвездие. Как бы далеко вы ни находились, милый друг, все равно не окажетесь дальше этих неподвижных звезд в душе».

Он сгорал от любви к той Пруденс, с которой беседовал в письмах. Где она? Почему прячется?

Во сне Кристофер постоянно попадал в темный густой лес, то и дело продираясь сквозь колючие заросли в погоне за смутным женским силуэтом. Желанный образ оставался неуловимым, недоступным, далеким. Он просыпался, тяжело дыша и безнадежно сжимая пустоту.

Дни проходили в решении бесконечных деловых вопросов и в суете светских встреч. Душные, перегруженные мебелью и ненужными украшениями комнаты сливались в бесконечную вереницу. Ни к чему не обязывающие разговоры и мелкие, бессодержательные события не задерживались в памяти. Трудно было поверить, что когда-то подобное существование увлекало и доставляло радость. Ужасно, но эпизоды Крымской войны вспоминались едва ли не с ностальгическим чувством и рождали тоску по коротким мгновениям настоящей жизни.

Даже в битве, лицом к лицу с врагом, возникала человеческая связь: попытки понять намерения, ответить и убить создавали напряжение и заставляли действовать на пределе возможностей. Но в окружении элегантных, претенциозных аристократов неизбежно возникало ощущение пустоты и отчужденности. Кристофер знал, что никогда больше не станет своим в этом мире, да и бомонд, кажется, уже пришел к такому же выводу.

Тоскуя по искреннему, открытому общению, он с особой теплотой предвкушал встречу с дедом.

Лорд Аннандейл неизменно отличался придирчивой строгостью и нередко позволял себе поистине безжалостные комментарии. Ни один из внуков, включая и кузена, которому со временем предстояло унаследовать графский титул, не соответствовал высоким требованиям. Исключение составлял лишь Джон. Наверное, именно поэтому в детстве и юности Кристофер намеренно старался ничем не походить на брата.

Предстоящий визит не только радовал, но одновременно внушал опасение и сочувствие: старик, должно быть, особенно тяжело переживал потерю.

Как только капитан Фелан вошел в роскошный особняк, его немедленно проводили в библиотеку, где, несмотря на разгар лета, ярко горел камин.

— О Боже, дед! — воскликнул он, с трудом выдерживая волну горячего воздуха. — Да ты изжаришь нас обоих, как пару куропаток! — Быстро подошел к окну, распахнул настежь обе створки и жадно вдохнул свежий, хотя тоже далеко не холодный воздух. — Не лучше ли согреться во время прогулки?

Старик хмуро взглянул из глубины огромного кресла и недовольно проворчал:

— Доктор считает, что свежий воздух вредит здоровью. Советую сначала обсудить условия наследства, а уже потом пытаться сжить меня со света.

— Нечего обсуждать. Оставь мне то, что считаешь нужным, или ничего — как пожелаешь.

— Как всегда, пытаешься манипулировать, — пробормотал Аннандейл. — Надеешься, что я поступлю наперекор твоим словам?

Кристофер с улыбкой снял пальто, бросил на ближайшее кресло и только после этого подошел к деду, сжал тонкие холодные пальцы.

— Добрый день, сэр. Прекрасно выглядите.

— Ничего прекрасного, — возразил Аннандейл. — Я стар. Попытки жить в дряхлом, немощном теле напоминают плавание в открытом море на корабле, потерпевшем аварию.

Кристофер опустился в соседнее кресло и посмотрел пристальным, изучающим взглядом. Лорд Аннандейл заметно похудел, и кожа обвисла, напоминая мятый шелк на железном каркасе. Не изменились лишь глаза — яркие, пронзительные. Да еще густые широкие брови остались черными, хотя волосы окончательно побелели.

— Очень по тебе соскучился, — искренне признался Кристофер, — хотя и сам не понимаю почему. Должно быть, строгий взгляд возвращает в детство.

— Ты был самым непослушным ребенком на свете, — снова заворчал Аннандейл, — и к тому же невероятно эгоистичным. Я в последнее время регулярно читал отчеты Рассела о твоих боевых подвигах и постоянно думал, что тебя с кем-то перепутали.

Кристофер широко улыбнулся:

— Если подвиги и случались, то происходило это само собой, помимо моей воли. Просто я старался спасти собственную шкуру.

Из горла старика донеслись странные звуки, отдаленно напоминавшие смех, но уже через

секунду брови вновь насупились.

— Судя по всему, ты с честью выдержал испытание. Поговаривают, что не за горами звание рыцаря. Советую заранее настроиться на церемонию и не отвергать приглашение ее величества. Бегство из Лондона после возвращения с фронта вызвало всеобщее недовольство.

Кристофер нервно пожал плечами:

— Не собираюсь изображать дрессированную обезьяну и развлекать зевак. Я ничем не отличаюсь от тысяч сослуживцев: так же, как они, выполнял воинский долг, и больше ничего.

— Скромность — это что-то новое, — бесстрастно заметил старик. — Вот только хотелось бы знать, настоящая ли она или придумана специально для меня.

В угрюмом молчании Кристофер развязал шейный платок и оставил болтаться подобно шарфу. Прохладнее не стало, и пришлось подойти к открытому окну.

Он посмотрел вниз, на шумную, суетливую улицу. Летом люди жили под открытым небом, не стесняясь посторонних глаз: сидели и стояли в дверях, ели, пили и вели громкие разговоры. Колеса экипажей и лошадиные копыта поднимали облака горячей зловонной пыли, но досадное обстоятельство никого не тревожило. Вот проехала небольшая повозка; исполняя роль пассажира, в дальнем ее конце важно восседала небольшая кудлатая собачонка, в то время как хозяин сосредоточенно направлял лохматого пони в узкие просветы между экипажами. Сразу вспомнился Альберт, и болезненное раскаяние не заставило себя ждать. Надо было взять верного товарища в Лондон, а не бросать на попечение слуг. Но с другой стороны, теснота и сутолока свели бы беднягу с ума. Жизнь в деревне более комфортна.

Задумавшись, Кристофер не сразу сосредоточился на словах деда.

— ...пересмотрел вопрос о твоём наследстве. Поначалу оставил тебе слишком мало. Львиная доля, разумеется, досталась брату. Если и существует на свете человек, достойный получить Ривертон больше, чем Джон Фелан, то я его до сих пор не встретил.

— Согласен, — негромко произнес Кристофер.

— Но он покинул этот мир и не оставил наследника, так что теперь дело за тобой. Хотя ты, кажется, взялся за ум, все равно сомнительно, справишься ли с огромным поместьем, сможешь ли соответствовать почетной и нелегкой обязанности.

— Не уверен. — Кристофер помолчал. — Не хочу ничего из того, что изначально предназначалось Джону.

— Сейчас услышишь, что именно перейдет в твои руки, независимо от того, хочешь ты этого или нет. — Лорд Аннандейл говорил жестко, но в то же время не пытался скрыть симпатию. — На свете существует ответственность, мой мальчик, и никому не дано уклониться от обязанностей. Но прежде чем приступить к изложению завещания, хочу кое о чем тебя спросить.

Кристофер сохранял невозмутимость.

— Да, сэр.

— Почему ты сражался так самозабвенно? Ради чего каждую минуту рисковал здоровьем и

самой жизнью? Ради блага родной страны?

Кристофер презрительно фыркнул.

— Война не способна принести стране пользу, а развязали смертельное побоище те, чьи меркантильные интересы требуют немедленного удовлетворения. Ну а заносчивость и тщеславие политиков подлили масла в огонь.

— Значит, сражался за славу и медали?

— Вряд ли.

— Тогда что же вело тебя на подвиги?

Кристофер мысленно перебрал возможные варианты. Найдя правду, он тщательно, с усталым смирением обдумал ответ и лишь после этого позволил себе заговорить:

— Все, что я делал, делал ради своих солдат. Ради тех, кто пошел служить, чтобы спастись от голода или работного дома. А еще ради младших офицеров — опытных, прослуживших много лет, но не имеющих средств на покупку патента на офицерский чин. Командование досталось мне по одной простой причине: у меня были деньги. Честь и достоинство не решали равным счетом ничего. Абсурд! Несчастные подчиненные были бы вынуждены исполнять приказы даже в том случае, если бы капитан оказался круглым идиотом, подлецом и трусом. У них просто не было выбора. А потому приходилось соответствовать требованиям и лезть из кожи вон, чтобы оправдать ожидания. В первую очередь я всеми силами старался сохранить людям жизнь. — Он на миг задумался и печально вздохнул. — К сожалению, часто терпел фиаско. А теперь был бы чрезвычайно благодарен тому, кто способен научить жить с клеймом смертей на совести. — Глядя в окно, он отрешенно добавил: — Я не хочу наследовать Ривертон. И без того я получил немало незаслуженных благ.

Лорд Аннандейл посмотрел на внука по-новому: задумчиво и почти нежно.

— Именно поэтому поместье перейдет в твои руки. Ни на шиллинг, ни на пенс не уменьшу предназначенное Джону состояние. Готов побиться об заклад, что арендаторы и работники почувствуют такую же искреннюю заботу, как твои солдаты и товарищи-офицеры. Думаю, ты принесешь Ривертону немалую пользу и в то же время многое получишь взамен. Раньше нелегкий груз лежал на плечах Джона; отныне справляться с ответственностью предстоит тебе.

Душный, пыльный август неумолимо завоевывал Лондон, и состоятельные горожане потянулись прочь от безжалостной жары, к нехитрым радостям и древним, как мир, утешениям деревенской жизни. Кристоферу не терпелось вернуться в Гемпшир. Сомнений не осталось: жизнь в Лондоне на пользу не пошла.

Почти каждый день атаковали неожиданные страхи, из всех углов смотрели пугающие образы. Начали возникать серьезные проблемы с концентрацией внимания. Ночные кошмары и приступы холодного пота уступали место утренней меланхолии. То и дело слышались несуществующие выстрелы и разрывы снарядов, сердце ни с того ни с сего принималось бешено колотиться, а руки то и дело позорно дрожали. Несмотря на благоприятные обстоятельства, успокоиться и погрузиться в мирное существование никак не удавалось. Капитан Фелан не раз встречался с боевыми друзьями-однополчанами, однако на осторожные вопросы, испытывают ли они подобные симптомы нервного расстройства, ответа так и не получил. Суровое молчание означало, что проблема обсуждению не подлежит и справляться

следует самостоятельно, причем любыми доступными средствами.

Облегчение приносили лишь крепкие напитки. Кристофер не останавливался до тех пор, пока бурлящий разум не погружался в теплый, уютный туман алкоголя. Со временем он научился так рассчитывать дозу, чтобы в нужный момент выглядеть трезвым. Умело скрывая подступающее безумие, то и дело спрашивал себя, когда и при каких обстоятельствах наступит улучшение — и наступит ли вообще.

Что касается Пруденс... мисс Мерсер оказалась несбывшейся мечтой, разбитой надеждой, напрасной иллюзией. С каждой новой встречей отмирала очередная частица доверия, а взамен росло разочарование. Сомнений не оставалось: глубоких чувств красавица не питала; реальность вовсе не походила на письма. Что, если, желая его позабавить, она выбирала из романов и пьес интересные фрагменты и выдавала за собственные мысли? Ну а он с готовностью верил в обман.

Кристофер знал, что и сама Пруденс, и ее родители ожидали предложения руки и сердца: сезон подходил к концу и требовал логического завершения. Миссис Мерсер не стеснялась прозрачных намеков на предстоящую свадьбу, то и дело заводила речь о приданом, красивых детях и семейной идиллии. К сожалению, капитан не чувствовал в душе сил для семейной жизни и не решался взять на себя ответственность за счастье будущей жены.

Когда пришло время прощания, он отправился в лондонский дом Мерсеров, испытывая одновременно и ужас, и облегчение. В ответ на просьбу гостя побеседовать наедине с мисс Мерсер матушка на несколько минут вышла из гостиной, однако не потрудилась закрыть за собой дверь.

— Но... но... — в отчаянии пробормотала Пруденс, услышав, что блестящий кавалер и самый завидный жених Лондона покидает город, — вы же не уедете, не поговорив с моим отцом, правда?

— И о чем же я должен с ним поговорить? — уточнил Кристофер, хотя отлично знал ответ.

— Несложно предположить, что пожелаете спросить его согласия на официальное ухаживание, — негодуя заявила молодая леди.

Капитан твердо посмотрел в зеленые глаза.

— В настоящее время я не вправе это сделать.

— Не вправе? — Пруденс вскочила, заставив гостя подняться, и смерила недоуменным и в то же время оскорбленным взглядом. — Не может быть! Надеюсь, речь идет не о другой женщине?

— Нет.

— Все деловые вопросы улажены, наследство в порядке?

— Да.

— В таком случае причин для промедления нет. Вы открыто выражали свои чувства, особенно в первое время после возвращения: постоянно твердили, как скучали в разлуке, как мечтали о встрече. Сто раз повторили, как много я для вас значу... так в чем же дело? Почему страсть внезапно охладела?

— Я ожидал, надеялся, мечтал увидеть вас такой, какой узнал в письмах. — Кристофер замолчал и посмотрел тяжелым, требовательным взглядом. — Часто задаю себе один и тот же вопрос: кто-нибудь вам помогал?

Пруденс обладала ангельской внешностью, однако вместо небесной безмятежности на лице отразился адский гнев.

— Но почему вы постоянно спрашиваете об этих дурацких письмах? Это всего лишь слова! Слова ничего не значат!

«Вы научили меня понимать, что слова — самое важное, что существует на свете».

— Ничего не значат, — тихо повторил Кристофер, продолжая смотреть ей в глаза.

— Да. — Почувствовав, что удалось безраздельно сосредоточить внимание на собственной персоне, Пруденс немного успокоилась. — Я здесь, Кристофер, рядом — настоящая, живая. Глупые старые письма больше не нужны. Зачем они, когда мы вместе?

— А как насчет рассуждений о квинтэссенции? — уточнил капитан. — Они тоже ничего не значат?

— Какие рассуждения? — переспросила Пруденс, пунцово покраснев. — Что-то не припомню, о чем шла речь.

— О том, что Аристотель называл пятым элементом, — мягко подсказал он.

Румянец мгновенно исчез, уступив место восковой бледности. В эту минуту мисс Мерсер походила на провинившегося ребенка, которого взрослые застали на месте преступления.

— Но какое это имеет значение? — закричала она, очевидно, вспомнив, что нападение — самая надежная защита. — Не лучше ли поговорить о чем-нибудь важном, настоящем? Кому нужен какой-то пыльный Аристотель?

«Мне нравится верить, что в каждом из нас присутствует капелька звездного света».

Нет, пустая, тщеславная кокетка не могла написать этих искренних, незащищенных слов.

Кристофер застыл. Мысли торопливо сменялись, на миг цепляясь одна за другую подобно атлетам в эстафете. Да, писала какая-то другая женщина... с согласия Пруденс... его обманули... Одри, должно быть, все знает... его заставили поверить в искренность, а потом письма внезапно прекратились. Почему?

«Я вовсе не та, за кого вы меня принимаете...»

Кристофер ощутил, как горло и грудь сжались, словно схваченные железным обручем, а потом услышал скрипучий звук, отдаленно напоминающий растерянный смех.

Пруденс тоже рассмеялась — с облегчением. Она понятия не имела, чем вызвано его странное веселье.

Значит, его решили проучить? Возможно, отомстить за какую-то давнюю обиду? Видит Бог, он выяснит, кто это сделал и зачем.

Заманили в ловушку: заставили полюбить, а потом безжалостно предали, бросили. Он и сейчас

любил ту, которую не мог даже назвать по имени — потому что имени не знал. Непростительный удар. Обидчица заплатит сполна, кем бы она ни оказалась.

Внезапно в жизни снова появилась определенная цель: преследование во имя мести. Что ж, состояние знакомое, а потому приятное. Занятие вполне по плечу.

Сквозь холодный гнев проступила улыбка — острая, как лезвие ножа.

Пруденс смотрела растерянно.

— Кристофер? — негромко окликнула она. — О чем вы думаете?

Капитан Фелан подошел и обнял ее за плечи. До чего же просто сдавить ладонями тонкую шею и задушить! Но вместо этого он лишь очаровательно улыбнулся:

— Только о том, что вы правы. Слова действительно ничего не значат. Важно вот что. Медленный, глубокий, обстоятельный поцелуй длился бесконечно долго; до тех пор, пока Пруденс не растаяла в объятиях и не застонала от удовольствия, обвив руками его шею. — Прежде чем отправится в Гемпшир, — прошептал Кристофер в приоткрытые горячие губы, — попрошу у вашего отца согласия на официальное ухаживание. Одобрите?

— О да! — воскликнула Пруденс, просяив от восторга. — О, Кристофер... означает ли это, что вы отдали мне сердце?

— Мое сердце в ваших руках, — бесцветным голосом отозвался капитан. Он продолжал обнимать прелестную мисс Мерсер, но смотрел не на нее, а в абстрактную даль за окном.

Вот только сердца, которое можно было бы отдать, больше не существовало.

— Где она? — с этими словами капитан Фелан ворвался в дом родителей Одри в Кенсингтоне. Расставшись с Пруденс, он помчался к невестке. — И кто она?

Одри ничуть не испугалась.

— Будь добр, перестань на меня кричать. О чем ты?

— Пруденс сама отдавала тебе письма или это делал кто-то другой?

— Ах, вот в чем дело, — невозмутимо произнесла Одри, взяла пальцы и принялась с интересом рассматривать незаконченную вышивку. — Итак, ты наконец понял, что переписку вела вовсе не мисс Мерсер. Что же ее выдало?

— То обстоятельство, что она знает содержание моих писем, однако понятия не имеет о тех, которые посылала сама. — Кристофер стоял возле дивана и испепелял грозным взглядом. — Ведь это одна из ее подруг, не так ли? Немедленно говори, кто именно!

— Не могу сказать ничего определенного.

— Участвовала ли в подлоге Беатрикс Хатауэй?

Одри закатила глаза.

— С какой стати Беатрикс понадобилось бы заниматься чем-то подобным?

— Из мести. Я когда-то сказал, что ее место в конюшне.

— Но ты отрекся от своих слов.

— А ты утверждала, что я это сказал! Немедленно положи пальцы, иначе надену их тебе на голову! Постарайся понять, Одри: я покрыт шрамами с головы до ног, прострелен, проколот, проткнут штыком и порван шрапнелью. Меня лечили пьяные в стельку доктора, едва не падавшие с ног. — Наступила долгая томительная пауза. — Но никогда мне не было так больно и плохо, как сейчас.

— Мне очень жаль, — тихо отозвалась Одри. — Ни за что не согласилась бы участвовать в этой истории, если бы знала, что ты можешь пострадать. Началось все с благих намерений, с желания сделать добро. Во всяком случае, так мне кажется.

— Добро? — Больно было сознавать, что кто-то воспринимает тебя как объект жалости. — Но какого черта ты ввязалась в обман?

— Я едва понимала, в чем дело! — вспыхнула Одри. — Ухаживала за Джоном и сама уже едва не умирала. Не ела, не спала, от усталости и истощения я не сознавала, где день, а где ночь. Совсем не думала об этих злосчастных письмах и уж тем более не подозревала, что они способны навредить.

— Проклятие! Еще как способны!

— Ты хотел верить, что беседуешь с Пруденс. — Одри пошла в наступление. — Иначе сразу бы понял, что пишет не она.

— Между прочим, я был на войне и не имел времени и возможности анализировать причастия и предлоги. Надо было успеть перетащить задницу из окопа в окоп, прежде чем тебя пристрелят!

Пылкий монолог прервал спокойный, уверенный голос:

— Одри.

Невозмутимо прислонившись к дверному косяку и переводя взгляд с сестры на гостя, у входа стоял Гэвин, один из высоких плечистых братьев миссис Фелан.

— Ваш крик слышен по всему дому. Может быть, нужна помощь?

— Нет, спасибо, — твердо отказалась Одри. — Справлюсь сама.

— Вообще-то я спросил Фелана, — улыбнулся Гэвин.

— Мистеру Фелану помощь тоже не нужна. — Одри с достоинством стояла на своем. — Будь добр, оставь нас на несколько минут. Необходимо решить один важный вопрос.

— Очень хорошо. Но не надейся, что уйду далеко.

Одри со вздохом проводила взглядом излишне заботливого брата и снова повернулась к Кристоферу.

— Мне необходимо имя, — сурово потребовал он.

— Только если поклянешься не причинять этой особе зла.

— Клянусь.

— Поклянись на могиле Джона.

Последовало долгое молчание.

— Так и знала, — мрачно подытожила Одри. — Если не можешь гарантировать полной безопасности, я не имею права открыть тайну.

— Она замужем? — В голосе послышалось напряжение.

— Нет.

— Она в Гемпшире?

Одри на секунду задумалась и устало кивнула.

— Передай, что непременно ее найду, и тогда творческая личность пожалеет о своих опытах в эпистолярном жанре.

Он направился к выходу, но возле двери остановился и оглянулся.

— Ну а пока можешь поздравить меня первой: мы с Пруденс почти обручены.

Одри побледнела.

— Кристофер... что за игру ты затеял?

— Придет время — узнаешь, — холодно ответил он. — Уверен: и тебе, и твоей таинственной подруге понравится. Судя по всему, вы обе любите поиграть.

Глава 14

— Что, черт возьми, они грызут? — Лео Хатауэй, лорд Рамзи, стоял у входа в гостиную и с изумлением смотрел на темноволосых кудрявых близнецов Эдварда и Эммалайн, которые мирно играли на ковре.

Кэтрин, супруга хозяина дома, отвлеклась от серьезного занятия — строительства башни из кубиков — и с улыбкой взглянула на мужа.

— Всего лишь печенье.

— Печенье? — Лео посмотрел на глубокое блюдо, полное небольших темных лепешек. — Что-то ваше печенье подозрительно напоминает корм, которым Беатрикс кормит собаку.

— Потому что это он и есть.

— Ради Бога, Кэт! И о чем только ты думаешь? — Присев на корточки, лорд Рамзи попытался отнять у сына обмусоленное печенье.

Попытка была встречена воинственным воплем.

— Мое! — Эдвард крепче сжал добычу.

— Пусть сосут, — вступилась за детей Кэтрин. — У близнецов режутся зубки, а лепешки очень твердые. Никакого вреда не будет.

— Откуда ты это знаешь?

— Их испекла Беатрикс.

— Беатрикс не умеет готовить. Насколько мне известно, даже хлеб маслом не может толком намазать.

В этот момент в комнату вошла сама мисс Хатауэй в сопровождении Альберта — пес ни на шаг не отставал от новой хозяйки.

— Я не умею готовить для людей, — весело уточнила она. — Собаки — другое дело.

— Понятно. — Лео взял с блюда один из коричневых кусочков и придирчиво осмотрел.

— Будь добра, открой секрет: что входит в состав этих мерзких предметов?

— Овес, мед, яйца... к твоему сведению, собачья еда очень питательна.

Словно желая подтвердить слова молодой госпожи, Доджер, любимый хореК Кэтрин, незаметно подкрался к Лео, выхватил из руки лакомство и спрятался за ближайшим креслом.

Кэтрин посмотрела на мужа и рассмеялась.

— Лепешки сделаны из тех же продуктов, из которых пекут детское печенье, милорд.

— Что ж, считайте, что убедили, — угрюмо уступил лорд Рамзи. — Но если дети вдруг начнут лаять и закапывать игрушки, буду знать, с кого спрашивать. — Он сел на пол рядом с дочкой.

Эммалайн радостно просияла и щедро протянула отцу обсосанное печенье.

— На, папа.

— Спасибо, дорогая, кушай сама.

Альберт дружелюбно ткнулся носом в плечо, и Лео обернулся, чтобы приласкать незнакомца.

— А это еще что такое? Собака или щетка?

— Это Альберт, — представила подопечного Беатрикс.

Пес с готовностью шлепнулся на бок и, приглашая поиграть, принялся призывно постукивать по полу хвостом.

Беатрикс улыбнулась. Три месяца назад подобную сцену невозможно было представить. Альберт тогда вел себя настолько непредсказуемо и враждебно, что она не осмелилась бы допустить опасное существо к детям.

И все же терпение, любовь и строгая дисциплина, не говоря уже о благотворном воздействии маленького Рая, не прошли даром. Альберт изменился до неузнаваемости. Постепенно привык

к постоянному движению в доме и даже смирился с присутствием других животных. Отныне все новое он встречал не со страхом и агрессией, а с дружелюбным любопытством.

Аппетит пришел в норму, и терьер больше не казался унылым ходячим скелетом, а выглядел упитанным, здоровым и холеным. Беатрикс старательно ухаживала за любимцем, расчесывала и стригла шерсть, однако не трогала очаровательные бакенбарды, придающие мордочке важное и загадочное выражение. Когда новая хозяйка брала пса в деревню, дети тут же окружали симпатягу, а Альберт, в свою очередь, благосклонно принимал знаки восторженного внимания. Он полюбил игры, с удовольствием приносил различные вещи, порой хулиганил: воровал обувь и пытался закопать добычу в саду. Одним словом, стал абсолютно нормальной собакой.

Беатрикс все так же тосковала по Кристоферу, однако обнаружила, что лучшее лекарство от отчаяния и сердечной тоски — работа и помощь ближнему. Вокруг неизменно находились люди, нуждавшиеся во внимании и заботе, в том числе арендаторы и крестьяне, жившие на землях поместья Рамзи. Сейчас, после отъезда Уин в Ирландию, все домашние обязанности легли на плечи Амелии, и только Беатрикс находила время для благотворительной деятельности. Она носила еду больным и нуждающимся, регулярно читала пожилой вдове арендатора, которой отказало зрение, и вникала в дела местной церкви. Оказалось, что работа на общее благо способна приносить радость и удовлетворение; к тому же занятой человек не знает ни бесплодных размышлений, ни меланхолии.

Сейчас, глядя, как непосредственно и охотно Альберт играет с Лео, Беатрикс спросила себя, как отнесется к перемене Кристофер.

— Это новый член семьи? — поинтересовался брат.

— Нет, всего лишь гость, — пояснила Беатрикс. — Его хозяин — капитан Фелан.

— Несколько раз встречал Фелана в Лондоне, — заметил лорд Рамзи и с улыбкой покачал головой. — И даже играл с доблестным воином в карты. В итоге пришлось предупредить, что если парень собирается выигрывать каждую партию, то скоро останется без партнеров.

— И какое же впечатление произвел капитан? — Беатрикс старалась говорить равнодушно. — Хорошо выглядел? Не казался мрачным и недовольным?

Кэтрин на секунду задумалась, словно вспоминая.

— Выглядел вполне здоровым, а держался приветливо и любезно, да и вообще вел себя как очаровательный светский джентльмен. Часто появлялся в обществе Пруденс Мерсер.

Беатрикс ощутила отвратительный укол ревности и поспешила отвести взгляд.

— Как мило, — произнесла она сдавленным голосом. — Уверена, что они составляют прекрасную пару.

— Ходят слухи о помолвке, — добавила Кэтрин и лукаво взглянула на мужа. — Возможно, капитан Фелан наконец-то уступит любви приличной женщины.

— Он уже уступил множеству иных соблазнов, — заметил Лео притворно ханжеским тоном.

Жена рассмеялась.

— Кто бы говорил! — поддразнила она.

— Было, да прошло, — парировал лорд Рамзи.

— Неужели распутные женщины интереснее? — осведомилась Беатрикс.

— Нет, милая. Но порой они нужны для контраста.

Весь вечер Беатрикс страдала, представляя Кристофера рядом с Пруденс: обручены, скоро поженятся, будут носить одну фамилию, жить в одном доме, спать в одной постели.

Она впервые в жизни познала ревность, и опыт оказался мучительным. Наверное, так же чувствуют себя те, кто медленно, но неотвратимо умирает от яда. Пруденс провела лето, принимая ухаживания красивого героя, в то время как Беатрикс провела лето в занятиях с собакой красивого героя.

А скоро красивый герой вернется и заберет Альберта, и тогда не останется даже собаки.

* * *

Едва вернувшись в Стоуни-Кросс, Кристофер узнал, что Альберта похитила мисс Хатауэй. Слуги даже не пытались изобразить сожаление и рассказывали какую-то нелепую историю о том, что пес сбежал, а Беатрикс нашла его и забрала к себе домой.

Несмотря на усталость от долгого переезда (путь из Лондона занял двенадцать часов), голод, дорожную пыль и невероятно дурное настроение, капитан Фелан немедленно отправился в Рамзи-Хаус. Пришло время раз и навсегда положить конец своеволию и несносным проделкам дикарки.

В поместье он въехал уже в сумерках. Из леса надвигались тени, и деревья напоминали театральный занавес, раздвинутый специально, чтобы показать дом во всей красе. Последние лучи заходящего солнца окрашивали кирпичные стены в рыжий цвет и отражались в оконных стеклах. Причудливая крыша и многочисленные разнокалиберные трубы придавали особняку сходство с растением, пустившим мощные корни в плодородную землю Гемпшира и превратившимся в неотъемлемую часть леса. Подобно огромному раскидистому дубу, Рамзи-Хаус тянулся к небесам.

Вокруг царило обычное вечернее оживление: работники возвращались домой, скотину загоняли в хлев, лошадей вели в конюшни. Кристофер помедлил на дорожке, оценивая ситуацию: в мирной, гармоничной жизни он чувствовал себя чужим и лишним.

Твердо решив сократить визит, насколько возможно, подъехал к парадному входу, спешил, бросил поводья подоспевшему конюху, решительно поднялся по каменным ступеням и постучал.

Дверь вскоре открылась, и посетитель попросил пригласить Беатрикс.

— Господа обедают, сэр... — попыталась объяснить слегка растерявшаяся экономка.

— Не важно. Или немедленно позовите мисс Хатауэй, или я найду ее сам. — Он заранее настроился отразить любые попытки хозяев отвлечь и сбить с толку. Впрочем, после лета, проведенного в обществе вздорного, непослушного пса, у них вряд ли появится желание

удерживать Альберта. Ну а что касается самой Беатрикс — пусть только попробует остановить: он сразу объяснит, что к чему.

— Не желаете ли подождать в приемной, сэр?

Кристофер молча покачал головой. Встревоженная домоправительница оставила незваного гостя возле двери.

Вскоре появилась мисс Хатауэй в белом летящем платье с причудливо облегающим грудь корсажем. Казалось, она возникла из белого шелка подобно вышедшей из пены Венере.

Для преступницы, укравшей собаку, особа выглядела потрясающе невозмутимой.

— Капитан Фелан. — Беатрикс приветствовала его грациозным реверансом.

Кристофер смотрел как зачарованный, напрасно пытаясь сохранить в душе праведный гнев; злость и досада просачивались сквозь пальцы, словно песок.

— Где же ваши бриджи? — услышал он собственный хриплый голос.

Нимфа улыбнулась:

— Предположила, что вы придете за Альбертом, и не захотела оскорблять мужским костюмом.

— Если бы вы на самом деле берегли мои чувства, то хорошенько подумали бы, прежде чем похищать собаку.

— Но я никого не похищала. Альберт пошел со мной по доброй воле.

— Помнится, вас просили держаться от него подальше.

— Да, знаю. — В голосе звучало раскаяние. — Но дело в том, что ваш приятель предпочел провести лето в Рамзи-Хаусе. Кстати, ему здесь очень понравилось. — Она помолчала, открыто рассматривая собеседника. — А как поживаете вы?

— Страшно устал, — коротко ответил Кристофер. — Только что приехал из Лондона.

— Бедняга. Должно быть, умираете с голоду. Скорее пойдемте обедать.

— Благодарю, но вынужден отказаться. Единственное, чего хочу, — немедленно забрать собаку и как можно быстрее вернуться домой.

«Чтобы напиться до потери сознания», — добавил он про себя.

— Где же Альберт?

— Сейчас будет здесь. Я уже попросила экономку его привести.

Кристофер прищурился.

— Неужели она его не боится?

— Альберта? Что вы, конечно же, нет! Все его обожают.

Невозможно было даже представить, что хоть один человек на свете способен обожать

несносного пса. Капитан ожидал услышать подробное изложение нанесенного ущерба, а потому не смог скрыть удивления.

Вскоре в холле показалась экономка, а рядом семенил послушный, ухоженный, чистенький терьер.

— Альберт? — неуверенно позвал Кристофер.

Пес внимательно посмотрел, слегка шевеля ушами. Забавная лохматая мордочка оживилась, глаза возбужденно заблестели. Не прошло и мгновения, как Альберт радостно взвизгнул и бросился к хозяину. Растроганный, тот опустился на колени и крепко обнял боевого товарища. Альберт скулил, прижимался к груди, норовил лизнуть в лицо.

Кристофер с трудом сдерживал слезы облегчения и нежно прижимал к груди теплое, родное существо. Он гладил, ласкал пса, повторяя звонкое имя, а Альберт дрожал от счастья.

— Я скучал по тебе, дружище. Хороший, хороший мой мальчик!..

Он спрятал лицо в жесткой шерсти. Чувство вины оказалось неожиданно острым: бросил питомца, оставил на все лето, а тот встретил искренней радостью.

— Меня так долго не было, — бормотал Кристофер, глядя в теплые карие глаза. — Больше никогда от тебя не уеду. — Снизу вверх он посмотрел на Беатрикс и виновато заметил: — Разлука оказалась ошибкой.

Она улыбалась:

— Альберт не держит зла. Людям свойственно ошибаться, собакам — прощать.

Неожиданно для себя Кристофер почувствовал, как в уголках губ зарождается ответная улыбка. Он продолжал гладить откормленного, лоснящегося от хорошей жизни пса.

— Вы старательно за ним ухаживали.

— Он научился прекрасно себя вести. Теперь его можно брать с собой куда угодно.

Капитан Фелан поднялся и посмотрел так, как привык смотреть на людей — сверху вниз.

— Почему вы это сделали? — тихо спросил он.

— Потому что он заслуживал заботы и спасения. Это все понимали.

Напряжение стало почти невыносимым. Сердце билось тяжело, гулко, неровно. Как хороша она в белом платье! Безыскусная, здоровая женственность разительно отличалась от модной бледности и нарочитой слабости лондонских дам. Интересно, а в постели она окажется такой же непосредственной и откровенно страстной, как во всем остальном?..

— Останьтесь к обеду, — настойчиво попросила Беатрикс.

Кристофер покачал головой:

— Надо идти.

— Вы успели поесть?

— Нет. Найду что-нибудь дома, в кладовке.

Альберт спокойно сидел, внимательно смотрел на обоих и слушал разговор.

— После долгой дороги надо поесть по-настоящему.

— Мисс Хатауэй... — Он едва не задохнулся, потому что Беатрикс одной рукой сжала запястье, а другой локоть и слегка потянула. Ответ не заставил себя ждать: горячая волна желания захлестнула, лишив надежды на спасение. Раздраженный и растерянный, Кристофер заглянул в синие глаза. — Не хочу ни с кем разговаривать.

— И не надо, — успокоила Беатрикс. — Все отлично понимают, что такое усталость. — Она снова потянула, на этот раз настойчивее. — Пойдемте же скорее.

Неожиданно для себя капитан Фелан послушался; вместе с Беатрикс пересек холл и зашагал по длинному коридору, который с успехом можно было бы назвать картинной галереей — хозяева разместили здесь коллекцию семейных портретов и пейзажей. Альберт не отставал ни на шаг.

Беатрикс выпустила руку только на пороге ярко освещенной столовой. Стол сверкал серебром и хрусталем и изобиловал разнообразными блюдами. Кристофер узнал Лео, лорда Рамзи, его супругу Кэтрин, Кэма Роуэна и Амелию. Темноволосый кудрявый Рай тоже сидел за столом вместе со взрослыми. Капитан поклонился и смущенно произнес:

— Простите. Зашел всего лишь за...

— Я пригласила мистера Фелана к обеду, — объявила Беатрикс. — Он устал и не расположен к разговорам, так что вопросов без крайней необходимости лучше не задавать.

Члены семьи приняли оригинальное предупреждение как нечто вполне естественное. Лакей немедленно отправился за прибором.

— Присоединяйтесь, Фелан, — непринужденно пригласил Лео. — Молчаливые гости нам по душе, не мешают говорить самим. Присаживайтесь и можете за весь обед не произнести ни слова.

— Но если не трудно, — с улыбкой добавила Кэтрин, — постарайтесь изобразить восхищение нашим умом и красноречием.

— Обязуюсь сделать попытку и поучаствовать в беседе, — пообещал Кристофер. — Конечно, если придумаю что-нибудь достойное внимания.

— О, никто из нас не ставит себе столь сложных задач, — заметил Кэм.

Капитан сел на свободный стул рядом с Раем. Лакей немедленно поставил перед гостем наполненную до краев тарелку и бокал вина. Только сейчас голод дал себя знать в полной мере. Пока Кристофер с аппетитом поглощал прекрасно приготовленную еду — жареную камбалу, картофель, завернутых в хрустящий бекон копченых устриц, — дружное семейство обсуждало политические новости, дела поместья и события в Стоуни-Кросс.

Рай вел себя безупречно. Уважительно слушал разговоры и время от времени задавал вопросы, на которые немедленно получал ответ от кого-нибудь из взрослых. Кристофер не привык видеть детей за общим столом: в аристократических домах их, как правило, кормили отдельно.

— Ты всегда обедаешь вместе со всеми? — негромко поинтересовался гость.

— Почти всегда, — шепотом ответил Рай. — Они не возражают, только просят не разговаривать с полным ртом и не играть картошкой.

— Постараюсь этого не делать, — серьезно заверил капитан.

— А еще запрещено кормить со стола Альберта, даже если он очень просит. Тетя Беатрикс говорит, что собакам полезна только самая простая еда.

Кристофер посмотрел на мирно лежащего в углу терьера. Взгляд не остался без внимания.

— Капитан Фелан, — обратилась к гостю Амелия, — что скажете об изменениях в поведении Альберта?

— Непостижимо, — отозвался Кристофер. — Честно говоря, никогда не верил, что удастся приучить эту собаку к мирной жизни.

Он посмотрел на Беатрикс и серьезно, искренне добавил:

— Я в долгу.

Мисс Хатауэй покраснела и опустила взгляд.

— Не стоит благодарности.

— Сестра отличается удивительным умением находить общий язык с животными, — пояснила Амелия. — Интересно, что же произойдет, если когда-нибудь ей придет в голову перевоспитать человека?

Лео широко улыбнулся:

— Предлагаю проверить: найти по-настоящему отвратительного, аморального субъекта и доверить заботам Беатрикс. Не пройдет и двух недель, как девочка превратит чудовище в нормального человека.

— Не имею ни малейшего желания дрессировать двуногих, — решительно заявила Беатрикс. — Четыре конечности — абсолютный минимум. К тому же Кэм запретил приводить в хлев новых животных.

— Это при таких-то размерах? — удивился Лео. — Только не говори, что там больше нет места.

— Когда-то необходимо поставить точку, — горячо откликнулся Кэм. — С меня достаточно и мула.

Кристофер с интересом взглянул на Беатрикс.

— У вас есть мул?

— Нет, — поспешно ответила она. Возможно, сказала игра света, но только что горевшие румянцем щеки заметно побледнели. — То есть да, у меня есть мул. Но обсуждать его я не люблю.

— А я очень люблю, — с детской непосредственностью вступил в разговор Рай. — Гектор —

отличный мул, но у него слабая спина и какие-то неправильные колени. Когда он родился, никто не хотел его брать, а потому тетя Беатрикс пошла к мистеру Кэрду и сказала...

— Мула зовут Гектор? — настойчиво осведомился капитан, не отводя глаз.

Беатрикс не произнесла ни слова.

Кристофера охватило странное, тяжелое чувство. Он явственно услышал, как зашевелились волосы на голове, ощутил, как пульсирует в венах кровь.

— А хозяина осла зовут мистер Модсли? — уточнил он.

— Откуда вы знаете? — удивился Рай.

— Кое-кто мне об этом писал, — последовал тихий ответ.

Кристофер отвел взгляд от непроницаемого лица обманщицы и поднял к губам бокал.

До конца обеда он больше ни разу на нее не посмотрел.

Не мог, потому что боялся потерять власть над собственными чувствами.

Мисс Хатауэй едва не задыхалась под тяжестью беспокойства и страха. Надо же было заставить Кристофера остаться! Ни о чем в жизни она не сожалела больше. Какой вывод он сделал, услышав, что она купила у мистера Кэрда мула и назвала его Гектором — так же, как звали любимца самого капитана? Наверняка потребуется убедительное объяснение. Придется соврать, что услышала историю от Пруденс. Можно будет беззаботно отмахнуться, примерно так: «Должно быть, имя застряло в памяти после того, как его упомянула Пру. Отличное имя, самое подходящее для мула. Надеюсь, вы не возражаете?..»

Да, пожалуй, звучит правдоподобно, особенно если говорить уверенно и невозмутимо.

Одна загвоздка: как казаться уверенной и невозмутимой, если в душе паника и хаос?

К счастью, Кристофер потерял интерес к мулу, а заодно и к его хозяйке. Больше ни разу не взглянул и начал с увлечением обсуждать с джентльменами общих лондонских знакомых. Вкусная еда сделала свое дело: выглядел капитан спокойным и довольным и даже несколько раз смеялся над шутками Лео.

Судя по всему, опасная тема осталась в прошлом, и тревога слегка отступила.

Весь вечер Беатрикс то и дело украдкой посматривала на гостя, очарованная мужественной красотой. Смуглый от загара, в теплом сиянии свечей, он выглядел сказочным принцем. Волосы отливали золотом, и даже щетина на щеках и подбородке мерцала таинственными искрами. Спокойствие скрывало необузданную, первозданную силу. Если бы можно было впустить сдержанную энергию в комнату, как впускают грозу, открывая настежь двери и окна и сдаваясь на милость природы! Если бы можно было поговорить откровенно, поделиться мыслями, заглянуть в душу...

— Искренне признателен за гостеприимство, — поблагодарил Кристофер, когда обед подошел к концу. — Честно говоря, дружеское участие оказалось весьма кстати.

— Непременно приходите еще, — пригласил Кэм. — С удовольствием покажу склад пиломатериалов. Мы применили технологические новшества, которые могут пригодиться в

Ривертоне.

— Спасибо. Будет чрезвычайно полезно перенять опыт. — Кристофер посмотрел на Беатрикс. — Прежде чем распрощаться, мисс Хатауэй, хотел бы попросить познакомиться меня с вашим знаменитым мулом. — Говорил он непринужденно, однако в глазах светилась настойчивость затаившегося хищника.

У Беатрикс пересохло во рту. Избежать расплаты не удастся — это ясно. Он ждал ответов на все накопившиеся вопросы и твердо вознамерился их получить — рано или поздно.

— Сегодня? — уточнила она слабым голосом. — Прямо сейчас?

— Если не возражаете, — подтвердил капитан любезным тоном. — Хлев, должно быть, недалеко от дома?

— Да. — Беатрикс поднялась, и сидящие за столом джентльмены тоже немедленно встали. — Извините нас, пожалуйста. Я ненадолго.

— А можно мне с вами? — с надеждой в голосе спросил Рай.

— Нет, милый, — вступила в разговор Амелия. — Тебе пора принять ванну.

— Но зачем же мыться, если все равно нельзя испачкаться?

— Тот, кто не находит радости в набожности, обязан довольствоваться чистотой, — с улыбкой заключила Амелия.

Общая легкая беседа продолжалась до тех пор, пока Рая не увели в детскую, а Беатрикс и капитан Фелан в сопровождении Альберта не отправились на скотный двор.

После долгого молчания первым заговорил Лео:

— Кто-нибудь еще заметил?..

— Да, — немедленно отозвалась Кэтрин. — И как же ты к этому относишься?

— Еще не решил. — Глава семейства нахмурился и пригубил портвейн. — Не думаю, что готов видеть этого человека рядом с Беатрикс.

— А кого же в таком случае готов видеть?

— Понятия не имею, — пожал плечами Лео. — Кого-нибудь со сходными интересами. Может быть, местного ветеринара?

— Твоему избраннику восемьдесят три года. К тому же он абсолютно глух, — заметила Кэтрин.

— Зато не будут ругаться, — серьезно отозвался Лео.

Амелия улыбнулась и неторопливо помешала чай.

— Не хочется признаваться, но я согласна с Лео — не в отношении ветеринара, а... Беатрикс и военный? Трудно представить подобный союз.

— Фелан подал в отставку, — вступил в разговор Кэм, — так что он больше не военный.

— И он наследует Ривертон, — добавила Амелия. — Беатрикс сможет бродить по лучшему в Англии лесу...

— А мне кажется, в их характерах есть что-то общее, — задумчиво произнесла Кэтрин.

Лео удивленно поднял брови.

— И что же, скажи на милость? Она обожает животных, а он любит стрелять во все, что движется.

— Беатрикс держится вдали от мира. Она необыкновенно обаятельна, но в то же время склонна к уединению. Те же черты я нахожу и в капитане Фелане.

— Да, — согласилась Амелия. — Ты совершенно права, Кэт. С этой точки зрения союз кажется более логичным.

— И все же у меня имеются серьезные возражения, — не уступал Лео.

— У тебя всегда имеются серьезные возражения — Амелия не собиралась сдаваться. — Если помнишь, ты и Кэма поначалу не принимал, однако теперь души в нем не чаешь.

— Просто по сравнению с каждым новым зятем неоспоримые достоинства Кэма становятся все заметнее.

Глава 15

По дороге на скотный двор не было сказано ни единого слова. В темном небе низко висела тусклая, подернутая дымкой облаков луна.

Со странной, обостренной ясностью Беатрикс слышала звук собственного дыхания и скрип гравия под ногами, ощущала беспокойную, волнующую близость любимого человека.

Когда они вошли в конюшню, мальчик-работник коротко кивнул в знак приветствия. Конюхи и скотники давно привыкли к частым появлениям молодой госпожи и не мешали делать все, что заблагорассудится.

Ни с чем не сравнимый острый запах — сена, фуража, навоза — встретил знакомым, вселяющим надежду покоем. Беатрикс молча повела гостя в дальний конец длинного строения — мимо чистокровных, рабочих, выездных лошадей. Узнав хозяйку, животные тихо ржали и приветственно кивали головами.

Наконец Беатрикс остановилась возле просторного стойла.

— Вот Гектор, — представила она любимца.

Маленький мул вышел навстречу. Несмотря на очевидные недостатки, а возможно, именно благодаря забавной внешности он оказался необыкновенно симпатичным и милым существом: несуразный, с кривым ухом и жизнерадостным, неизменно веселым выражением лица... точнее, морды.

Кристофер протянул руку, и Гектор по-дружески доверчиво ткнулся носом в ладонь. Откровенная нежность казалась хорошим знаком. Может быть, капитан не так уж и зол?

Беатрикс глубоко вздохнула и попыталась оправдаться:

— Я назвала его Гектором, потому что...

— Нет. — Кристофер стремительно повернулся, и она оказалась в ловушке. Низкий, хрипловатый голос звучал угрожающе. — Давайте начнем с другого. Вы помогли Пруденс писать письма?

Широко раскрытыми испуганными глазами Беатрикс смотрела в потемневшее, мрачное лицо. Ничего хорошего ждать не приходилось.

— Нет, — с трудом произнесла она. — Я не помогала.

— Тогда кто же?

— Никто ей не помогал.

И это было правдой, хотя и не полной.

— Вы что-то знаете, — настаивал Кристофер, — и непременно скажете, что именно.

Всем своим существом она чувствовала готовую вырваться на волю ярость. Воздух накалился от приближения неминуемой грозы. Сердце панически колотилось, а в груди неумолимо росло что-то громадное и неведомое.

— Позвольте выйти, — произнесла она с невероятным спокойствием. — Подобным поведением вы вредите и мне, и себе.

Он гневно прищурился.

— Не разговаривайте со мной таким тоном, будто дрессируете собаку.

— Собак я дрессирую иначе. А если вам жизненно важно узнать правду, то почему бы не спросить саму Пруденс?

— Спрашивал. Она лгала так же, как сейчас лжете вы.

— Вы всегда мечтали о мисс Мерсер, и вот теперь ничто не мешает ее получить. Так какое же значение имеют несколько давних писем?

— Меня обманывали. А теперь я хочу знать, кто это делал и зачем.

— Гордыня, — горько заметила Беатрикс. — Уязвленная гордыня, и ничего больше.

Он запустил руку в ее длинные распущенные волосы, бережно, но властно сжал и оттянул голову назад. Она испуганно вздохнула.

— Не пытайтесь увести разговор в сторону. Вы действительно что-то скрываете. — Свободная рука поднялась к обнаженной шее. На миг показалось, что он готов задушить. Но пальцы нежно прикоснулись к коже, погладили маленькую ямку у основания.

— Перестаньте, — слабым голосом попросила Беатрикс, опуская ресницы.

И легкую дрожь, и затуманенный взгляд Кристофер принял за выражение страха и неприязни.

Наклонился и, согревая дыханием щеку, тихо произнес:

— Не раньше, чем услышу правду.

Ни за что. Если признаться, он возненавидит ее за обман и предательство. Некоторые ошибки недостойны прощения.

— Идите ко всем чертям. — Еще ни разу в жизни Беатрикс не произносила эту фразу.

— Я уже и так словно в аду. — Он стоял непростительно близко: ноги примяли складки на юбке, а колени едва не касались ее коленей.

Утопая в чувстве вины, в страхе и вожделении, она попыталась убрать с шеи доводившие до безумия пальцы. Волосы уже болели от безжалостной хватки. Губы вплотную приблизились к губам. Он окружал, давил жесткой, требовательной мужской энергией, и оставалось лишь закрыть глаза и погрузиться в темное беспомощное ожидание.

— Все равно заставлю сказать, — пробормотал он.

И поцеловал.

Сквозь туман пробилось удивление: Кристоферу, наверное, казалось, что поцелуй ей так не понравится, что она сразу признается в преступлении, лишь бы заставить его поскорее отстраниться. Трудно было понять, откуда взялось подобное заблуждение. Да и вообще трудно было думать.

Губы исследовали территорию жадно и настойчиво, пока наконец не обнаружили позицию, окончательно лишившую остатков самообладания. Чтобы не сползти безвольно на пол, ей пришлось крепко обнять агрессора за шею и прильнуть всем телом. Ну а он в тот же миг воспользовался слабостью и принялся медленно, ненасытно ласкать, дразнить, сводить с ума.

Томительное наслаждение лишило сил, и Беатрикс безвольно повисла, отдавшись на милость сильных рук. Она поймала то неповторимое мгновение, когда гнев сменился страстью, а желание переросло в раскаленное добела вожделение. Запустила пальцы в густые непослушные волнистые волосы и полной грудью вдохнула аромат разгоряченного мужественного тела.

Губы наконец оставили ее рот и скользнули вниз по шее, заставляя то и дело вздрагивать от новизны ощущений. Не открывая глаз, Беатрикс легко прикоснулась губами к уху. Кристофер резко вдохнул и нетерпеливо, порывисто отстранился. Ладонь требовательно сжала подбородок.

— Сейчас же говори все, что знаешь, — выдохнул он, — а не то будет хуже, овладею немедленно, прямо здесь! Ты этого хочешь?

Вообще-то, если честно признаться... Вспомнив, что дерзкие ласки призваны обозначить наказание, насилие, Беатрикс вяло произнесла:

— Нет. Прекрати.

Губы снова встретились, и слова утратили значение. Она растаяла и умолкла.

Он целовал настойчиво, бесцеремонно прижав ее к деревянной стенке стойла, а руки тем

временем окончательно утратили скромность. Увы, стройная фигурка оказалась затянутой, зашнурованной, скрытой слоями хитрых женских одеяний. Чтобы добраться до сути, потребовалась немалая настойчивость.

Его одежда, однако, не чинила непреодолимых препятствий. Беатрикс расстегнула сюртук, торопливо потянула жилет. Сунула ладони под подтяжки и после недолгих усилий вытащила рубашку из брюк, успев заметить, как нагрелась тонкая ткань.

Едва холодные пальцы прикоснулись к разгоряченной коже, оба вздрогнули. Беатрикс зачарованно гладила жесткую мускулистую спину — удивительно, как близко таилась сила. Обнаружила шрамы, свидетельства боли и терпения. Нежно провела пальцем по шелковистому рубцу и тут же бережно прикрыла ладонью.

Кристофер не выдержал невинной, трогательной и оттого еще более возбуждающей ласки. Застонав, вновь припал к припухшим от поцелуев губам, жадно пытаясь выпить дыхание, слиться воедино. Не сознавая, что делает, Беатрикс тоже стремилась к близости и прижималась всем телом.

Наконец, тяжело дыша, Кристофер прервал безумный поцелуй, сжал ладонями пылающее лицо, приник лбом к горячему лбу.

— Это ты? — спросил чужим, непослушным голосом. — Да?

Из-под ресниц нескончаемым потоком хлынули слезы. Сердце разрывалось на части. Казалось, вся жизнь вела к этому удивительному человеку, к незабываемому мигу невысказанной, затаенной любви.

И все же признаться мешали страх и стыд: страх перед неизбежным презрением и стыд за собственное лживое малодушие.

Кристофер прикоснулся губами к соленым влажным щекам, помедлил в уголке рта.

Отстранился и посмотрел с сердитым недоумением. Желание притягивало неумолимо, мощно, и Беатрикс удивилась, как до сих пор удавалось сохранять некоторое, пусть и совсем небольшое, расстояние.

Он судорожно вздохнул и с излишней тщательностью, словно пьяный, поправил костюм.

— Черт возьми! — Не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел к выходу.

Альберт, который все это время сидел возле стойла, тут же побежал следом, но, увидев, что Беатрикс осталась на месте, вернулся и жалобно, недоуменно заскулил.

Она нагнулась и привычным движением провела ладонью по жесткой шерсти.

— Беги, беги, дружок.

Умный терьер все понял и, оглянувшись на прощание, бросился догонять хозяина.

Беатрикс в отчаянии смотрела вслед.

Через два дня в Стоуни-Кросс, поместной резиденции лорда и леди Уестклиф, состоялся бал. Трудно представить более романтическое место для праздника, чем старинный особняк, построенный из камня цвета меда и окруженный обширным парком, привольно

раскинувшимся на высоком крутом берегу реки Итчин.

Хатауэи, добрые друзья и соседи лорда и леди Уестклиф, получили приглашение первыми. Особенно часто общался с графом Кэм — джентльмены поддерживали знакомство уже несколько лет.

Беатрикс не раз бывала в Стоуни-Кросс. Красота поместья и роскошное убранство дома неизменно вызвали искреннее восхищение. Бальный зал поражал воображение: узорный, начищенный до зеркального блеска дубовый паркет, два ряда золоченых канделябров, полукруглые ниши в стенах, где прятались уютные, обитые алым бархатом диваны.

Отдав должное расставленному на длинных столах угощению, Беатрикс вместе с Амелией и Кэтрин вошла в зал и едва не зажмурилась от пестроты и блеска: строгие черно-белые костюмы джентльменов подчеркивали красочное разнообразие дамских нарядов. Хрустальные подвески на люстрах соперничали с сиянием драгоценностей на пальцах, запястьях, шеях и в ушах.

Хозяин вечера, лорд Уестклиф, подошел, чтобы поприветствовать дорогих гостей. Беатрикс всегда испытывала к графу искреннюю симпатию. Дружба и покровительство уважаемого, влиятельного аристократа много раз выручали членов семьи в сложных ситуациях. Крупные, резкие черты лица, черные как смоль волосы и темные глаза производили сильное впечатление, однако в сочетании не создавали тот гармоничный образ, который принято называть красивым. Власть и могущество не испортили ни добросердечного нрава вельможи, ни тонкого чувства юмора; граф неизменно оставался интересным и оригинальным собеседником. Уестклиф пригласил Кэтрин на танец — знак особого расположения, призванный привлечь внимание остальных гостей, — и та с улыбкой приняла предложенную руку.

— Как он добр, — признательно заметила Амелия, наблюдая, как джентльмен ведет партнершу в центр зала. — Всякий раз не забывает подчеркнуть симпатию к нашей семье, и после этого никто не отваживается открыто задрать нос.

— Наверное, ему просто нравятся необычные люди. Думаю, в душе граф вовсе не такой степенный и уравновешенный, каким кажется.

— Леди Уестклиф, во всяком случае, утверждает, что так оно и есть, — с улыбкой подтвердила Амелия.

Беатрикс собралась что-то добавить, однако слова застряли в горле: в противоположном конце зала показалась безупречная пара: Кристофер Фелан увлеченно беседовал с Пруденс Мерсер. Как известно, классическое сочетание черного и белого цветов делает представительным любого мужчину независимо от внешности, однако мистер Фелан выглядел поистине умопомрачительно: держался свободно, непринужденно и в то же время элегантно, а высокий рост и безупречная атлетическая фигура привлекали всеобщее внимание. Белоснежный, туго накрахмаленный шейный платок контрастировал со смуглым загорелым лицом, а пышные волосы золотисто-бронзового оттенка сияли в свете канделябров и люстр.

Амелия проследила за взглядом сестры и многозначительно вскинула брови.

— До чего привлекательный джентльмен! — Она снова посмотрела на Беатрикс. — Он ведь тебе нравится, правда?

Не успев совладать с чувствами, та опустила глаза и ответила беззащитным, страдальческим

признанием:

— Дюжину раз, если не больше, мне следовало проникнуться особой симпатией к кому-то из кавалеров: тогда это было уместно, удобно и легко. Но нет, я не испытывала ничего, кроме равнодушия, и терпеливо ждала особого случая — появления человека, после встречи с которым сердце растоптано слонами и брошено в Амазонку, на растерзание пираньям.

Амелия сочувственно кивнула и взяла сестру за руку.

— Милая Беа, утешит ли тебя известие о том, что острое чувство влюбленности — явление вполне обычное?

Беатрикс благодарно сжала теплую родную ладонь. Мать умерла, когда ей едва исполнилось двенадцать лет; с тех пор старшая сестра оставалась самой близкой подругой и в то же время чуткой, терпеливой наперсницей.

— Значит, это и есть влюбленность? — уточнила она. — А кажется, что гораздо хуже: что-то вроде смертельной болезни.

— Не знаю, дорогая. Трудно провести четкую грань между любовью и влюбленностью. Время — справедливый судья и все расставит по местам. — Амелия помолчала. — Он явно к тебе равнодушен, мы все это заметили. Не желаешь поощрить внимание?

У Беатрикс сжалось горло.

— Не могу, — с трудом произнесла она.

— Но почему же?

— Трудно объяснить. Достаточно сказать, что я его обманула.

Амелия не смогла скрыть удивления.

— Совсем на тебя не похоже. По-моему, нет на свете человека честнее и искреннее тебя.

— Сама не думала, что так получится. И он не знает, что это была я, хотя, кажется, подозревает.

— О! — Пытаясь найти в туманном признании зерно истины, Амелия озадаченно нахмурилась. — Ситуация непростая. Может быть, стоит открыться, сказать правду? Ответная реакция может оказаться неожиданной. Помнишь, что говорила мама, когда мы окончательно выводили ее из себя?

— Конечно, — кивнула Беатрикс. В одном из писем к Кристоферу она написала эту фразу: «Любовь прощает все». А сейчас к глазам подступили слезы, в горле застрял комок. — Амелия, давай лучше не будем говорить на эту тему, а то я заплачу и рухну на пол.

— Ой, пожалуйста, не надо. Что, если кто-нибудь о тебя споткнется?

Разговор пришлось прервать, так как подошел один из джентльменов и пригласил Беатрикс на танец. Танцевать совсем не хотелось, однако отвергнуть приглашение на частном балу считалось верхом грубости: избавиться от повинности могла только очень уважительная причина — не меньше чем перелом ноги.

Честно говоря, ответить согласием мистеру Тео Чикерингу не составляло труда. С этим приятным, обходительным молодым человеком Беатрикс познакомилась во время прошлого лондонского сезона.

— Не окажете ли честь, мисс Хатауэй?

Беатрикс улыбнулась:

— С удовольствием, мистер Чикеринг. — Выпустив ладонь сестры, она оперлась на предложенную руку.

— Вы сегодня очаровательны, мисс Хатауэй.

— Спасибо на добром слове. — Беатрикс надела свое лучшее платье, сшитое из мерцающего фиолетового муара. В меру глубокий вырез обнажал безупречную атласную кожу. Шпильки с жемчужными головками удерживали собранные в высокую прическу туго завитые локоны и составляли единственное украшение. Почувствовав пристальный тяжелый взгляд, она быстро обернулась и сразу наткнулась на холодные серые глаза. Кристофер смотрел серьезно, без улыбки.

Чикеринг легко закружил партнершу в вальсе. Как только выдался удобный момент, Беатрикс снова посмотрела через плечо, однако Кристофер уже с кем-то беседовал.

И впредь он не удостоил ее ни единым взглядом.

Пришлось заставлять себя танцевать, изображать веселье и беззаботность, хотя трудно найти занятие скучнее, чем притворяться счастливой, когда на душе кошки скребут. Мисс Хатауэй тайком наблюдала за капитаном: героя плотным кольцом окружили молодые дамы, мечтающие добиться внимания красивого состоятельного жениха, и джентльмены, желающие послушать военные рассказы. Всем хотелось как можно ближе познакомиться с человеком, которого многие называли самым прославленным воином Англии. Кристофер держался с безупречным достоинством, выглядел собранным, разговаривал любезно и время от времени блистал неотразимой улыбкой.

— Вот с кем по-настоящему трудно соперничать, — сухо заметил Чикеринг, кивнув в сторону капитана. — Слава, огромное богатство и ни намек на лысину. Его даже презирать невозможно: парень в одиночку одержал победу в войне.

Беатрикс рассмеялась и одарила партнера шутливо-жалостливым взглядом.

— Вы производите не меньшее впечатление, мистер Чикеринг.

— Каким же образом, позвольте спросить? В армии не служил, не могу похвастаться ни известностью, ни состоянием.

— Зато у вас тоже все волосы на месте, — лукаво подсказала Беатрикс.

Чикеринг расплылся в улыбке.

— Подарите еще один танец — и сможете вволю любоваться моими густыми прядями.

— Благодарю, но этот танец уже второй. Продолжение вызовет скандал.

— Вы разбили мне сердце, — с шутливой торжественностью оповестил партнер, и она

рассмеялась.

— В зале множество восхитительных дам, и каждая с удовольствием займется реставрацией. Прошу, пораруйте. Предосудительно лишать страждущих столь блестящего танцора.

Чикеринг поклонился и с очевидной неохотой отошел, а вскоре мисс Хатауэй услышала за спиной знакомый голос:

— Беатрикс!

Захотелось съежиться и забиться в темный угол, а еще лучше заползти в какую-нибудь далекую щель, однако вместо этого молодая леди с достоинством расправила плечи и повернулась к бывшей подруге.

— Добрый вечер, Пруденс. Как дела?

Мисс Мерсер появилась на балу в роскошном платье цвета слоновой кости: пышная юбка из светлых кружев, собранных в воланы и закрепленных нежными розовыми цветами, напоминала пену.

— Очень хорошо, спасибо. Какое элегантное платье... сегодня ты выглядишь совсем взрослой.

Замечание прозвучало снисходительно — а ведь Пруденс была на целый год моложе. Беатрикс усмехнулась:

— К твоему сведению, мне уже двадцать три. Надеюсь, что выгляжу взрослой далеко не первый день.

— Да, конечно.

Последовала неловкая, слишком долгая пауза.

— Ты чего-то хочешь? — без обиняков спросила Беатрикс.

Пруденс кивнула и подошла ближе.

— Да. Хочу тебя поблагодарить.

— За что?

— Ты оказалась надежной подругой. Ничего не стоило выдать секрет и испортить наши с Кристофером отношения, однако ты этого не сделала. Сдержала обещание, а ведь я не верила. Думала, что проговоришься — нечаянно или нарочно.

— Почему так?

— Наверное, предполагала, что непременно попытаешься привлечь внимание к собственной персоне, как бы нелепо это ни звучало.

— Нелепо?

— Наверное, слово не самое подходящее. Я имела в виду «неуместно». Джентльмен в положении Кристофера нуждается в утонченной, изысканной спутнице жизни, способной укрепить положение в обществе. С его славой и влиянием прямой путь в политику. Представь

только: при чем же здесь жена, склонная проводить время в лесу... и в конюшне?

Дипломатичное напоминание стрелой пронзило сердце.

«Ее место скорее в конюшне, чем в гостиной», — заметил как-то один знакомый джентльмен.

Беатрикс старательно изобразила беззаботную улыбку; оставалось лишь надеяться, что взамен не получилось болезненной гримасы.

— Да, помню.

— И снова должна поблагодарить. Никогда не чувствовала себя счастливее, — восторженно продолжила Пруденс. — С каждым днем испытываю все более теплое чувство. Скоро у нас помолвка. — С откровенной гордостью она посмотрела на капитана Фелана, который стоял у входа в окружении собеседников. — Взгляни только, как он красив! — В голосе сквозило восхищение. — Честно говоря, мне больше нравится мундир с блестящими медалями, но сочетание черного и белого подчеркивает врожденный аристократизм, правда?

Беатрикс с трудом отвела глаза и снова посмотрела на Пруденс, придумывая доступный способ как можно быстрее избавиться от досадных откровений.

— О, а вот и Мариетта Ньюбери! Ты уже успела рассказать ей о близкой помолвке? Не сомневаюсь: новость чрезвычайно порадует.

— Да, действительно! Может быть, пойдешь со мной?

— Благодарю, но что-то очень хочется пить. Пожалуй, лучше отдам дань уважения буфету.

— Что ж, скоро увидимся, — пообещала Пруденс.

— Буду рада встрече.

Окутанная воздушными кружевами, мисс Мерсер улетучилась подобно сказочному видению.

Беатрикс раздраженно выдохнула, отчего со лба улетел непослушный локон, и вновь украдкой взглянула на Кристофера: разговор все еще продолжался. Несмотря на внешнее спокойствие и безмятежную уверенность, на красивом лице блестели капли пота. Вот капитан на миг отвернулся от собеседников и дрожащей рукой провел по лбу.

Может быть, он плохо себя чувствует, заболел?

Беатрикс присмотрелась внимательнее.

Оркестр исполнял бравурную композицию, и всем приходилось говорить громче, чтобы перекрыть музыку. Столько шума, света, цвета... столько людей в замкнутом пространстве. Из буфета доносились иные звуки: звон бокалов, стук и скрежет серебра по фарфору. Внезапно хлопнула пробка от шампанского; Кристофер вздрогнул и поморщился.

И в этот момент стало ясно, в чем дело.

Он устал, истощился. Нервы напряглись до предела. Самодисциплина отняла все силы.

Без лишних размышлений Беатрикс целеустремленно направилась в противоположный конец зала.

— Вот вы где, капитан Фелан! — воскликнула она, едва приблизившись.

Джентльмены удивленно замолчали: столь бесцеремонное вмешательство нарушало правила этикета.

— От меня не спрячетесь, — беззаботно продолжала Беатрикс. — Вспомните: обещали вместе прогуляться по картинной галерее лорда Уестклифа.

Лицо Кристофера оставалось неподвижным. Глаза расширились, а серая радужная оболочка почти исчезла, поглощенная огромными зрачками.

— Да, обещал, — сухо подтвердил он.

Остальные джентльмены немедленно уступили. Собственно, перед лицом невероятной смелости молодой леди устоять было невозможно.

— Что ж, Фелан, иди. Обещания необходимо исполнять, — заметил один из них.

Другой поддержал:

— А особенно обещания, данные столь очаровательному созданию, как мисс Хатауэй.

Кристофер коротко кивнул.

— С вашего позволения, — обратился он к товарищам и подал даме руку.

Едва праздничная толпа скрылась из виду, самообладание покинуло страдальца: дыхание сбилось, стало тяжелым и неровным, пот потек ручьями, а мышцы руки под пальцами Беатрикс превратились в камень.

— Ваша репутация от этого не выиграла, — пробормотал он, имея в виду неосторожный поступок.

— К черту репутацию!

Беатрикс хорошо знала географию поместья, а потому уверенно вывела спутника к небольшой ротонде, расположенной недалеко от дома. Стройные колонны поддерживали круглую крышу, а темноту прорезал свет горящих в саду факелов.

Прислонившись спиной к колонне, Кристофер жадно вдохнул прохладный вечерний воздух. Сейчас он напоминал человека, с трудом вынырнувшего на поверхность после долгого подводного плавания.

Беатрикс стояла неподалеку и озабоченно наблюдала.

— Слишком много шума?

— Слишком много всего, — пробормотал он в ответ. Помолчал еще немного и приоткрыл глаза. — Спасибо.

— Не за что.

— Кто этот человек?

— Какой именно?

— С которым вы танцевали.

— Мистер Чикеринг? — На сердце сразу посветлело: оказывается, кое-что он все-таки заметил. — О, чудесный джентльмен. Мы познакомились в Лондоне. — Она помолчала. — А вы обратили внимание на то, что я разговаривала с Пруденс?

— Нет.

— Мисс Мерсер подошла и сообщила о предстоящей свадьбе. Кажется, она твердо уверена в том, что выходит за вас замуж.

Выражение усталого лица не изменилось.

— Возможно, так и будет. Она этого заслуживает.

Беатрикс не знала, как расценивать подобное заявление.

— Она вам нравится?

Кристофер взглянул насмешливо.

— А разве может быть иначе?

Беатрикс нахмурилась.

— Если намерены язвить, то я лучше вернусь в дом.

— Что ж, идите. — Он снова закрыл глаза.

Очень хотелось уйти. Однако стоило посмотреть в неподвижное, блестящее от пота лицо, как в душе поднялась волна жалости и безотчетной нежности.

Кристофер выглядел большим, сильным, неуязвимым; чувства выдавала лишь глубокая складка между бровей. Однако Беатрикс знала, что силы на исходе. Никто из мужчин не любит терять самообладание, а особенно тот, чья жизнь еще недавно зависела от способности держать ситуацию под контролем.

О, если бы можно было сказать, что тайный дом совсем близко! «Пойдем со мной, — позвала бы она, — отведу тебя в спокойный, уютный уголок...»

Но вместо этого достала из спрятанного в глубоких складках кармана белоснежный кружевной платок и, встав на цыпочки, принялась бережно промокать лицо.

И он не сопротивлялся.

Когда она закончила, мрачно посмотрел сверху вниз и упрямо признался:

— Порой находят минуты... безумия. Среди разговора или какого-нибудь простого, обычного занятия внезапно появляется видение. А потом мир погружается во тьму и наступает провал в сознании.

— Какое видение? — уточнила Беатрикс. — Что-нибудь из военного опыта?

Вместо ответа Кристофер едва заметно кивнул.

— Это не безумие.

— Тогда что же?

— Трудно сказать наверняка.

Он невесело усмехнулся:

— Разве вы способны понять, о чем речь?

— Куда уж мне! — Беатрикс посмотрела сосредоточенно, пытаясь решить, можно ли доверить этому человеку страшную тайну. Инстинкт самосохранения боролся с желанием помочь, разделить чувство ущербности. «Стань моей подругой, смелость!» — вспомнила она любимую строчку Шекспира, издавна служившую девизом семейства Хатауэй.

Решено. Пусть Кристофер узнает постыдный секрет, о котором доньне было известно лишь родным. Если от этого ему станет легче, значит, риск оправдан.

— Я ворую разные вещи! — неожиданно выпалила Беатрикс.

Заявление вызвало интерес.

— Прошу прощения?

— Беру без спроса всякие мелочи. Табакерки, воск для печатей и тому подобную ерунду. Всякий раз ненамеренно, против собственной воли.

— Как же можно украсть что-то против собственной воли?

— О, это происходит просто ужасно, — серьезно призналась Беатрикс. — Например, вижу в магазине или у кого-то дома какой-нибудь небольшой предмет... не важно, что именно: может быть, драгоценность, а может быть, просто кусочек бечевки... и внезапно возникает страшное ощущение, похожее на неутолимое беспокойство... случался ли у вас когда-нибудь зуд столь сильный, что кажется, если не почесешь, умрешь на месте? И при этом почесать нельзя.

Губы Кристофера дрогнули.

— Обычно зуд возникает в сапоге, когда стоишь в окопе, под обстрелом, и к тому же по колено в воде. Зуд гарантирован.

— О Господи! Так вот, я изо всех сил стараюсь сдержаться, однако напряжение постепенно нарастает, а в итоге рука сама тянется к вещице, сжимает и незаметно опускает в карман. А потом, дома, не знаю, куда деваться от смущения и стыда, и пытаюсь придумать, каким образом вернуть то, что украла. Хорошо еще, что родственники понимают беду и помогают. Однако положить вещь на прежнее место, не привлекая внимания, нередко оказывается намного сложнее, чем взять. — Она поморщилась. — Вот почему пришлось уйти из школы, так и не окончив полного курса. В тумбочке собралась целая коллекция ленточек, обгрызенных карандашей, книг... я честно пыталась вернуть чужое, но не могла вспомнить, что куда класть.

Беатрикс с опаской взглянула на собеседника, ожидая встретить осуждение.

Однако губы заметно смягчились, а лед в серых глазах растаял.

— Когда это началось?

— После смерти родителей. Отец однажды лег спать с болью в груди, а утром не проснулся. С мамой было еще хуже: овдовев, она перестала разговаривать и есть, никем и ничем не интересовалась, а через несколько месяцев умерла от горя и истощения. Я тогда была совсем маленькой и, наверное, очень эгоистичной. Чувствовала себя заброшенной, никому не нужной. Напрасно старалась понять, почему она не любила меня настолько, чтобы остаться.

— Эгоизм здесь ни при чем, — спокойно, уверенно возразил Кристофер. — Любой ребенок испытал бы похожие чувства.

— Брат и сестры искренне меня любили и старательно опекали, однако проблема проявилась вскоре после маминой смерти. Сейчас дела обстоят далеко не так плохо, как в детстве: когда чувствую себя в покое и безопасности, то совсем не ворую. Неприятности случаются только в трудные периоды, когда волнуюсь и нервничаю.

Беатрикс немного помолчала, а потом сочувственно покачала головой и добавила:

— Думаю, ваша проблема со временем тоже отступит, как и моя. Будет напоминать о себе лишь изредка, мельком. Самый тяжелый период скоро пройдет.

Во внимательных серых глазах отражался свет факелов. Кристофер обнял и с неожиданной, а потому еще более поразительной нежностью прижал ее к груди. Провел ладонью по волосам и, к немалому удивлению, заставил склонить голову на плечо. Кольцо рук подарило уют, спокойствие, душевный мир. Она приникла всем телом, наслаждаясь близостью и с восторгом прислушиваясь, как при каждом дыхании мерно поднимается и опускается грудь. Он осторожно гладил завитки на шее, и прикосновение пальцев действовало магически.

— У меня хранится ваша серебряная запонка, — тихо призналась Беатрикс, не отрывая щеки от плотной гладкой ткани сюртука. — И еще кисточка для бритвы. Сначала украла кисточку, а когда пошла, чтобы положить ее на место, украла запонку. Возвращать побоялась, так как точно знала, что в конце концов украду что-нибудь еще.

Кристофер заинтересованно хмыкнул.

— Скажите на милость, зачем вам понадобилась кисточка для бритвы?

— Я же сказала, что не могу сдержаться...

— Нет, что именно вас тревожило в тот момент?

— О, какая разница? Не важно.

— Для меня очень важно.

Беатрикс слегка отстранилась и подняла голову. «Вы. В тот момент меня тревожила ваша судьба». Вслух, однако, прозвучали совсем другие слова:

— Не помню. Пора возвращаться в зал.

Кольцо рук разомкнулось.

— Мне казалось, репутация вас не волнует.

— Репутация способна выдержать незначительный ущерб, — рассудительно заметила мисс Хатауэй, — но разбивать ее вдребезги все же не стоит.

— Раз так, идите.

Она с сожалением покинула надежное пристанище и отошла на несколько шагов.

— Беатрикс...

Беатрикс остановилась и настороженно взглянула.

— Да?

Кристофер смотрел в глаза.

— Верните кисточку для бритья.

Губы сами собой растянулись в улыбке.

— Хорошо, скоро верну, — пообещала она и удалилась, оставив любимого в одиночестве.

Глава 16

— Тетя, смотри, кто к нам пришел! — Рай радостно бежал к загону, а следом бодро семенил Альберт.

Беатрикс работала с недавно купленным конем: прежние хозяева сначала испортили его неправильной объездкой, а потом из-за невозможности справиться с ним продали. Жеребец обладал скверной привычкой вставать на дыбы и однажды едва не убил всадника, который старался научить упрямца уму-разуму. При виде мальчика и собаки конь нервно вздрогнул, однако Беатрикс ласково похлопала его по шее и пустила по кругу медленным шагом.

Рай залез на забор и удобно устроился на верхней перекладине, а пес сел рядом, положил морду на самую нижнюю планку и принялся с интересом наблюдать за происходящим.

— Альберт пришел один? — озадаченно спросила Беатрикс.

— Да. И без поводка. Скорее всего убежал из дома.

Прежде чем Беатрикс успела что-нибудь ответить, конь остановился и снова сердито встал на дыбы. Всадница ослабила повод, наклонилась, правой рукой обняла подопечного за шею, а как только тот опустилсЯ, снова послала вперед, заставив свернуть сначала вправо, потом влево, и только после этого позволила идти вперед.

— А зачем ты делаешь такие петли? — удивился Рай.

— Этому приему меня научил твой папа: чтобы конь понял, что должен работать вместе с наездником. — Не останавливаясь, она провела ладонью по блестящей гриве. — В тот момент, когда животное встает на дыбы, ни в коем случае нельзя натягивать повод: так можно опрокинуться навзничь. Я действую иначе: едва передние ноги начинают отрываться от земли, сразу приказываю двигаться быстрее. На ходу ничего плохого не случится.

— А как ты узнаешь, что он уже исправился?

— Определенный момент уловить трудно, — пояснила Беатрикс. — Надо просто терпеливо работать, и постепенно все наладится.

Беатрикс спешила и подвела коня к ограде. Рай с интересом рассматривал великана.

— Альберт. — Беатрикс присела на корточки и заглянула в круглые карие глаза. — Скажи на милость, что ты здесь делаешь? Убежал от хозяина?

Пес ничего не ответил, а лишь дружелюбно завилял хвостом.

— Я дам ему воды, — сказал Рай. — Пусть побудет у нас хотя бы до вечера.

— Нельзя, милый. Капитан Фелан начнет беспокоиться. Надо немедленно отвести беглеца домой.

Мальчик грустно вздохнул.

— Очень хочется пойти с тобой, но надо закончить уроки. Так мечтаю знать все на свете! Тогда не надо будет читать скучные книжки и решать бесконечные задачки.

Беатрикс улыбнулась:

— Не хочется тебя огорчать, но знать все на свете невозможно.

— А мама знает. — Рай на миг задумался. — Во всяком случае, папа говорит, что надо делать вид, что так и есть, чтобы ее порадовать.

— Твой папа — самый мудрый человек на свете, — рассмеялась Беатрикс.

Проехав верхом почти полдороги до Фелан-Хауса, она вспомнила, что не переоделась, а отправилась в рабочей одежде, в бриджах и сапогах. Странный костюм, конечно, вызовет у мистера Фелана очередной приступ раздражения.

После бала в Стоуни-Кросс прошла уже целая неделя, однако за все это время Кристофер ни разу о себе не напомнил. Беатрикс, разумеется, не ожидала визита, хотя поддержание добрососедских отношений оказалось бы весьма кстати. В надежде на случайную встречу она каждый день отправлялась на прогулку, однако всякий раз напрасно.

В том, что Кристофер несколько не интересуется ее персоной, сомнений не оставалось. Следовательно, признание в склонности к воровству оказалось грубым просчетом: самонадеянно сравнивать свою глупую слабость с его проблемами.

— Знаешь, недавно я поняла, что больше его не люблю, — поделилась она с Альбертом на подступах к дому. — И сразу стало так легко, так спокойно! Больше не дрожу от мысли о встрече. Наверное, равнодушие доказывает, что чувство было просто мимолетной влюбленностью. Да, растворилось как дым. Теперь мне абсолютно безразлично, чем он занимается и на ком женится. Свобода! — Она посмотрела на молчаливого слушателя, поняла, что доводы малоубедительны, и тяжело вздохнула.

Подъехав к парадной двери, мисс Хатауэй спешила и отдала повод подбежавшему груму, на лице которого было написано крайнее изумление.

— Будьте добры, держите коня наготове. Я на минуту. Пойдем, Альберт.

Дверь открыла миссис Клокер. Костюм барышни едва не сразил почтенную экономку наповал.

— Право, мисс Хатауэй... — Матрона замялась, не находя слов. — Вы одеты...

— Да-да, прошу простить. Знаю, что выгляжу непрезентабельно, но очень спешила. Альберт явился в Рамзи-Хаус, и я привела беглеца обратно.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарила миссис Клокер. — Честно говоря, даже не заметила его отсутствия. Сейчас, когда хозяин не в себе...

— Не в себе? — Беатрикс мгновенно встревожилась. — Что это значит?

— Не имею права говорить.

— Еще как имеете! Мне можно доверять: сплетничаю исключительно с животными. Капитан Фелан заболел? Что-то случилось?

Экономка перешла на шепот:

— Три ночи назад мы учуяли дым. Оказалось, что хозяин напился в стельку и бросил в камин военный мундир вместе с медалями! Медали, к счастью, удалось спасти, а вот красивый костюм пропал. После этого господин заперся в своей комнате и принялся опустошать бутылку за бутылкой не переставая. Мы разбавляем бренди, насколько возможно, но... — Она беспомощно пожала плечами. — Он ни с кем не разговаривает, не прикасается к еде. Вызвали доктора, однако он отказался от осмотра. Вчера пригласили пастора, так бедняге пришлось уносить ноги, пока цел. Остается одно — послать за миссис Фелан.

— За матушкой?

— Упаси Боже! Нет, конечно. За младшей миссис Фелан. Мать здесь ничем не поможет.

— Да, вызвать Одри — разумное решение. Она спокойна и рассудительна, а к тому же хорошо знает мистера Фелана.

— Проблема в том, что раньше чем через два дня она не приедет... а я боюсь...

— Чего?

— Утром хозяин потребовал бритву и горячую ванну. Мы очень испугались, но отказать не решились. Как бы он себе не навредил!

Два вывода напрашивались сами собой: во-первых, на подобную откровенность экономка могла отважиться только в крайнем отчаянии, а во-вторых, Кристофер чувствовал себя очень и очень плохо.

Сердце заныло, словно пытаясь принять на себя часть чужой боли. Все рассуждения насчет вновь обретенной свободы и избавления от влюбленности оказались пустыми, абсурдными. На самом деле любовь едва не сводила с ума. Требовалось немедленно придумать какие-то умные, необходимые слова, способные принести успокоение. А главное, хотелось оказаться рядом, и для достижения важной цели годились любые средства.

— Миссис Клокер, — осторожно заговорила Беатрикс, — а что, если... возможно ли, чтобы вы

не заметили, как я поднимусь наверх?

От неожиданности экономка растерялась.

— Право, я... видите ли, мисс Хатауэй, боюсь, это небезопасно и неблагоразумно.

— В моей семье всегда считалось, что перед лицом огромных, на первый взгляд неразрешимых проблем лучшие варианты приходят вовсе не в благоразумные головы.

Экономка хотела возразить и даже открыла рот, однако передумала: помолчала пару мгновений, после чего выступила с деловым предложением:

— Если что, кричите. Мы сразу придем на помощь.

— Благодарю. Уверена, что справлюсь.

Беатрикс вошла в дом и направилась к лестнице. Альберт не отставал, и пришлось напомнить о правилах поведения.

— Нет, милый, нельзя. Оставайся здесь, внизу.

— Пойдем, Альберт, — позвала миссис Клокер. — У кухарки наверняка найдется что-нибудь вкусное.

Пес с готовностью изменил направление и с довольным видом потрусил на кухню.

Беатрикс медленно поднималась по лестнице, с грустью размышляя о том, сколько раз приходилось помогать раненым животным. Но как же проникнуть в тайну человеческой души?

Подошла к двери и негромко, но настойчиво постучала. Ответа не последовало, и она решилась войти.

Комната удивила ярким светом: августовское солнце не стесняясь врывалось сквозь незанавешенные окна; в золотых лучах плавали крошечные пылинки. Воздух пропитался запахом алкоголя, дыма и мыла. В углу стояла переносная ванна, и от нее к кровати прямо по ковру тянулись мокрые следы.

Кристофер полулежал в разобранной постели, опираясь спиной на беспорядочную гору подушек и крепко сжимая в руке бутылку бренди. Нежданную гостью он встретил равнодушным, пустым взглядом, однако уже в следующую секунду на лице отразилась работа мысли.

Костюм джентльмена ограничивался желто-коричневыми брюками, застегнутыми лишь частично. Стройная мускулистая фигура напоминала золотистую дугу. На загорелой коже резко выделялись светлые красноватые шрамы... треугольный след от удара штыком на плече, несколько отметин от шрапнели на руке и груди, небольшое круглое углубление в боку — должно быть, пулевое ранение.

Кристофер медленно приподнялся, поставил бутылку на стол. Спустил на пол босые ноги и сел, продолжая смотреть, словно в стену. Волосы еще не высохли после ванны и отливали бронзой. Широкие плечи перетекали в сильные, с рельефной мускулатурой руки.

— Зачем вы здесь? — Голос звучал хрипло, сказалось долгое молчание.

Беатрикс с трудом отвела зачарованный взгляд от блестящей поросли на груди.

— Привела Альберта, — ответила она. — С полчаса назад прибежал в Рамзи-Хаус и пожаловался, что хозяин совсем его забросил и давным-давно не водит на прогулки.

— Неужели? Понятия не имел о таком похвальном красноречии.

— Может быть, вам стоит надеть... что-нибудь еще и пройтись вместе со мной по парку? Для прояснения мыслей.

— Бренди отлично проясняет мысли. Вернее, прояснял бы, если бы слуги не разбавляли так бессовестно.

— Пойдемте на воздух, — настойчиво повторила Беатрикс. — А не то придется снова призвать на помощь тот самый голос, которым я дрессирую собак.

Во взгляде мелькнула злость.

— Спасибо, не надо. Меня уже дрессировали — в армии ее величества.

Несмотря на яркий солнечный свет, в комнате явственно ощущались затаившиеся по углам ночные кошмары.

Прочь отсюда, на воздух, на свободу, подальше от тесного замкнутого пространства!

— В чем дело? — просто спросила она. — Из-за чего случился этот срыв?

Кристофер раздраженно взмахнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

Беатрикс осторожно шагнула к кровати.

— Нет! — тут же остановил он. — Не делайте этого. Не приближайтесь, ничего не говорите и вообще немедленно уходите.

— Почему?

Он нетерпеливо покачал головой.

— Вспомните какие-нибудь слова, которые заставят выйти вон, и считайте, что я их сказал.

— А если не уйду?

На угрюмом лице дьявольски блеснули глаза.

— Тогда затащу вас на эту кровать и возьму силой.

Беатрикс ни на миг не поверила в искренность угрозы, однако отчаянные слова подчеркивали крайнюю степень душевной боли. Окинув капитана скептическим взглядом, она пожала плечами:

— Вы слишком пьяны, чтобы меня поймать.

Легко и неслышно, словно леопард, Кристофер прыгнул навстречу и уперся ладонями в дверь по обе стороны от ее головы.

— Но не настолько, чтобы падать с ног.

Мгновенное движение испугало.

Инстинктивно пытаясь защитить лицо, Беатрикс подняла руки. Пришлось напомнить себе о необходимости дышать, а когда дыхание восстановилось, оказалось, что легкие не подчиняются и работают с трудом, словно после долгого быстрого бега. Непроницаемая, горячая стена мужественной силы возвышалась, отгородив ее от мира.

— Страшно? — прозвучал хриплый голос.

Не отводя огромных немигающих глаз, она покачала головой.

— А зря.

Рука властно легла на талию, а потом начала подниматься в медленной бесстыдной ласке. Едва обнаружилось отсутствие корсета, как дыхание участилось. Ладонь своенравно исследовала беззащитную, прикрытую лишь тонкой тканью фигуру.

Кристофер прищурился и посмотрел сквозь ресницы. Лицо потемнело, а рука легла на грудь, повторяя мягкую округлость. Беатрикс уже едва стояла на ногах. Вот пальцы нашли плотную вершинку и бережно сжали.

— Последний шанс, — донесся сквозь туман глубокий гортанный голос. — Или уходите, или ложитесь в мою постель.

— А третьего не дано? — едва слышно пробормотала Беатрикс, тая от прикосновения.

Вместо ответа Кристофер с удивительной легкостью подхватил ее на руки, отнес к кровати и опустил. Не позволив пошевелиться, он навис над ней всей своей золотистой мощью.

— Подождите, — остановила Беатрикс. — Прежде чем совершить насилие, подарите хотя бы пять минут нормального разумного разговора. Только пять минут, не больше.

В серых глазах не мелькнуло даже намека на сочувствие.

— За разумным разговором надо было идти к другому мужчине. Например, к вашему мистеру Читерингу.

— Его фамилия Чикеринг, — поправила Беатрикс. — К тому же он вовсе не мой и... — Она вновь ощутила на груди ладонь и нетерпеливо смахнула ее. — Перестаньте! Хочу всего лишь... — Кристофер упрямо потянулся к пуговицам на рубашке, и она обиженно воскликнула: — Что ж, отлично! Делайте что хотите! Может быть, потом удастся связно поговорить. — Она ловко перевернулась под его весом и улеглась на живот.

Кристофер замер и после долгого молчания спросил совсем другим, почти нормальным голосом:

— Что вы делаете?

— Пытаюсь облегчить вам задачу, — последовал сердитый ответ. — Насилуйте на здоровье!

Опять наступила тишина, а потом последовал новый вопрос:

— А зачем легли лицом вниз?

— Потому что так надо. — Беатрикс посмотрела через плечо и с сомнением добавила: — Или нет?

На лице Кристофера отразилось смущение.

— Вам никто никогда не объяснял?

— Нет, но я читала об этом в книгах.

Он выпустил жертву на свободу, лег рядом и настороженно уточнил:

— В каких книгах?

— В учебниках по ветеринарии. Ну и, конечно, весной наблюдала за белками, домашними животными и...

Кристофер громко откашлялся, потом еще и еще раз. Беатрикс искоса взглянула и поняла, что недавний угрюмый страдалец всеми силами пытается удержаться от смеха.

Что за безобразие! Первая встреча с мужчиной в постели — и вот пожалуйста! Хохочет!

— Не вижу ничего смешного, — деловито заявила она. — Я читала о процессе воспроизведения двух дюжин биологических видов, если не больше, и, за исключением улиток, у которых гениталии находятся на шее, все они... — Она замолчала и нахмурилась. — В чем дело?

Сраженный приступом хохота, Кристофер с трудом поднял голову, увидел искреннее недоумение, возмущение и мужественно подавил новую вспышку.

— Не обижайтесь, смеюсь вовсе не над вами.

— Надо мной!

— Нет-нет. Все дело в... — он вытер блеснувшую в уголке глаза слезу, — в белках...

— Что ж, возможно, подобный способ спаривания и может показаться забавным, но белки относятся к продолжению рода очень серьезно.

Замечание вызвало новую волну бурного веселья. Демонстрируя открытое пренебрежение к репродуктивным правам мелких грызунов, Кристофер уткнулся лицом в подушку, то и дело вздрагивая от приступов хохота.

— И что же такого забавного в прелюбодеянии белок? — недоуменно осведомилась Беатрикс.

Кристофер уже едва не задыхался.

— Ни слова больше, — с трудом пробормотал он. — Умоляю!..

— Судя по всему, у людей не так? — с достоинством уточнила Беатрикс, пытаясь скрыть неловкость. — Они занимаются этим иначе, чем животные?

Овладев собой, Кристофер поднял голову и посмотрел блестящими, смеющимися глазами.

— Да. Нет. То есть бывает и так, но...

— Но вам так не нравится?

Подыскивая точный ответ, Кристофер задумчиво поправил ее растрепавшиеся волосы.

— Нравится. Даже очень нравится. Но тебе в первый раз лучше по-другому.

— Почему же?

Он посмотрел неожиданно серьезно, многозначительно улыбнулся и очень тихо спросил:

— Показать — как?

Беатрикс застыла.

Приняв молчание и неподвижность за знак согласия, соблазнитель медленно придвинулся и бережно, словно боясь испугать, накрыл своим телом. Бедра оказались на ее бедрах, а вожделение проявилось настолько недвусмысленно, что сомнений не осталось даже у столь неискушенной особы, как мисс Хатауэй. Приподнявшись на локтях, Кристофер заглянул в зардевшееся лицо, прильнул еще откровеннее и без тени смущения пояснил:

— Вот так леди обычно получает больше удовольствия.

Новые ощущения поразили неожиданной остротой. Мысли спутались, чувства сосредоточились на любимом, бедра сами собой приподнялись, устремляясь навстречу, а глаза неотрывно, словно под гипнозом, рассматривали покрытую золотистой порослью широкую грудь.

Кристофер склонился еще ниже и замер.

— Лицом к лицу... чтобы я мог непрестанно тебя целовать. А ты примешь поцелуй мягко, сладко... вот так... — Губы прикоснулись к губам и настойчиво их раздвинули, требуя покорности и рождая новые восхитительные, горячие ощущения. Беатрикс вздрогнула и обвила руками крепкую загорелую шею. В этот волшебный миг она забыла обо всем на свете и растворилась в блаженной истоме.

Бормоча бессвязные, но полные нежности слова, Кристофер покрыл поцелуями ее шею, добрался до воротника рубашки и расстегнул несколько пуговиц: внизу оказалась лишь тонкая короткая сорочка — из тех, которые обычно надевали поверх корсета. Кристофер легко обнажил безупречную фарфоровую грудь, склонил голову и принялся ласкать, дразнить языком и губами. Осторожные прикосновения зубов тревожили чувствительную кожу. А главное, ни на миг не прекращалось неумолимое, ритмичное движение бедер... любимый подчинил, безраздельно завладел всем ее существом и теперь настойчиво возводил на вершину желания.

Сжав ладонями голову, он целовал глубоко и жадно, как будто старался выпить душу. Беатрикс отвечала искренне, прижималась всем телом, обнимала, удерживала и руками, и ногами. Однако внезапно ласки прекратились, и с невнятным хриплым восклицанием Кристофер отстранился.

— Нет, — простонала она. — Пожалуйста...

Пальцы прикоснулись к губам и заставили замолчать.

— Черт возьми, как же я тебя хочу! — Судя по тону, открытие особой радости не принесло.

— Даже несмотря на раздражение?

— Ты меня не раздражаешь. — Он старательно застегнул ее рубашку. — Так казалось поначалу, но теперь понимаю, что ощущение сродни тому, которое возникает, когда затекает нога. Начинаешь двигаться, кровь оживает, и чувствительность постепенно возвращается. Немного неудобно и даже больно, но в то же время хорошо. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Да. Из-за меня у тебя зудят ноги.

Он улыбнулся:

— Помимо прочего.

Они лежали рядом и смотрели друг на друга. Какое прекрасное, редкое лицо, думала Беатрикс, четко очерченное, безупречно правильное. От холодного совершенства спасали лишь смешливые морщинки в уголках глаз и чувственные губы. Загорелая обветренная кожа свидетельствовала о... богатом жизненном опыте. Такое лицо наверняка заставляло женские сердца биться быстрее.

Беатрикс застенчиво тронула пальцем шрам от штыка на плече. Неровное красноватое углубление резко выделялось на гладкой, похожей на атлас коже.

— До чего же, наверное, было больно, — прошептала она. — А сейчас раны напоминают о себе?

Кристофер молча покачал головой — точнее, попытался, потому что лежа эта сделать нелегко.

— Тогда... что же тебя так мучает?

Он задумался, а ладонь тем временем проникла под выбившийся край рубашки и по-хозяйски легла на талию.

— Не могу вернуться к себе прежнему, — наконец заговорил он. — И в то же время не могу оставаться таким, каким был во время войны. А если я не тот и не другой, то непонятно, что наполняет существование, помимо бесконечных убийств. — Взгляд устремился вдаль, в кошмарный туман. — Сколько я душ загубил, сосчитать невозможно: сначала стрелял в офицеров, чтобы посеять панику, потом целился в солдат, механически, во всех по очереди. Они падали, как игрушечные, один за другим.

— Но ты выполнял приказ и уничтожал врагов.

— Разве это имеет какое-то значение? Прежде всего они люди. Каждого кто-то любил. Я так и не смог заставить себя забыть об этом. Тебе не понять, каково это — убить человека. Ты не слышала стонов раненых, умоляющих о глотке воды или о высшей милости — смерти.

Он отстранился и сел, опустив голову.

— Все чаще случаются припадки ярости, — признался он с откровенной безысходностью. — Вчера я напал на одного из собственных лакеев. Об этом тебе не рассказали? Подумать только, я же ничуть не лучше Альберта. Больше никогда не смогу остаться в постели со спящей женщиной: запросто убью и даже не пойму, что натворил.

Беатрикс тоже села.

— Нет, этого ты никогда не сделаешь.

— Ты невинна, а потому не в состоянии осознать глубину пропасти. — Кристофер замолчал и судорожно вздохнул. — От невыносимого груза невозможно освободиться, но и жить с камнем на сердце тоже невозможно.

— Может быть, поделишься? — тихо спросила Беатрикс, поняв, что какое-то тяжкое воспоминание мучает его особенно остро.

Кристофер не услышал вопроса: он был где-то в другом месте и видел мрачные тени. Стоило ей приблизиться, он тут же поднял руку, как будто пытался защититься. Беспомощный жест пронзил сердце.

Хотелось обнять, увлечь подальше от края пропасти. Но Беатрикс сидела неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку: туда, где волнистые волосы касались коричневой от загара шеи. Мускулы на спине заметно напряглись. Если бы можно было провести ладонью и разгладить бугры! Если бы можно было успокоить! Но нет, каждый должен найти собственный путь к избавлению.

— В бою у крепости Инкерман погиб мой лучший друг, — наконец с трудом заговорил Кристофер. — Один из лейтенантов. Звали его Марк Беннет. Лучший воин во всем полку, безупречно честный. Если его просили что-то сделать, можно было не сомневаться: сделает, каким бы трудным и опасным ни оказалось поручение. Он готов был рисковать жизнью ради любого из нас и в то же время постоянно шутил, не упускал возможности рассмешить товарищей.

Русские устроили огневые точки в пещерах и каменных хижинах на склоне холма. Палили напрямик по нашим осадным батареям. Генерал принял решение захватить позицию и из состава Стрелковой бригады назначил три передовых боевых группы.

Отряд гусар получил приказ налететь на врагов, если те попытаются обойти нас с фланга. Во главе эскадрона стоял человек, которого я терпеть не мог: подполковник Фенвик. Все его ненавидели. Прежде подполковник командовал тем самым кавалерийским полком, в котором я служил в начале воинской службы.

Кристофер замолчал и погрузился в воспоминания. Густые полуопущенные ресницы темнели бархатистой каймой.

— Чем же он заслужил ненависть? — подсказала Беатрикс, устав ждать.

— Фенвик отличался бессмысленной жестокостью, обожал наказывать ради самого наказания. За малейшее нарушение подвергал порке и сажал на гауптвахту. Я не мог терпеть произвол и всякий раз, стоило ему изобрести очередной повод для дисциплинарного взыскания, считал своим долгом вмешаться. В конце концов он обвинил меня в нарушении субординации и едва не отдал под суд. — Кристофер нервно, тяжело вздохнул. — Из-за Фенвика я и согласился перейти в Стрелковую бригаду. А у Инкермана внезапно обнаружил, что попал в зависимость от поддержки его кавалерии.

Прежде чем залечь в окопы, мы остановились в овраге, где можно было укрыться от беспорядочных вражеских выстрелов. Близилась ночь. Бригада разбилась на три группы. Мы открыли огонь, русские немедленно ответили, и таким способом нам удалось определить их

позиции, которые предстояло захватить. Не переставая стрелять, пошли и наступление, а вскоре завязалась рукопашная схватка. Мы с Беннетом оказались далеко друг от друга. К русским подоспело подкрепление, и они сумели нас оттеснить. Ну а потом начался настоящий град — только не ледяной, а из шрапнели и картечи. С каждой минутой вражеский напор становился все яростнее; вокруг один за другим падали сраженные товарищи. Странно, почему судьба решила сохранить в этом жутком котле именно меня? Я не видал Беннета. Вскоре наступила крошечная тьма, и нам пришлось отступить.

Альберта я оставил в овраге, в безопасном месте, однако стоило лишь позвать, как вопреки природному инстинкту самосохранения бесстрашный пес сразу примчался сквозь выстрелы, и мы вдвоем отправились разыскивать раненых. Вскоре он привел меня к подножию холма, где лежали два офицера. Одним из них оказался Беннет.

Беатрикс закрыла глаза: продолжение представлялось чересчур жестоким.

— А вторым — подполковник Фенвик, — добавила она.

Кристофер мрачно кивнул.

— Он выпал из седла, а лошадь, должно быть, в страхе убежала. Перелом ноги, пулевое ранение в бок... и все же оставался неплохой шанс выжить. Но Беннета разорвало едва ли не пополам. Сознание угасало, и он медленно, мучительно умирал. На месте Марка должен был оказаться я, ведь риск всегда был моей привилегией. А Беннет отличался осторожностью: мечтал вернуться к родным, к невесте. Не знаю, почему вместо меня снаряд попал в него. В этом-то и состоит главный ужас битвы: никогда не знаешь, кому выпадет жребий. Можно прятаться, но пуля все равно тебя найдет. А можно мчаться прямо на врага, но у того случится осечка, и останешься целым и невредимым. Дело случая. — Пытаясь справиться с чувствами, он стиснул зубы. — Я хотел отнести обоих в безопасное место, однако рядом не оказалось никого, кто смог бы помочь. Оставить на месте Фенвика не позволял воинский долг: если бы командира эскадрона взяли в плен, врагам удалось бы получить принципиально важные сведения, ведь он имел доступ ко всем распоряжениям генерала, располагал информацией о стратегических планах, вооружении, боеприпасах... обо всем, от чего на войне зависит успех или поражение.

Беатрикс сочувственно смотрела в страдальческое лицо.

— И тебе пришлось в первую очередь спасти подполковника Фенвика, — с горечью прошептала она, осознав суть трагедии. — Прежде чем вынести друга.

— Я пообещал — нет, поклялся Марку, что немедленно за ним вернусь. Сказал, что оставляю рядом Альберта. Он хотел что-то ответить, но не смог. У него изо рта текла кровь. Я приказал Альберту охранять Беннета, взвалил Фенвика на плечо и понес в овраг. Когда вернулся, небо полыхало, а дым разъедал глаза и не позволял видеть дальше нескольких футов. Разрывы снарядов вспыхивали ярче молнии. Марк исчез, пропал в прямом смысле слова. Русские его забрали, а Альберта ранили — проткнули штыком, разорвали ухо: в том месте, где зашивали рану, и сейчас еще виден шрам. Я лег рядом с Альбертом и начал стрелять; удерживал позицию до тех пор, пока наши основные силы не пошли в наступление. В конце концов мы захватили огневой рубеж и одержали победу.

— А лейтенанта Беннета так и не нашли? — слабым шепотом уточнила Беатрикс.

Кристофер покачал головой:

— Во время обмена пленными Марка не вернули. Долго протянуть он никак не мог. А у меня был шанс его спасти, и этот шанс я упустил. Теперь уже никогда ничего не узнаю. — Он вытер рукавом блестящие влагой глаза и умолк.

Казалось, он чего-то ждал... сочувствия, которого ни за что не принял бы; а может быть, осуждения, которого не заслуживал. Беатрикс пыталась понять, что на ее месте сказала бы другая, значительно более мудрая и земная девушка. Увы, нужные слова не приходили. Единственное, что можно было предложить, — это правду.

— Послушай меня, — заговорила она. — Ты оказался перед совершенно невозможным выбором, и Марк... лейтенант Беннет не мог тебя винить.

— Я сам себя виню, — с печальной безысходностью признался Кристофер.

Как же, должно быть, он устал от смерти, с душевной болью подумала Беатрикс. Как измучился от горя и ощущения собственного бессилия! Удастся ли уговорить, убедить, утешить?

— И напрасно. Неразумно корить себя за то, что не удалось совершить. Понимаю: мучительно думать, что друг умер в одиночестве или, того хуже, попал в руки врагов. И все же важно не то, как мы умираем, а то, как живем. Марк жил с ощущением любви: у него были родные и друзья. Ничего большего и желать невозможно.

Кристофер снова грустно покачал головой. Бесполезно. Никакие доводы не помогали.

Не в силах оставаться в стороне, Беатрикс бережно провела ладонью по загорелому плечу.

— Не думаю, что имеет смысл терзать себя сожалением и раскаянием, — тихо заговорила она. — Но мое мнение роли не играет. Тебе предстоит самому прийти к подобному выводу. Жестокий выбор пришлось сделать не по своей воле, а теперь остается лишь ждать, пока боль утраты притупится.

— И сколько же ждать? — горько уточнил Кристофер.

— Не знаю, — честно призналась Беатрикс, — но впереди еще целая жизнь.

Он язвительно рассмеялся:

— Чертовски долго.

— Понимаю, что ты несешь ответственность за то, что произошло с Марком. Но все, что кажется греховным, уже обрело прощение. Да-да, — настойчиво подтвердила она, когда он покачал головой. — Любовь прощает все. И потому многие... — Она замолчала, заметив, как он внезапно вздрогнул.

— Что ты сказала?

Только сейчас Беатрикс поняла, какую ужасную ошибку допустила, и резко отдернула руку.

Кровь застучала в висках, сердце заколотилось с безумной силой, в глазах потемнело. Не задумываясь, она спрыгнула с кровати и устребилась к двери.

Тяжело дыша, остановилась и обернулась.

Кристофер смотрел странными, полубезумными глазами.

— Я так и знал, — пробормотал он.

Она подумала, что сейчас наступит возмездие, и решила не дожидаться продолжения.

Страх придавал движениям стремительность испуганного зайца. Беатрикс бросилась бежать, стремительным движением распахнула дверь и метнулась к главной лестнице. Сапоги неуклюже застучали по ступенькам.

Кристофер замер на пороге и окликнул — нет, грозно прорычал ее имя.

Беатрикс не остановилась ни на миг, понимая, что от преследования его удерживает лишь отсутствие одежды.

Внизу, в холле, застыла изумленная и взволнованная миссис Клокер.

— Мисс Хатауэй? Что...

— Кажется, сейчас он покинет свою комнату и спустится, — торопливо ответила Беатрикс, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. — Мне пора домой.

— Неужели... разве вы...

— Если мистер Фелан прикажет седлать коня, — с трудом переводя дыхание, попросила Беатрикс, — постарайтесь делать это как можно медленнее.

— Да, но...

— До свидания!

Она взлетела на спину своего необъезженного жеребца и помчалась прочь.

Глава 17

Беатрикс устремилась в единственное надежное убежище — туда, где никто не сможет ее найти.

Увы, она надеялась спрятаться от Кристофера в том самом месте, куда так мечтала его привести. К тому же сомнений не оставалось: скрываться вечно не удастся. Рано или поздно придется отвечать за свои действия.

Однако выражение лица капитана Фелана в то мгновение, когда он обнаружил обманщицу, заставляло всеми силами оттягивать час расплаты.

Очертя голову мисс Хатауэй прискакала в дальний конец поместья лорда Уестклифа, в свой тайный дом, привязала коня и по узкой лестнице поднялась в небольшую комнату на башне. Мебель здесь состояла из двух потертых кресел, древнего дивана с низкой спинкой, не совсем устойчивого стола и остова кровати возле стены. Новая хозяйка содержала жилище в безупречной чистоте, а стены украсила собственными рисунками с изображением любимых пейзажей и животных.

На подоконнике стояла тарелка со свечными огарками.

Беатрикс открыла окно, чтобы впустить свежий воздух, и принялась ходить от стены к стене, размышляя от страха вслух.

— Наверное, он меня убьет. И все же это лучше, чем испытывать неприкрытую ненависть. Быстро задушит, и дело с концом. Хорошо было бы самой себя задушить и избавить человека от неприятных впечатлений. Или выброситься из окна? Ах, и зачем только я писала эти ужасные письма? Что мешало вести себя честно? Наверное, он уже приехал в Рамзи-Хаус и ждет меня там... А вдруг...

Она замолчала и замерла. Снаружи донесся звук. Собачий лай. Осторожно выглянув в окно, Беатрикс без труда узнала знакомое лохматое создание. Альберт. А в следующее мгновение к дому подъехал и сам капитан Фелан. Спешился и привязал коня рядом с норовистым жеребцом, на котором примчалась беглянка. Все-таки он сумел ее найти.

— О Боже! — воскликнула Беатрикс, побледнев от ужаса. Отошла от окна и прижалась спиной к стене, словно узница, ожидающая жестокой казни. Момент казался самым страшным в жизни, а если учесть, какие испытания выпадали на долю семейства Хатауэв, подобное утверждение значило немало.

Не прошло и нескольких секунд, как Альберт ворвался в комнату и бросился к любимой подруге.

— Значит, это ты его привел, да? — яростно зашептала Беатрикс. — Предатель!

Пес с виноватым видом подошел к креслу, запрыгнул и улегся, положив морду на лапы. Лишь уши настороженно наострились: на лестнице слышались ровные шаги.

Нагнувшись, чтобы не стукнуться головой о низкую средневековую притолоку, Кристофер переступил порог, выпрямился, осмотрел комнату и лишь после этого остановил на Беатрикс разгневанный взгляд человека, чье терпение окончательно лопнуло.

Мисс Хатауэй пожалела, что не склонна к обморокам, как некоторые молодые утонченные леди. В подобной ситуации потеря сознания оказалась бы славным, чрезвычайно удобным выходом.

Но как бы ни старалась она призвать на помощь женскую слабость, ум упрямо сохранял ненужную ясность и отвратительную устойчивость.

— Простите, — хрипло пробормотала она.

Ответа не последовало.

Кристофер подошел медленно и осторожно, словно боялся, что беглянка снова попытается улизнуть, и крепко схватил за руки, лишив возможности двигаться.

— Объясни, зачем ты все это сделала, — произнес он тихим, странным голосом, полным не то ненависти, не то ярости. — Да перестань же, черт возьми, плакать! Это была игра? Просто хотела помочь Пруденс?

Беатрикс всхлипнула и отвела взгляд.

— Нет, это не было игрой. Пру показала твоё письмо и заявила, что отвечать не собирается. А я почувствовала, что нужно ответить, потому что написано было как будто специально для меня. Думала, что заменю её один-единственный раз. Но ты написал снова, и я позволила себе ещё раз и ещё...

— Что там было правдой?

— Все, — уверенно заявила Беатрикс. — Кроме имени Пруденс в конце, каждая буква настоящая. Если ни во что не веришь, то поверь хотя бы в это.

Кристофер долго молчал, и с каждой секундой его дыхание становилось тяжелее, а взгляд напряженнее.

— Почему же ты внезапно прекратила переписку?

Она чувствовала, с каким трудом дался простой вопрос.

Но, видит Бог, ответ тоже требовал немалых душевных сил!

— Потому что стало невыносимо больно. Слова слишком много значили. — Несмотря на слезы, она заставила себя продолжать. — Я полюбила тебя, хотя знала, что никогда не смогу рассчитывать на взаимность. Я не могла больше изображать Пруденс. Так тебя любила, что...

Слова как-то странно смазались.

Сквозь туман губы ощутили горячее прикосновение. Что это значит? Что ему нужно? Что... Мысли окончательно запутались, и Беатрикс оставила напрасные попытки что-нибудь понять.

Кристофер обнял, прижал к груди, и она доверчиво прильнула, потрясенная до глубины души. Он жадно, властно целовал, проглатывая беспомощные рыдания. То, что происходило в этот невероятный миг, не могло быть правдой, и все же чувства подсказывали, что и запах, и тепло, и искренность настоящие. Объятие стало крепче, и дыхание давалось с трудом. Ну и что? Блаженство поцелуя пронзило, опьянило, и едва он отстранился, Беатрикс застонала от одиночества и тоски.

Кристофер посмотрел в глаза.

— Любила? — хрипло переспросил он. — В прошедшем времени?

— В настоящем, — честно ответила она.

— Но ведь ты сама просила тебя разыскать.

— Эту записку послала по ошибке.

— Послала — значит, хотела встречи?

— Да.

Из глаз снова полились слезы. Он склонился и прижался губами к ручейкам на щеках, как будто хотел выпить соленое горе.

Серые глаза продолжали пристально смотреть, но холодный блеск металла неожиданно сменился бархатистой мягкостью тумана.

— Я люблю тебя, Беатрикс.

Кажется, она все-таки тоже способна падать в обморок.

Состояние определенно напоминало полубморочное: колени ослабли, а голова безвольно склонилась.

Кристофер осторожно опустился вместе с ней на потертый ковер, подложил под голову теплую ладонь и снова накрыл губы поцелуем. Не в силах сдержать желание, Беатрикс отвечала с беспомощной откровенностью. Ноги переплелись, и его бедро настойчиво проникло в развилку ее бедер.

— Я думала, ты меня возненавидишь... — Слова вырвались почти бессознательно.

— Никогда. Можешь убежать на другой конец земли. Нет на свете такого места, где бы я тебя не разыскал. Остановить меня не смогут даже самые жестокие обстоятельства.

Она дрожала, ощущая, как горячие пальцы расстегивают одежду, скользят по коже. Грудь потяжелела, а вершинки напряглись от прикосновения.

— Думала, ты меня убьешь, — с трудом произнесла она.

Он слабо улыбнулся:

— Нет, вовсе не к этому я стремился. — Губы снова вернулись к губам, к жадному, голодному поцелую. Он расстегнул бриджи, погладил ее живот. Рука настойчиво проникла ниже, а пальцы нежно, с неутолимой любопытством исследовали интимный уголок.

— Кристофер, — жалобно пробормотала Беатрикс и попыталась расстегнуть его брюки, однако он сжал запястье.

— Я слишком долго ждал и не могу себе доверять.

Беатрикс уткнулась пылающим лицом в шею, в расстегнутый ворот рубашки.

— Хочу быть твоей.

— Ты и так моя, да хранит тебя Господь.

— Значит, люби меня. — Она принялась покрывать шею лихорадочными поцелуями. — Люби меня...

— Тише, — шепотом остановил Кристофер. — Я и так едва сдерживаюсь, не могу взять тебя здесь: это неправильно, плохо. — Не переставая интимно ласкать, он поцеловал спутанные волосы. — Давай лучше поговорим. Неужели ты действительно позволила бы мне жениться на Пруденс?

— Если бы ты выглядел рядом с ней счастливым, если бы искренне хотел соединиться, то как же иначе?

— Я хотел тебя. — Сильные, властные губы вернулись к губам. — Едва с ума не сошел: я пытался найти в ней любимые черты и никак не мог. А потом начал замечать их в тебе.

— Прости...

— Надо было сразу сказать правду.

— Знаю. Но я очень боялась твоего гнева и думала, что тебе нужна мисс Мерсер. Красивая, светская, кокетливая...

— Остроумная, как кочерга.

— Но почему же тогда ты ей написал?

— Я страдал от одиночества, знал ее плохо, но отчаянно нуждался... в ком-то. А когда получил ответное письмо с рассказом об осле мистера Модсли, запахах мая и октября и прочем... сразу влюбился. Решил, что это другая сторона Пруденс, которую я просто не успел узнать. Разве могло прийти в голову, что чудесные письма написаны кем-то другим? — Он нахмурился и недоверчиво покачал головой.

Беатрикс сокрушенно пожала плечами:

— Я знала, что мои письма тебе не нужны, да и сама я не в твоём вкусе.

Кристофер легко перевернул любимую на бок и прижал к себе: возбужденное мужское естество изнывало от вожделения.

— Чувствуешь? Разве это не свидетельствует об обратном?

Жар напряженного тела лишал способности думать и рассуждать, пьянил, доводил до безумия. Беатрикс прикрыла глаза, уткнулась в неожиданно ставшее родным плечо и спрятала лицо.

— Ты считал меня странной, — пробормотала она глухим, сдавленным голосом.

Он провел губами по шее и добрался до уха.

— Ты очаровательная и любимая. — В нежном шепоте послышалась улыбка.

Она улыбнулась в ответ и тут же вздрогнула от новых ощущений. Кристофер снова оказался сверху и развел бедром ноги, зажег кровь бесконечными нетерпеливыми поцелуями, принялся ласкать сильными мозолистыми руками — руками солдата. Бриджи мешали; резким движением он сдернул их и обнажил женственные молочно-белые бедра.

Ладонь проникла в таинственную развилку, и оба задышали быстрее. Пальцы гладили, раздвигали интимные складки, отыскивая вход в заветную глубину.

Беатрикс лежала неподвижно, пораженная неведомыми ощущениями, и лишь сумасшедшее биение сердца выдавало волнение. Вот палец проник еще дальше, и давление превратилось в испытание терпения и готовности к переменам. Кристофер склонил голову и провел губами по плавным холмам груди, настойчиво подбираясь к вершинке. Теперь рот и рука действовали в едином ритме — дразнили, требовали, умоляли, обещали...

Беатрикс едва выдерживала стремительно нарастающее напряжение. Волна невообразимого наслаждения захлестнула и понесла на гребне в сияющую звездную даль. С тихим стоном вырвались бессвязные слова:

— Кристофер... не могу...

— Не сопротивляйся, — шепнул он в разгоряченную кожу. — Уступи, отдайся.

И продолжал гладить смело и чувственно, поднимая возлюбленную все выше и выше. Неопытное тело страстно отвечало на новые впечатления. Беатрикс запустила пальцы в густые волнистые волосы и жадно приникла губами к пылающим губам. Ни на миг не прерывая дерзкие ласки, Кристофер с готовностью выпил стоны и вздохи.

Восторг отступал медленно, лениво, оставляя взамен легкую дрожь и ощущение восхитительной слабости. Наконец Беатрикс пошевелилась, открыла глаза и обнаружила, что почти раздетой лежит на полу, в объятиях любимого человека. Удивительный, неожиданный, опасный миг. Слегка повернув голову, она увидела Альберта: вполне довольный жизнью, верный товарищ сладко спал в кресле и ничуть не интересовался происходящими рядом событиями.

Кристофер продолжал мягко ласкать; прикосновения стали нежными, успокаивающими, едва ли не благоговейными.

Беатрикс перевела взгляд с собаки на хозяина. Смуглая кожа блестела от пота, напоминая отполированную бронзу, и от этого мужественное, четко очерченное лицо казалось чеканным. Восхищенное выражение слегка удивило: можно было подумать, что тело ее создано из какой-то драгоценной, невиданной прежде субстанции. Вот он поцеловал запястье — внутреннюю сторону, где бьется пульс, — и прижал кончик языка к тонкой голубоватой жилке. Близость поражала новизной и одновременно казалась столь же необходимой, как дыхание и стук собственного сердца.

Беатрикс поняла, что больше не хочет покидать кольцо надежных ласковых рук и мечтает лишь об одном: навсегда остаться рядом.

— Когда мы поженимся? — лениво поинтересовалась она.

Кристофер провел губами по щеке и обнял еще крепче. Но не произнес ни слова.

Беатрикс удивленно подняла голову. Молчание обдало холодом.

— Мы ведь собираемся пожениться, правда?

Кристофер заглянул в растерянное лицо.

— Трудный вопрос.

— Ничего подобного, выбор невелик. Ответа всего два: да или нет!

— Не могу жениться, пока не уверюсь в том, что это пойдет тебе на пользу.

— Какие сомнения?

— Сама знаешь.

— Ничего не знаю!

Кристофер криво улыбнулся.

— Приступы безотчетной ярости, кошмары, странные видения, запои... Как по-твоему — мужчина с подобной характеристикой годится в мужа?

— Но ведь ты собирался жениться на Пруденс! — возмущенно воскликнула Беатрикс.

— Нет, не собирался. Я не обрек бы на мучения ни одну женщину, а уж тем более ту, которую люблю больше жизни.

Беатрикс отстранилась, села и принялась приводить в порядок растерзанную одежду.

— И сколько же предлагаешь ждать? Согласна, ты не совершенство, и все же...

— «Не совершенство» — это лысина или следы от оспы на лице. Мои проблемы несравнимо серьезнее и опаснее.

Беатрикс заговорила торопливо, взволнованно:

— Все в нашей семье имеют недостатки, но все же женятся и выходят замуж по большой любви — тоже за далеко не безупречных людей. Каждый имеет право на счастье.

— Мое чувство слишком велико, чтобы рисковать благополучием и безопасностью той, которую считаю единственной на свете.

— Напротив, постарайся любить так, чтобы жениться, несмотря на все препятствия.

Кристофер нахмурился.

— Согласись: было бы значительно проще получить желаемое, не задумываясь о возможных последствиях. Ты нужна мне всегда, постоянно, каждую минуту, днем и ночью. Я хочу видеть тебя рядом с раннего утра до позднего вечера, прижимать к груди во сне. Я нуждаюсь в твоей любви, как в дыхании, а может быть, и больше, но не имею права нанести даже малейшего вреда, да еще и собственными руками.

— Ты никогда не сделаешь мне больно; инстинкт не позволит.

— Разве можно доверять инстинктам безумца?

Беатрикс грустно покачала головой.

— Ты готов принять мои проблемы, но не позволяешь мне разделить твои. Значит, не доверяешь? — В ее вопросе прозвучало неприкрытое отчаяние.

— Дело вовсе не в тебе, и ты прекрасно это знаешь. Если я и не доверяю, то только самому себе.

Нервы не выдержали, и она горько расплакалась. Ну почему, почему в жизни столько несправедливости? Почему счастье так неуловимо и обманчиво?

— Беатрикс! — Кристофер встал на колени и обнял ее, словно ребенка. Она окаменела. — Иди ко мне, — шепнул он на ухо.

— Если не поженимся, то когда и где я смогу с тобой встречаться? — спросила она, жалобно всхлипнув. — Во время визитов, под присмотром родственников? На прогулке? На редких тайных свиданиях?

Кристофер провел ладонью по спутанным волосам и заглянул в полные слез глаза.

— И все же это больше, чем прежде.

— Может быть, и больше, но все равно недостаточно. — Беатрикс доверчиво прильнула. — Ни капельки тебя не боюсь. — Подтверждая свои слова, она сжала на спине рубашку и слегка потянула. — Я люблю тебя, ты любишь меня, и единственное, что нас разделяет, — это твое упрямство. Никогда не поверю, что человек выжил в страшных битвах, перенес столько мучений и боли всего лишь ради того, чтобы вернуться домой и...

Он приложил палец к обиженно надутым губам.

— Подожди, дай подумать.

— О чем же здесь думать?

— Беатрикс! — властно остановил он.

Она посмотрела в серьезное лицо и замолчала.

Кристофер погрузился в размышления, но, судя по всему, удовлетворительное решение давалось с трудом.

В наступившей тишине Беатрикс склонила голову на теплое, широкое, надежное плечо, словно специально скроенное с расчетом на нее. Захотелось прижаться теснее, ощутить рельефную мускулатуру на груди. Она устраивалась до тех пор, пока не почувствовала уже знакомых признаков откровенного мужского вожделения. Тело жаждало близости, единства, слияния. Губы сами собой потянулись к бронзовой шее.

Кристофер по-хозяйски положил ладонь на ее бедро и снисходительно усмехнулся:

— Немедленно прекрати ерзать. Разве можно думать в таких условиях?

— А разве ты еще не закончил?

— Нет. — Он с улыбкой поцеловал ее в лоб. — Слушай внимательно: если мы с тобой поженимся, то мне придется постоянно защищать собственную супругу от самого себя. А ведь главное в жизни — это твое счастье.

— Если... — Беатрикс попыталась возразить, однако Кристофер бережно прикрыл ее рот рукой и заставил замолчать.

— Какие бы блистательные идеи относительно брака ни проповедовала твоя семья, я придерживаюсь традиционных взглядов. Муж — главный в доме и отвечает за все.

— О, разумеется, — согласилась Беатрикс с подозрительной поспешностью. — У нас тоже все так считают.

Кристофер скептически прищурился.

Кажется, обмен мнениями зашел слишком далеко. В надежде изменить направление беседы Беатрикс задала жизненно важный вопрос:

— А мне можно будет оставить моих животных?

— Конечно. — Голос смягчился. — Я же понимаю, насколько они для тебя важны. Вот только позволь спросить: ежик обсуждению не подлежит?

— Медуза? Нет, что ты! Она без меня не выживет. Мать бросила ее крошечным комочком, а я выкормила и вырастила. Можно было бы попытаться устроить красавицу в хорошие руки, но люди почему-то не готовы держать ежа в качестве домашнего животного.

— Подумать только! И с чего бы это? — изумился Кристофер. — Что ж, договорились. Медуза остается.

— Это означает, что ты делаешь мне предложение?

— Нет. — Кристофер прикрыл глаза и коротко вздохнул. — Не вопреки здравому смыслу не исключаю такой возможности.

Глава 18

Из тайного дома они поскакали напрямик в Рамзи-Хаус, а Альберт с довольным видом побежал следом. Приближалось время обеда, а это означало, что и Лео, и Кэм уже закончили трудовой день и освободились от забот. Беатрикс с сожалением подумала, что неожиданная развязка не позволила заранее подготовить родных к предстоящим изменениям. С другой стороны, можно было лишь радоваться тому обстоятельству, что Меррипен все еще оставался в Ирландии: дело в том, что ко всем без исключения чужакам он относился с неизменной подозрительностью, а потому лишь осложнил бы ситуацию. Да и у Лео, возможно, найдутся возражения. Лучше всего обсуждать вопрос с Кэмом — самым рассудительным и здравомыслящим мужчиной в семье.

Впрочем, стоило Беатрикс завести разговор о том, к кому лучше обратиться и что сказать, как Кристофер тут же запечатал губы поцелуем и заявил, что справится самостоятельно.

— Очень хорошо, — неохотно согласилась Беатрикс. — Предупреждаю только, что родным наш союз может не понравиться.

— Мне и самому наш союз не нравится, — невозмутимо сообщил Кристофер. — Тем лучше: кое-что общее уже имеется.

Они вошли в дом и сразу направились в семейную гостиную, где Кэм Роуэн и Лео Хатауэй стояли возле окна и, оживленно жестикулируя, что-то увлеченно обсуждали, а Кэтрин сидела за небольшим письменным столом.

— Фелан! — дружески приветствовал Кэм и широко улыбнулся. — Решили посмотреть склад пиломатериалов?

— Нет, сегодня по другому вопросу, — лаконично отозвался Кристофер.

Лео перевел внимательный взгляд с помятого костюма гостя на еще более растрепанный наряд сестры.

— Беатрикс, дорогая, неужели ты покидаешь поместье в таком виде?

— Один-единственный раз, — извиняющимся тоном ответила мисс Хатауэй. — Очень спешила и не успела переодеться.

— Спешила к капитану Фелану? — Лео с подозрением взглянул на гостя. — Так что же именно вы намерены обсудить?

— Вопрос личного характера, — спокойно пояснил Кристофер, — который непосредственно касается младшей из ваших сестер.

Он выжидающе посмотрел на каждого из джентльменов. В принципе не должно было возникнуть сомнений, к кому из двоих обращаться. Как лорд и хозяин, Лео отвечал за семью и поместье. Однако, судя по всему, Хатауэи придерживались своеобразного родственного уклада.

— С кем из вас мне следует разговаривать? — без обиняков уточнил гость.

Оба ответили одновременно:

— С ним.

Кэм посмотрел на Лео.

— Но ведь виконт у нас один: ты.

— А ты обычно принимаешь решения по подобным вопросам, — возразил Лео.

— Да. Но на сей раз тебе мое решение не понравится.

— Надеюсь, ты не собираешься одобрить скороспелые отношения?

— Из всех сестер Хатауэй, — ровным голосом произнес Кэм, — именно Беатрикс способна без посторонней помощи выбрать себе достойного супруга. Я полностью доверяю ее суждению.

Беатрикс благодарно улыбнулась:

— Спасибо, Кэм.

— И о чем ты только думаешь? — возмущился Лео. — Разве можно так легкомысленно относиться к судьбе свояченицы?

— Почему же легкомысленно?

— Девочка слишком молода, — решительно заявил Лео.

— Мне двадцать три, — не выдержала Беатрикс. — Будь я собакой, уже давно умерла бы.

— К тому же ты женщина, — настаивал лорд Рамзи.

— Прошу прощения, — вмешалась в разговор Кэтрин. — Хочешь сказать, что женщины не способны рассуждать здраво?

— В делах подобного рода абсолютно не способны. — Лео показал на Кристофера. — Только посмотрите на этого греческого бога. Неужели похоже, что он мог сразить умом?

— Кстати говоря, я окончил Кембридж, — язвительно вставил Кристофер. — Может быть, необходимо предъявить диплом?

— В этой семье, — поспешил вмешаться Кэм, — для подтверждения умственных способностей университетская степень не требуется. Пример лорда Рамзи наглядно доказывает, что одно с другим не обязательно связано.

— Фелан! — категорично заговорил Лео. — Не хочу показаться грубым, однако...

— Однако часто это получается само собой, — любезным тоном продолжила Кэтрин.

Хозяин дома метнул на жену мрачный взгляд и снова посмотрел на гостя.

— Вы с Беатрикс слишком плохо друг друга знаете, чтобы заводить разговор о свадьбе. Всего лишь несколько недель, не так ли? И кстати, как насчет Пруденс Мерсер? Кажется, кто-то с ней почти обручен?

— Что ж, претензии серьезные, — заговорил Кристофер, — и на каждую существует достойный ответ. Но вы должны ясно понимать: лично я против брака.

Лео озадаченно прищурился.

— Хотите сказать, против брака с мисс Мерсер?

— Мм... да. Но также против брака с мисс Хатауэй.

Все погрузились в недоуменное молчание.

— Не иначе какая-то хитрая уловка, — наконец произнес Лео.

— К огромному сожалению, нет, — возразил Кристофер.

Снова наступило молчание.

— Капитан Фелан, — осторожно осведомился Кэм, — вы явились, чтобы просить нашего согласия на брак с Беатрикс?

Кристофер покачал головой.

— Если я решу жениться, то сделаю это и без вашего согласия.

Лео побагровел от возмущения и выразительно посмотрел на зятя.

— О Господи! — Кажется, этот будет похлеще Гарри.

На лице Кэма появилось выражение усталого терпения.

— Думаю, нам следует побеседовать с капитаном Феланом в библиотеке за стаканом бренди.

— Нет уж, мне, пожалуйста, целую бутылку, — отозвался Лео и первым направился к двери.

* * *

Кристофер честно рассказал историю с начала и до конца, опустив лишь кое-какие интимные подробности. Безжалостно обнажил собственные недостатки, однако постарался решительно защитить любимую от малейшей критики, пусть даже со стороны родных.

— Игры совсем не в ее характере, — покачав головой, заключил Лео, когда капитан поведал о письмах. — Одному Богу известно, что толкнуло девочку на такой шаг.

— Об игре нет и речи, — негромко, но веско возразил Кристофер. — Ни один из нас не ожидал, что переписка окажется столь значимой.

Кэм посмотрел на собеседника долгим задумчивым взглядом.

— Честно говоря, подобные откровения завораживают. Но, Фелан, действительно ли вы уверены в ваших чувствах к Беатрикс? Ведь она у нас...

— Уникальная, — продолжил Лео.

— Знаю. — Кристофер едва заметно улыбнулся. — Мне отлично известно, что мисс Хатауэй носит бриджи, цитирует греческих философов, а еще читает слишком много учебников по ветеринарии и держит в качестве домашних любимцев животных, от которых другие мечтают избавиться. И я даже знаю, что незаметно для себя мисс Хатауэй ворует разные мелочи. — Одни лишь мысли о Беатрикс рождали желание. — Понимаю, что она не сможет долго жить в Лондоне, вдали от природы. Вижу, что она добра, умна и отчаянно смела. Боится только одного: что ее бросят. Я ни за что на свете этого не сделаю, потому что люблю до безумия. И все же существует одна труднопреодолимая преграда.

— Какая же? — нетерпеливо вставил Лео.

— Я сам, — лаконично ответил Кристофер.

Долгие минуты прошли в подробных, откровенных объяснениях. Кристофер честно рассказал о собственном непредсказуемом поведении после войны, о симптомах, грозно напоминающих сумасшествие. Спокойствие, с которым собеседники встретили его исповедь, не столько удивило, сколько заставило задуматься: что же это за семья?

Когда капитан Фелан наконец закончил, оба долго молчали, а потом Лео вопросительно посмотрел на зятя:

— Ну?

— Что «ну»?

— Самое время тебе вспомнить одну из своих многозначительных цыганских пословиц. Что-нибудь о петухах, несущих яйца, или свиньях, танцующих в саду. Без этого у нас не обходится. Давай-ка изреки очередную народную мудрость.

Кэм пожал плечами:

— Почему-то ничего не приходит на ум.

— Где же справедливость? Мне пришлось выслушать сотни глубокомысленных до тумана афоризмов, а Фелану не достанется ни одного?

Не обращая внимания на возмущение шурина, Кэм обратился к Кристоферу:

— Полагаю, описанные проблемы со временем утратят остроту. — Он на миг задумался. — Наш брат Меррипен — лучшее тому свидетельство.

Во взгляде гостя мелькнул обостренный интерес.

— Он не участвовал в военных действиях, — спокойно продолжил Кэм, — но, как известно,

насилие и увечья не ограничены полем битвы. Меррипену пришлось сражаться с собственными демонами, и он сумел выйти из схватки победителем. Что же мешает вам последовать доброму примеру?

— Считаю, что Фелан и Беатрикс должны подождать, — авторитетно заявил лорд Рамзи. — Ожидание вреда не принесет.

— Не уверен, — возразил Кэм. — Цыгане говорят: «Если будешь тянуть время, оно утянет тебя с собой».

Лео довольно потер руки.

— Вот-вот, я же знал, что без сокровищ фольклора дело не обойдется.

— При всем моем глубоком почтении этот разговор ни к чему не приведет, — пробормотал Кристофер. — Хотя бы один из вас должен прийти к выводу, что Беатрикс заслуживает более достойного супруга.

— В свое время я сказал это о своей будущей жене, — серьезно заметил Лео, — после чего поспешил к алтарю, пока Кэтрин не успела найти подходящую кандидатуру. — Он посмотрел в сердитое лицо капитана и не смог сдержать улыбки. — Откровенно говоря, пока ваши недостатки меня не убедили. Пьете больше, чем следовало бы, не всегда способны сдерживать порывы, да и вообще чересчур вспыльчивы. В семье Хатауэй все эти черты давно стали привычными и даже необходимыми. Похоже, вам кажется, что Беатрикс должна выйти замуж за молодого джентльмена, чьи понятия об интересах ограничиваются коллекционированием табакерок и сочинением сонетов. Должен признаться, мы честно пытались направить младшую сестру по пути благодати, однако ничего не вышло. Мужчина такого сорта ей не нужен. Судя по всему, ей нужны именно вы.

— Но мисс Хатауэй чересчур молода и романтична, чтобы судить здраво, — возразил Кристофер. — Меня ее выбор не убеждает.

— И меня тоже, — согласился Лео. — Однако, к огромному сожалению, ни одна из моих восхитительных сестриц не позволила выбрать ей мужа.

— Полегче, джентльмены, — невозмутимо вмешался Кэм. — У меня созрел конкретный вопрос. Если вы, Фелан, готовы ждать неопределенное время, прежде чем предложить Беатрикс руку и сердце, то намерены ли продолжать встречи?

— Да, — честно ответил Кристофер. — Сомневаюсь, что смогу ограничиться томными взглядами со стороны, но обещаю вести себя осмотрительно.

— Единственное, что самой Беатрикс известно насчет понятия «осмотрительно», — это правописание трудного слова, — сказал Лео.

— Сплетни и пересуды не заставят себя ждать, — заметил Кэм, — а скандальная известность, разумеется, не пойдет на пользу репутации. В результате вам все равно придется жениться. Так есть ли смысл оттягивать неизбежное событие?

— Неужели вы хотите, чтобы я женился на вашей сестре? — изумленно уточнил Кристофер.

— Нет. — Кэм огорченно пожал плечами. — Но не могу сказать, что альтернатива радует. Во-первых, Беатрикс будет глубоко несчастна. А во-вторых, кто из нас готов объявить девочке о

необходимости долгого ожидания?

Все трое молчали.

Беатрикс понимала, что ночью вряд ли удастся уснуть: накопилось слишком много сомнений и вопросов. Кристофер к обеду не остался, а ушел сразу после разговора с Кэмом и Лео.

Амелия спустилась вниз, как только уложила спать маленького Алекса, услышала новость и даже не попыталась скрыть радость.

— Мистер Фелан мне очень нравится. — Она обняла сестру, а потом отстранилась, чтобы заглянуть в лицо. — Достойный, честный человек.

— И к тому же смелый, — добавил Кэм.

— Да, — рассудительно согласилась Амелия. — Невозможно забыть его военные подвиги.

— О, я не об этом, — уточнил Кэм. — Достаточно готовности жениться на одной из сестер Хатауэй.

Амелия задорно высунула язык, и он рассмеялся.

В отношениях между супругами простота и искренность естественным образом сочетались с озорством и игривым флиртом. Беатрикс невольно спросила себя, сможет ли Кристофер преодолеть замкнутость и удастся ли им когда-нибудь достичь подобной близости.

Она присела на диван рядом с сестрой и хмуро заметила:

— Пыталась выяснить, о чем шел разговор в библиотеке, но, кажется, никакого конкретного решения принято не было. Единственное, что делали джентльмены, — это пили бренди.

— Ну почему же? — отозвался Лео. — Мы заверили Фелана, что готовы уступить ему тебя вместе со зверинцем, после чего он заявил, что должен подумать.

— О чем?! — нетерпеливо воскликнула Беатрикс. — О чем еще думать? Что заставляет его так долго принимать решение?

— Не волнуйся, дорогая, просто твой жених — мужчина, — снисходительно пояснила Амелия. — Мужчинам мыслительный процесс дается с большим трудом.

— В отличие от женщин, — язвительно отозвался Лео. — Вы обладаете поразительной способностью принимать решения, вообще не задумываясь о последствиях.

Утром Кристофер явился в Рамзи-Хаус с крайне воинственным видом, даже несмотря на свободный повседневный костюм. Впрочем, выглядел он спокойным и с безупречной вежливостью попросил разрешения сопровождать мисс Хатауэй во время прогулки. Беатрикс была счастлива видеть любимого, но в то же время не могла не заметить сурового и решительного настроения человека, призванного исполнить неприятный долг.

Подобный подход не сулил ничего хорошего.

И все же она с жизнерадостным видом повела гостя по любимой тропинке, с одной стороны от которой раскинулась пашня, а с другой стеной стояли высокие старые деревья. Маршрут углублялся в лес, пересекал протоптанные дорожки и выводил к ручью. Альберт деловито

шнырял вокруг и неутомимо исследовал местность.

— Когда встречается вот такая поляна, — Беатрикс остановилась у края залитого солнцем небольшого луга, — то скорее всего это древняя пашня, сохранившаяся с Бронзового века. В то время люди ничего не знали об удобрении почвы, а потому, как только земля теряла плодородие, просто расчищали новую территорию. Ну а старые поля постепенно зарастали утесником, папоротником и вереском. А вот здесь, — она показала дупло в стволе огромного старого дуба, — в самом начале лета я видела только что вылупившегося птенца чеглока. Эти птицы не выют гнезд, а откладывают яйца в чужие кладки. Летают они очень быстро: даже уследить трудно.

Кристофер внимательно слушал. Ветерок играл в золотистых волосах, на губах застыла легкая улыбка: в эту минуту он выглядел особенно красивым, спокойным и счастливым.

— Тебе известны все секреты этого леса? — удивленно спросил он.

— Что ты, конечно же, далеко не все! Так много еще предстоит узнать; только начинаю открывать чудесный мир. Десятки тетрадей заполнила зарисовками животных и растений, а все еще то и дело обнаруживаю новые. — Она грустно вздохнула. — Говорят, в Лондоне в ближайшее время собираются учредить Общество естественной истории. Так хочется вступить!

— Что же мешает?

— Дамам путь закрыт, — пожала плечами Беатрикс. — Ни одно научное сообщество не хочет нас принимать. Соберутся старики с бакенбардами, будут курить трубки и обмениваться энтомологическими наблюдениями. Ужасно жаль! Не сомневаюсь, что я могла бы рассуждать о насекомых ничуть не хуже каждого из этих прокуренных знатоков.

Кристофер тихо рассмеялся.

— А я так очень рад, что у тебя нет ни бакенбард, ни трубки, — признался он. — И все же невероятно жаль, что человек, настолько глубоко интересующийся животными и насекомыми, не имеет возможности общаться с коллегами. Может быть, нам удастся убедить организаторов сделать исключение?

Беатрикс искренне удивилась:

— Неужели ты готов хлопотать? И не возражаешь против столь необычных для женщины интересов?

— Разумеется, не возражаю. Какой смысл жениться на особе с необычными увлечениями, а потом пытаться сделать ее такой же, как все остальные?

От изумления у Беатрикс округлились глаза.

— Ты намерен сделать мне предложение?

Кристофер обнял ее за плечи, повернул к себе и бережно приподнял лицо за подбородок.

— Прежде хочу кое-что обсудить.

Беатрикс посмотрела с недоумением.

С самым серьезным видом он взял ее за руку и медленно пошел по поросшей травой тропинке.

— Первое. Мы не сможем проводить ночь в одной постели.

Беатрикс растерянно заморгала, а потом с сомнением уточнила:

— Значит, отношения так и останутся платоническими?

Вопрос привел в легкое замешательство.

— Нет. Конечно же, нет. Мы будем близки, но спать все-таки лучше отдельно.

— Почему? По-моему, вместе приятнее.

Он настойчивее сжал ладонь.

— Мои кошмары не дадут тебе покоя.

— Ну и пусть. Ничуть не возражаю.

— А вдруг во сне я случайно тебя задушу?

— О, вот против этого возражаю. — Беатрикс сосредоточенно нахмурилась. — А можно обратиться с просьбой?

— Пожалуйста.

— Не мог бы ты перестать пить бренди и виски, а ограничиться исключительно вином? Понимаю, что ты таким образом пытаешься избавиться от других проблем, но не исключено, что эффект оказывается обратным и...

— Нет необходимости уговаривать, любовь моя. Я уже и сам решил отказаться от крепкого алкоголя.

— О! — Она радостно улыбнулась.

— И я тоже хочу кое о чем попросить, — продолжил Кристофер. — Пожалуйста, забудь об опасных экспериментах: перестань лазать по деревьям, объезжать полудиких лошадей, освобождать из капканов хищных животных и заниматься прочими рискованными, совсем не женскими делами.

В глазах Беатрикс застыл молчаливый протест: покушения на личную свободу она допустить не могла. Кристофер все понял без слов.

— Не собираюсь запира́ть тебя в доме, — успокоил он, — но все же предпочел бы не тревожиться за здоровье супруги.

— Но ведь травмы случаются постоянно. Юбки женщин попадают в камин и загораются, экипажи несутся и сбивают прохожих, да и сами прохожие нередко спотыкаются и падают...

— Вот-вот, и я о том же. Жизнь сама по себе достаточно опасна, чтобы дополнительно искушать судьбу.

Да, родственники налагали меньше ограничений, чем будущий муж. Пришлось напомнить

себе, что в браке непременно найдутся и положительные стороны, компенсирующие лишения.

— Скоро мне предстоит уехать в Ривертон, — предупредил Кристофер. — Придется научиться руководить огромным поместьем, лесопилкой и складом пиломатериалов. По словам управляющего, производство древесины в настоящее время малоэффективно. К тому же неподалеку планируется строительство новой железнодорожной станции, но нам она принесет пользу только в том случае, если будут проложены хорошие дороги к ней. Необходимо принять участие в планировании и разработке; в противном случае жаловаться будет не на кого. — Он остановился и заглянул ей в глаза. — Знаю, что ваша семья необыкновенно дружна и все тебя обожают. Сможешь ли ты жить вдали от родных? Мы, конечно, сохраним Фелан-Хаус в образцовом порядке, но семейным гнездом станет Ривертон.

Перспектива разлуки с близкими опечалила, ведь в поместье Рамзи заключался весь ее мир. Особенно трудно было представить, что рядом не окажется любящей, заботливой, все понимающей Амелии. Беатрикс огорчилась, но одновременно и заинтересовалась. Новый дом, новые люди, новые, полные загадок и сюрпризов места. И конечно, супруг. В первую очередь супруг.

— Думаю, смогу, — ответила Беатрикс, — хотя буду очень скучать. Я привыкла проводить время в одиночестве, ведь родственники заняты собственными семьями и делами. Это естественно и нормально. Если появится возможность их навещать, буду счастлива.

Кристофер погладил ее по щеке и посмотрел с пониманием, сочувствием и острой нежностью, от которой внезапно стало жарко.

— У тебя будет все, что необходимо для счастья, — пообещал он, обнимая и целомудренно целуя в лоб. — А теперь хочу задать один важный вопрос. — Теплые губы коснулись виска. — Любовь моя... несколько часов рядом с тобой стоят целой жизни, проведенной с любой из женщин. Можно было не посылать ту короткую записку с просьбой разыскать тебя: я и сам с давних пор мечтал о встрече. Едва ли найдется на свете человек, в полной мере достойный стать твоим мужем. И все же умоляю дать мне шанс. Согласна ли ты выйти за меня замуж?

Беатрикс взволнованно обхватила ладонями его голову и приникла губами к уху.

— Да, да, да! — зашептала она горячо и торопливо, а потом зачем-то — наверное, просто от избытка чувств — легко сжала зубами мочку.

Удивленный порывом, Кристофер ответил взглядом, от которого дыхание внезапно участилось: серые глаза обещали щедрую награду.

— Какой свадьбы ты хочешь? — спросил он и, не дожидаясь ответа, поцеловал в губы.

— Такой, которая сделает тебя моим мужем. — Она провела пальцем по густым бровям. — А какой хочешь ты?

Он грустно улыбнулся:

— Быстрой.

Глава 19

Кристофер с удивлением осознал, что за две недели успел окончательно освоиться в кругу будущих родственников. Если когда-то свободные, раскованные люди казались странными, а порой поражали экстравагантностью, то теперь он с удовольствием проводил время в жизнерадостной компании и почти каждый вечер приезжал в Рамзи-Хаус.

Хатауэи непрестанно пикировались, спорили, смеялись и при этом относились друг к другу с искренней симпатией, что отличало их от всех остальных знакомых семейств. Живую, непосредственную компанию интересовало все на свете, занимали новые идеи, изобретения и открытия. Трудно было не догадаться, что интеллектуальный настрой передался детям от покойного отца, Эдварда Хатауэя.

Кристофер чувствовал, что счастливый, хотя зачастую суматошный жизненный уклад шел ему на пользу, в то время как светский миропорядок Лондона удручал и истощал. Родственники Беатрикс каким-то чудесным образом сглаживали острые края разбитой души. Он полюбил всех, а особенно Кэма, который держался как истинный глава семьи — или табора, как он любил выражаться. Присутствие колоритного цыгана создавало в доме атмосферу спокойствия, терпимости и взаимопонимания, хотя порой барон решительно диктовал остальным свою волю.

Лео оказался не столь доступным. Интересный, острый на язык собеседник, лорд Рамзи порой напоминал Кристоферу о том времени, когда он и сам не упускал случая продемонстрировать блестящее красноречие, не задумываясь о чувствах собеседников. Взять хотя бы замечание о том, что в конюшне Беатрикс смотрелась бы более органично. Он не помнил, когда и при каких обстоятельствах произнес постыдную фразу, но, к сожалению, звучала она вполне в его духе. Увы, было время, когда он недооценивал силу слов.

Последние два года многому его научили и заставили иначе взглянуть на мир.

Что касается Лео, Беатрикс заверила жениха, что, несмотря на язвительность, он неизменно оставался добрым и заботливым старшим братом.

— Как только лучше его узнаешь, непременно полюбишь, — заверила она. — А в том, что Кэм тебе ближе, нет ничего удивительного: вы с ним оба лисы.

— Лисы? — удивленно переспросил Кристофер.

— Да. Я сразу вижу, к какому животному близок человек. Лисы — прирожденные охотники, но не из тех, что полагаются на грубую силу. Они умны и находчивы, стараются перехитрить противника, порой проходят огромные расстояния, но любят возвращаться в уютную и безопасную нору.

— В таком случае Лео — скорее всего лев, — сухо предположил Кристофер.

— Да-да, ты прав. Импозантный, внушительный, артистичный. Он стремится постоянно находиться в центре внимания, а иногда даже способен напасть. Но за мощной гривой, острыми клыками и грозным рыком все-таки скрывается кошка.

— А кто же в таком случае ты?

— Хорек. Мы, мелкие грызуны, склонны собирать всякие вещицы. Когда мы бодрствуем, постоянно заняты, хотя любим подолгу спать. — Она широко улыбнулась. — А еще хорьки очень нежны и верны.

Кристофер всегда представлял, что в его доме будет царить безупречный порядок благодаря

благонравной рачительной супруге, способной вовремя вникнуть в каждую мелочь. Ну а вместо этого судьба преподнесла сюрприз: невесту, которая без смущения разгуливала в бриджах, в то время как по комнатам бегали, бродили, ползали и прыгали разнообразные существа.

Его искренне восхищали осведомленность и компетентность Беатрикс в сложных вопросах, в которых дамы, как правило, ничего не смыслили. Она умела работать молотком и рубанком, а верхом ездила лучше всех женщин и увереннее многих мужчин. Невеста обладала оригинальным, живым и острым умом, сочетающим рациональное начало с интуицией. Но чем ближе Кристофер узнавал Беатрикс, тем яснее чувствовал спрятанную в глубине души неуверенность, уязвимость. Осознание собственной непохожести на других нередко склоняло ее к одиночеству. Скорее всего особенность коренилась в ранней смерти родителей, а именно матери: оставшись сиротой, девочка решила, что та ее бросила. В какой-то мере сказало и то обстоятельство, что судьба поставила семейство Хатауэй на неожиданно высокую ступеньку социальной лестницы. Существование среди аристократов не просто предполагало соблюдение строгого свода правил, а требовало определенного образа мыслей, мироощущения и поведения — качеств, воспитанных с рождения. Даже если бы Беатрикс очень старалась, ей все равно не удалось бы достичь врожденной утонченности молодых леди из высшего общества.

И за это Кристофер любил ее еще больше.

На следующий день после предложения руки и сердца капитан Фелан неохотно отправился к мисс Мерсер. Он понимал, что поступил не лучшим образом, и готовился принести извинения. Впрочем, легкое сожаление, которое он мог бы испытывать по поводу невольного обмана, испарилось, едва стало ясно, что сама Пруденс нисколько не раскаивается в собственном двуличии.

Беседа прошла не самым приятным образом, если не сказать большего. Очаровательное личико мисс Мерсер покрылось багровыми пятнами ярости, а кричала она, словно ошпаренная кошка.

— Вы не имеете права бросать меня ради дикой, темноволосой уродины и ее ненормального семейства! Сразу превратитесь в посмешище! Половина этого сброда — цыгане, а вторая половина — сумасшедшие. И все они — грязные крестьяне без связей и манер. Будете жалеть до конца своих дней! Беатрикс — грубая, неотесанная девчонка и нарожает выводок себе подобных!

Стоило Пруденс на миг замолчать, чтобы перевести дух, как Кристофер спокойно заметил:

— К сожалению, далеко не все способны вести себя столь же изысканно, как мисс Мерсер.

Пуля, естественно, пролетела высоко над головой, и обиженная молодая леди продолжала визжать, как базарная торговка.

А тем временем в сознании Кристофера возник иной образ. Нет, вовсе не одно из страшных, мучительных военных воспоминаний, что являлись обычно, а мирная картина недавних дней... спокойное и сосредоточенное лицо Беатрикс в те минуты, когда она лечила раненую ласточку. Бережно привязала сломанное крылышко к невесомому телу и показала, как кормить птицу. Наблюдая за процессом, Кристофер поразился изяществу, точности и силе любимых рук.

И вот сейчас, стоя перед бушующей мегерой, он с сочувствием думал о том несчастном, которому она достанется в жены.

Вскоре в гостиную вошла встревоженная шумом миссис Мерсер и, как могла, попыталась успокоить дочь. Кристофер воспользовался подвернувшейся возможностью и поспешил уйти, сожалея о каждой минуте, впустую потраченной в обществе Пруденс.

А через полторы недели жители Стоуни-Кросс с содроганием узнали, что мисс Мерсер исчезла вместе с одним из своих давних поклонников, представителем местного дворянства.

В то утро, когда произошло тайное бегство, в Рамзи-Хаус пришло письмо, адресованное Беатрикс Хатауэй. Пруденс Мерсер, видимо, писала в спешке. Неопратно нацарапанное, заляпанное кляксами послание представляло собой собрание нелепых обвинений и мрачных предсказаний, приправленных многочисленными ошибками. Расстроенная и уязвленная, Беатрикс показала листок жениху.

Кристофер бегло прочитал, сморщился и разорвал желчный пасквиль на мелкие куски.

— Что ж, — заметил он, — все-таки она удосужилась кому-то написать.

Беатрикс попыталась изобразить укоризну, но вместо этого лишь рассмеялась.

— Не иронизируй. Чувствую себя самой настоящей преступницей.

— Почему? Как видишь, Пруденс угрызений совести не испытывает.

— Она обвиняет меня в краже жениха.

— Во-первых, я никогда ей не принадлежал. А во-вторых, это вовсе не игра «передай сверток».

Сравнение насмешило.

— Если ты сверток, — лукаво заметила Беатрикс, — то мне не терпится тебя распаковать.

Кристофер покачал головой:

— Лучше не заговаривай на эту тему, а то мы так никогда и не закончим работу. — Он аккуратно приладил доску на место и приказал: — Ну, забивай.

Они были на сеновале и чинили скворечник, который Беатрикс смастерила собственноручно. Кристофер с интересом наблюдал, как безошибочно точными движениями любимая вгоняет гвозди. Разве можно было предположить, что женщина способна так лихо и в то же время очаровательно обращаться с инструментами? А до чего соблазнительно натягивались на круглой попке бриджи, стоило ей немного наклониться!

Усилием воли он обуздал всплеск вожделения — в последнее время это стало обычным занятием. Беатрикс то и дело искушала: всякий раз, когда он ее целовал, отвечала с невинной чувственностью, доведившей едва ли не до иступления.

До войны Кристофер никогда не испытывал трудностей в поисках любовницы. Физическая близость давалась легко и приятно, без малейшего чувства вины, без комплексов и ограничений. Однако после долгого воздержания он с опасением думал о первой встрече с Беатрикс в постели: страшно было испугать или доставить боль.

Самообладание в любых проявлениях все еще оставалось проблемой.

Ярким примером стал тот вечер, когда кто-то из близнецов случайно споткнулся о трехногую

кошку: зверь разразился душераздирающим воплем, а малыши дружно заорали от испуга и ревели до тех пор, пока Кэтрин не увела обоих в детскую.

Кристин болеленно перенес внезапный хаос: напугался до дрожи, зажмурился и пригнул голову, словно вновь попал на поле битвы, под гремящее разрывами снарядов небо. Прежде чем реальность восстановилась, пришлось сделать несколько глубоких вдохов. Невеста тем временем спокойно сидела рядом, не задавая ненужных вопросов.

А в следующую минуту подошел Альберт, положил морду на колени и посмотрел умными карими глазами.

— Он все понимает, — тихо заметила Беатрикс.

Кристофер погладил лохматую голову, а верный боевой друг уткнулся носом в ладонь и лизнул запястье. Да, терьер не понаслышке знал, почему фунт лиха. Он пережил те же огненные ливни, что и хозяин, и ощутил нестерпимую боль ранения.

— Мы же с тобой однополчане, правда? — пробормотал Кристофер.

Мысли вернулись в настоящее. Беатрикс закончила работу, отложила молоток и удовлетворенно отряхнула руки.

— Готово. Новый жилец может заселяться хоть завтра.

Она подползла к растянувшемуся на сене жениху и, словно кошка, устроилась рядом. Кристофер посмотрел на любимую из-под полуопущенных ресниц. Желание властно приказывало обнять, насладиться нежностью кожи и упругостью молодого тела, однако он мужественно противостоял коварному искушению.

— Испачкаешься сеном, и родные заподозрят, что мы не скворечник ремонтировали, а занимались другими делами.

— Подумаешь! Я всегда испачкана сеном.

Лукавая улыбка и сияющие синие глаза сделали свое дело: уступая, Кристофер нагнулся и подарил теплый, спокойный поцелуй, а Беатрикс с готовностью обвила руками шею. Он медленно, без суеты играл с мягкими податливыми губами, пока не почувствовал застенчивое прикосновение языка. Наивная чувственность пронзила стрелой и породила новую волну страсти.

Беатрикс инстинктивно прижалась, стараясь оказаться как можно ближе. В ответ Кристофер принял к женственной мягкости бедер и, ни на миг не прерывая поцелуев, начал ровно, ритмично двигаться. Закрыв глаза и бессвязно повторяя дорогое имя, Беатрикс откинула голову и отдалась настойчивой ласке влажных губ. Кристофер отыскивал самые чувствительные точки и дразнил кончиком языка до тех пор, пока любимая не начала беспокойно ерзать. Ладонь легла на грудь, чтобы сквозь рубашку и сорочку ощутить безупречные округлости, увенчанные твердыми своенравными вершинками. Легкие стоны красноречиво свидетельствовали о наслаждении, а довольное, почти кошачье мурлыканье заменяло самые пылкие признания.

Любимая то и дело нетерпеливо выгибалась, требуя продолжения, да и сам Кристофер едва не тонул в вожделении: тело заявляло о собственных неоспоримых правах, а разум все глубже погружался в туман. Ничего не стоило сорвать одежду, дать волю не знающей меры

бесцеремонной плоти, вонзиться в желанное лоно и наконец-то обрести долгожданное облегчение...

Он со стоном перекатился на спину, однако Беатрикс держалась крепко и не хотела отпускать на свободу.

— Возьми меня, — взмолилась она, судорожно переводя дух. — Здесь, сейчас! Прошу, милый...

— Нет. — Кристофер с усилием отстранился и сел. — Сеновал — опасное место; в амбар каждую минуту может войти кто-нибудь из работников.

— Мне безразлично. — Беатрикс повернулась на бок. — Безразлично! — повторила она с лихорадочным упрямством.

— А мне небезразлично. Ты заслуживаешь большего, чем торопливое совокупление на куче сена. Да и я тоже после двухлетнего воздержания.

Беатрикс посмотрела округлившимися от удивления глазами.

— Правда? Так долго хранил целомудрие?

Кристофер иронично усмехнулся.

— Целомудрие подразумевает чистоту помыслов, которой, разумеется, не было. Но могу с уверенностью сказать, что пребывал в полном и абсолютном безбрачии.

Беатрикс села за спиной и принялась старательно стряхивать с сюртука прилипшие травинки.

— А что, не было возможности найти женщину?

— Женщин в армии хватает.

— Так в чем же дело?

Кристофер искоса взглянул.

— Тебе действительно нужны подробности?

— Да.

— А знаешь, что случается с девушками, которые задают неосторожные вопросы?

— Их насилуют на сеновалах? — с надеждой в голосе предположила Беатрикс.

Кристофер покачал головой.

Она крепко обняла его, прижалась к спине и положила голову на плечо.

— Скажи, — прошептала на ухо, согрев горячим дыханием.

— Там были проститутки, которые исправно обслуживали солдат. Но они не отличались привлекательностью и к тому же распространяли в полку дурные болезни.

— Несчастные, — с искренним сочувствием пробормотала Беатрикс.

— Кто, проститутки или солдаты?

— И те и другие.

В единственном слове воплотилась душа, подумал Кристофер: ни капли презрения и брезгливости, лишь сострадание. Он взял любимую за руку и поцеловал теплую мягкую ладонь.

— Поступали предложения от нескольких офицерских жен, сопровождавших бригаду. Но я решил, что постыдно обманывать товарищей, бок о бок с которыми завтра придется идти в бой. Потом, в госпитале, ничто не мешало поискать подругу среди медсестер — конечно, фронтовых, а не сестер милосердия... — Он вздохнул. — Но после долгой осады, непрерывного рытья могил и ранения думать ни о чем подобном как-то не хотелось. А потому я ждал. — Он поморщился. — И продолжаю ждать до сих пор.

Беатрикс поцеловала и уткнулась носом в шею — забавно, чуть щекотно и уютно.

— Не бойся, бедняжка, я тебя не обижу, — пробормотала нежно. — Позабочусь, чтобы новая жизнь началась спокойно, без толчков и рывков.

Такой Беатрикс предстала впервые. Кристофер схватил любимую и посадил к себе на колени.

— О, не сомневаюсь: ты непременно позаботишься, — заверил он и скрепил договор страстным поцелуем.

Ближе к вечеру Лео повел Кристофера осматривать склад пиломатериалов. Хотя поместье Рамзи производило значительно меньше древесины, чем Ривертон, работа здесь велась чрезвычайно рационально и эффективно. Лео пояснил, что лучше всех занимается этим делом временно отсутствующий зять Меррипен, который отличался глубокими познаниями в выращивании и заготовке леса: умел точно определять качество древесины, заботился о своевременном прореживании загущенных участков, постоянно пополнял и обновлял лесопосадки.

На складе готовой продукции по совету Гарри Ратледжа, мужа Поппи, были внедрены важные технологические новшества. Лео показал прогрессивную систему катков и рычагов, позволяющую быстро и безопасно передвигать бревна, и новый способ хранения, исключающий возможность гниения и иной порчи ценной продукции.

На обратном пути разговор зашел о состоянии рынка строительной древесины и о заключении контрактов с торговцами.

— Всеми вопросами, касающимися торговли на аукционах или в частном порядке, занимается Кэм, — пояснил Лео. — Лучше его в финансах не разбирается никто.

— Очень интересно, как четко вы с зятьями поделили сферы деятельности в соответствии со способностями и силами каждого.

— Так надежнее и удобнее. Меррипен близок к земле, стихия Кэма — цифры, ну а моя функция — как можно меньше работать.

Кристофер недоверчиво покачал головой:

— Сомнительно. Для этого ты слишком хорошо разбираешься в производстве. Видно, что

трудился ты долго и упорно.

— Да. Но надеюсь, что если удастся убедительно притвориться, будто бы понимаешь хуже всех, поручений будет значительно меньше.

Кристофер улыбнулся и посмотрел вперед: они шли спиной к солнцу и топтали сапогами собственные тени.

— А мне и притворяться не придется, — заметил он, сразу став серьезным. — Я-то точно ничего не смыслю ни в лесозаготовках, ни в продаже древесины. Брат занимался этим с юности. Ни мне, ни кому-то другому даже в голову не приходило, что внезапно придется оказаться на его месте. — Замечание прозвучало как призыв к сочувствию, и он тут же пожалел о сказанном.

Лео, однако, ответил по-дружески просто и деловито:

— Хорошо знакомое ощущение паники. Не волнуйся, Меррипен поможет. Парень знает все на свете и чрезвычайно любит учить других. Проведешь рядом с ним пару недель и волей-неволей станешь экспертом. Успела ли Беатрикс сообщить тебе, что Меррипен и Уин хотят вернуться из Ирландии к свадьбе?

Кристофер покачал головой. Свадьба планировалась через месяц и должна была состояться в деревенской церкви.

— Рад за Беатрикс. Ей очень хочется, чтобы собралась вся семья. — Он коротко рассмеялся. — Надеюсь только, что к алтарю не потянется вереница животных.

— Считаю, что тебе крупно повезло: сестренка вовремя избавилась от слонихи. — Лео покачал головой. — А то могла бы сделать ее подружкой невесты.

— Слон? — Кристофер резко повернулся и изумленно заглянул ему в лицо. — У нее был слон?

— Недолго. К счастью, довольно быстро удалось найти малышу новый дом.

— Не может быть, — решительно возразил Кристофер, покачав головой. — Зная Беатрикс, можно было бы поверить, и все же не верю.

— Но слон действительно был, — настаивал Лео. — Честное слово.

Кристофер все еще сомневался.

— Наверное, однажды пришел к двери, и кто-то по неосторожности его прикормил?

— Спроси Беатрикс, пусть сама расскажет...

Лео не договорил: впереди показался загон, в котором творилось что-то невероятное. Гнедой чистокровный жеребец то и дело вставал на дыбы и брыкался, пытаясь сбросить всадника.

— Черт возьми! — Лео зашагал быстрее. — Говорил же: ни в коем случае нельзя покупать этого бешеного зверя. Его испортили еще в раннем детстве, и теперь даже Беатрикс не может справиться.

— Это Беатрикс? — Сердце Кристофера тревожно дрогнуло.

— Или Беатрикс, или Кэм. Ни у кого другого не хватит смелости сесть на Камелота.

Не замечая, что делает, Кристофер побежал. Нет, это не Беатрикс. Не может быть, чтобы она нарушила данное слово. Обещала ведь никогда больше не рисковать здоровьем. Однако в этот момент конь снова яростно взбрыкнул, с головы седока слетела шляпа, и по спине рассыпались темные волосы. Беатрикс с поразительной выдержкой обняла Камелота за шею и что-то зашептала, пытаясь успокоить. Казалось, животное прислушивается и готово уступить, но момент покоя сменился новой вспышкой упрямства, и жеребец почти вертикально поднялся на неустойчивых задних ногах.

А в следующий момент произошло страшное: Камелот потерял равновесие и начал падать.

Время остановилось. Огромная тяжелая масса перевернулась, и хрупкая фигурка Беатрикс оказалась внизу.

Как это неизменно случалось в сражениях, Кристофер перестал думать и отдался на волю инстинктов — природа сама диктовала немедленные действия. Он ничего не слышал, лишь чувствовал, как горло напряглось в хриплом крике, а тело невесомо перелетело через ограду.

Беатрикс тоже действовала инстинктивно. Как только конь начал опрокидываться, она ловко вытащила из стремян обутые в сапоги ноги и с силой оттолкнулась от седла. Она упала на землю и перевернулась раз, другой, третий, в то время как жеребец рухнул всего лишь в нескольких дюймах от отважной наездницы.

Пока Беатрикс лежала неподвижно, обезумевшее животное билось, пытаясь встать на ноги. Копыта молотили по земле с сокрушительной силой. Кристофер поднял любимую на руки и отнес к противоположному краю загона, а Лео бесстрашно приблизился к разъяренному жеребцу и каким-то чудом сумел схватить повод.

Кристофер уложил невесту на землю и принялся старательно ощупывать и осматривать, проверяя, нет ли повреждений: провел ладонями по рукам и ногам, исследовал пальцами каждый сантиметр головы. Беатрикс дышала тяжело, со свистом.

Наконец она открыла глаза и недоуменно прищурилась.

— Что случилось?

— Лошадь взбрыкнула и упала, — хрипло ответил Кристофер. — Скажи, как тебя зовут?

— Почему ты спрашиваешь?

— Имя, — сурово приказал он.

— Беатрикс Элоиза Хатауэй. — Она посмотрела круглыми синими глазами. — А теперь, когда мы выяснили, кто я... скажи, кто ты такой?

Глава 20

Кристофер взглянул так испуганно, что Беатрикс фыркнула и озорно сморщила носик.

— Шучу, честное слово. Отлично знаю, кто ты. Все в порядке, не беспокойся.

За плечом Кристофера Лео покачал головой, предупреждая об опрометчивости несвоевременного легкомыслия, и красноречиво провел пальцем поперек горла.

Она слишком поздно поняла, что шутить не время. Событие, которое в их семье послужило бы хорошим поводом для смеха, привело Кристофера в неопишную ярость.

Он смотрел полными гнева глазами и — о, ужас! — оказывается, дрожал от страха и волнения.

Сразу стало ясно, что юмор сейчас вряд ли уместен.

— Прости... — начала она смиренно.

— Я просил больше никогда не садиться на эту лошадь и не пытаться ее объезжать! — зло рявкнул Кристофер. — И ты обещала!

Беатрикс внезапно обиделась. Она давно привыкла поступать по собственному усмотрению. Ну а что касается падения... ничего не поделаешь, происшествие далеко не первое и скорее всего не последнее.

— Ты не говорил конкретно об этом случае, — рассудительно возразила она. — Просто просил не подвергать себя опасности. По-моему, здесь никакой опасности нет.

Странно, но веский довод не успокоил, а лишь еще больше рассердил.

— Если принять во внимание то обстоятельство, что несколько минут назад Камелот едва тебя не расплющил, как сдобную булку, то ты глубоко заблуждаешься.

Беатрикс, однако, твердо решила одержать победу в принципиально важном споре.

— В любом случае обещание вступает в силу только после свадьбы. Кажется, пока еще мы не женаты.

Лео в отчаянии прикрыл глаза рукой, снова покачал головой и предпочел отвернуться.

Кристофер, в свою очередь, пронзил невесту уничтожающим взглядом, открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут же снова закрыл. Без единого слова он встал с колен и широким, размашистым шагом направился к конюшне.

Беатрикс села и с раздраженным недоумением посмотрела вслед.

— Он собирается уехать.

— Похоже на то. — Лео подошел к сестре, подал руку и помог встать.

— Кто позволил ему уйти в разгар ссоры? — возмутилась Беатрикс, короткими сердитыми движениями отряхивая пыльные бриджи. — Нельзя же просто развернуться и все бросить, надо довести выяснение отношений до конца.

— Если бы он остался, радость моя, — невозмутимо ответил Лео, — мне непременно пришлось бы оттирать его руки от твоей шеи.

Разговор прервался: оба молча смотрели, как Кристофер выехал из конюшни и пустил лошадь легким, грациозным галопом. В седле он держался невыносимо ровно и всем своим видом напоминал безупречно отточенное лезвие ножа.

Беатрикс покаянно вздохнула.

— Нехорошо получилось. Я пыталась отстоять независимость, а о его чувствах вовсе не подумала, — признала она честно. — Когда жеребец перевернулся, Кристофер, наверное, отчаянно за меня испугался.

— Наверное? — язвительно переспросил Лео. — Да на нем лица не было! Теперь у парня неизбежно начнется черная полоса — иначе эти припадки и не назовешь.

. — Я должна сейчас же пойти к нему.

— Сначала переоденься.

— Ради всего святого, Лео, только один-единственный раз!

— Никаких исключений, дорогая. Я хорошо знаю своих сестер. Дай вам палец, так вы руку откусите. — Он откинул назад ее рассыпавшиеся спутанные волосы. — И еще... не смей ходить одна.

— Мне не нужна дуэнья. Это скучно.

— Представь себе, функция дуэньи заключается именно в том, чтобы подопечной было скучно.

— Знаешь, в нашей семье любому, кто вызовется сопровождать, дуэнья нужна еще больше, чем мне.

Лео собрался возразить, однако лишь безнадежно махнул рукой. Происшествие само по себе удивительное: трудно было вспомнить хотя бы один-единственный случай, когда лорд Рамзи не сумел найти достойного возражения.

подавив улыбку, Беатрикс побежала к дому.

Кристофер простил невесту еще в дороге, даже не успев доехать до дома. Он понимал, что Беатрикс привыкла к неограниченной свободе, а потому сопротивлялась любым ограничениям ничуть не меньше своего дьявольского жеребца. Чтобы приучить будущую супругу к новым условиям, потребуется время — это он знал давно.

Но потрясение оказалось настолько серьезным, что не оставило на размышления ни времени, ни сил. Она слишком много для него значила. Нет, не так: в ней заключалась вся его жизнь. Душа не выносила даже мимолетной мысли о том, что с любимой может произойти нечто опасное. Шок при виде смертельной угрозы жестоко давил, неодолимая смесь ужаса и ярости взорвалась в душе и оставила после себя хаос. Нет, даже не хаос, а нечто более страшное: мрак. Серый, вязкий, глухой туман поглотил и уничтожил все звуки, все чувства, Сознание едва удерживалось в теле; казалось, одно неосторожное движение, и мир окончательно померкнет.

Подобная неестественная отчужденность время от времени угнетала его и на поле битвы, и в госпитале. Состояние не поддавалось ни прогнозам, ни лечению; оставалось одно: терпеливо ждать избавления.

Объявив экономке, что не желает никого видеть, капитан Фелан укрылся в молчаливом полумраке библиотеки, открыл буфет, обнаружил бутылку арманьяка и налил полный стакан.

Напиток оказался крепким, резким, перченым и с первого же глотка обжег горло. Лучше и не придумашь. Надеюсь, что холод в душе не выдержит огненной атаки, Кристофер проглотил первую порцию и налил вторую.

За дверью слышалось знакомое царапанье когтей по дереву. Он встал и пошел открывать. Альберт появился на пороге, безмятежно и дружелюбно помахивая хвостом.

— Ах ты, никчемное создание, — приветствовал Кристофер и наклонился, чтобы погладить. — Воняешь, как пол в грязной таверне. — Пес требовательно прижался к ладони; хозяин послушно присел на корточки и посмотрел с нескрываемой грустью. — Интересно, что бы ты сказал, если бы умел говорить? — спросил он. — Наверное, хорошо, что не умеешь. Для того и держат собак: никаких разговоров, только преданный взгляд и бесконечное пыхтение.

За спиной, возле двери, внезапно раздался голос:

— Надеюсь, это не то, чего ты ожидаешь...

Не понимая, что делает, Кристофер инстинктивно вскочил, обернулся и сжал тонкую нежную шею.

— ...от жены, — неуверенно закончила Беатрикс.

Кристофер застыл. Пытаясь прогнать наваждение, он глубоко вздохнул и крепко зажмурился.

Что же произошло?

Опомнившись, он понял, что стоит, схватив одной рукой Беатрикс за горло и пригвоздив к дверному косяку, в то время как вторая рука сжата в кулак и занесена для смертельного удара. До жестокого, трагического, непоправимого нападения оставался лишь краткий миг.

Кристофер с ужасом осознал усилие, которое потребовалось, чтобы разжать кулак и опустить руку. Ладонь на шее ощущала беззащитное тепло кожи, хрупкое биение пульса, осторожную попытку перевести дух.

Глядя в бездонные синие глаза, он почувствовал, как ярость отступает под натиском отчаяния.

Тихо выругался, резким движением убрал руку с шеи, подошел к столу и поднес к губам второй стакан арманьяка.

— Миссис Клокер предупредила, что ты просил не беспокоить, — заговорила Беатрикс. — Ну а я, разумеется, первым делом побеспокоила.

— Не приближайся ко мне сзади! — прорычал Кристофер. — Никогда!

— Следовало бы и самой это знать, впредь не забуду.

— Почему это?

— Потому что приходится часто иметь дело с дикими созданиями, которые так и норовят лягнуть — по поводу и без повода.

Кристоферу сравнение не понравилось.

— Какая удача: опыт с дикими животными служит хорошей подготовкой к замужеству.

— Нет, я вовсе не то имела в виду: хотела сказать, что следовало бережнее отнестись к твоим нервам.

— Нервы у меня отсутствуют! — рявкнул Кристофер.

— Извини. Можно назвать их как-нибудь по-другому. — Голос звучал так мягко и спокойно, что целая стая кобр, тигров, волков и барсуков сбилась бы в тесную кучу, положила бы головы на спины друг другу и задремала бы.

Сжав зубы, Кристофер хранил каменное молчание.

Вытащив из кармана платья что-то похожее на печенье, Беатрикс протянула угощение Альберту; тот с готовностью встал и подошел. Она подвела терьера к двери, жестом попросила выйти за порог и по-дружески предложила:

— Будь добр, проверь, что делается в кухне. Кажется, миссис Клокер собирается тебя покормить.

Альберт мгновенно исчез.

Беатрикс заперла дверь и подошла ближе. В платье цвета лаванды, с аккуратно собранными и тщательно заколотыми волосами, она выглядела свежей и женственной. Трудно было узнать недавнюю девушку в бриджах и с молотком в руках, а тем более бесстрашную всадницу на полудиком, необъезженном жеребце.

— Я ведь мог тебя убить, — сердито произнес он.

— Но не убил же.

— Мог поранить.

— И все-таки не поранил.

— О Господи, Беатрикс! — Не выпуская из руки стакан, Кристофер тяжело опустился в кресло возле камина.

Шелестя шелком, она пошла за ним.

— Вообще-то я не Беатрикс, а ее покладистая, тихая сестра-близнец. Беатрикс просила передать, что отныне всецело доверяет меня тебе. — Взгляд скользнул к бутылке. — Да, а еще ты обещал отказаться от крепких напитков.

— Мы ведь не женаты. — Кристофер понимал, что стыдно отвечать любимой ее же словами, однако не смог удержаться от искушения съязвить.

Беатрикс даже глазом не моргнула.

— Прости, мне очень жаль. Непростая доля — беспокоиться о моем благополучии. Сознаю, что я чересчур безрассудна, а к тому же склонна переоценивать собственные возможности. — Она опустила на пол у ног жениха и положила руки ему на колени. В серьезных синих глазах, окаймленных бархатными черными ресницами, читалось искреннее раскаяние. — И потом я не имела права разговаривать с тобой таким тоном, к которому привыкла с детства. В моей семье споры и препирательства считаются развлечением; мы забываем, что кто-то может отнестись к перепалке серьезно и даже обидеться. — Она провела пальцем по ноге, изображая какую-то

причудливую фигуру. — Но недостатки компенсируются немалыми достоинствами. Например, я ничего не имею против собачьей шерсти. А еще умею поднимать пальцами ног разные мелкие предметы — удивительно полезная способность.

Кристофер почувствовал, как оцепенение тает подобно весеннему льду. И дело было вовсе не в арманьяке; душу согревала Беатрикс.

Прелестная, непредсказуемая, неотразимая, обожаемая Беатрикс.

Но чем больше он оттаивал, тем менее уверенно себя чувствовал. Под тонким покровом самообладания зрело вожделение, мощное и непреодолимое.

Он поставил недопитый стакан на ковер и привлек любимую ближе — так что она оказалась между колен. Нагнулся и прильнул губами ко лбу, жадно вдыхая мучительно сладкий аромат жемчужной кожи. Потом снова откинулся на спинку кресла и пристально всмотрелся. Беатрикс выглядела ангельски невинной и такой кроткой, что, казалось, сахар у нее во рту не растает. Ах, мошенница, с нежностью подумал Кристофер и погладил узкую ладонь, которая без лишней скромности согревала бедро. Пытаясь совладать с желанием, он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Значит, твое второе имя — Элоиза. — проговорил он.

— Да, в честь средневековой французской монахини. Отцу нравились ее сочинения. Но прославилась она любовными письмами к Абеяру. — Лицо Беатрикс вспыхнуло радостью открытия. — Оказывается, я оправдала свое имя, разве не так?

— Известно, что история закончилась весьма печально: родственники Элоизы кастрировали Абеяра. Честно говоря, аналогия не слишком радует.

Беатрикс улыбнулась:

— Тебе беспокоиться не о чем.

Улыбка тут же погасла, а во взгляде мелькнула тревога.

— Я прощена?

— Зато, что подвергала себя неоправданному риску? Ни в коем случае. Ты мне слишком дорога. — Кристофер сжал тонкие пальцы и поднес к губам. — Мисс Хатауэй, в этом платье вы поистине прекрасны, и я несказанно дорожу восхитительным обществом, однако вынужден проводить вас домой.

Беатрикс не шелохнулась.

— Не раньше, чем конфликт разрешится.

— Конфликт уже разрешился.

— Нет, между нами до сих пор стена; я отчетливо ее ощущаю.

Кристофер покачал головой:

— Просто я немного... расстроен. — Он взял ее за локти. — Позволь, помогу встать.

Она не подчинилась.

— Нет, что-то все равно не так. Ты далеко.

— Я здесь, рядом.

Адское ощущение отстраненности не поддавалось описанию. Кристофер не знал, почему наваждение появлялось и почему исчезало. Опыт подсказывал, что, если набраться терпения и подождать достаточно долго, мучительная раздвоенность уйдет сама собой. А если когда-нибудь не рассосется и останется навсегда? О Боже! Какая жуткая перспектива.

Беатрикс смотрела вопросительно, но ладони не убирала, а вместо того чтобы встать, лишь приподнялась на коленях.

Губы мягко, призывно коснулись губ. Сердце его вздрогнуло, как будто внезапно вспомнило о своей главной обязанности — биться. Нежные горячие губы любимой дразнили, манили и провоцировали — так, как научил он сам. Влечение нарастало стремительно, с не поддающейся контролю скоростью. Кристофер чувствовал вес изящного гибкого тела, ощущал плавные линии фигуры, тонул в складках пышных юбок. Он перехватил инициативу и принялся целовать глубоко и жадно. Мечта обладать любимой превратилась в навязчивую идею. Беатрикс тут же обмякла и подчинилась; она уже знала, что покорность сводит с ума.

Он желал ее всю, целиком, мечтал удовлетворить не дающие покоя фантазии и порывы, но в то же время понимал, что она чересчур невинна даже для самого скромного из экспериментов. Прервав поцелуй, Кристофер отстранился и посмотрел на невесту с расстояния вытянутой руки.

Широко открытые глаза замерли в ожидании.

К огромному облегчению, Беатрикс освободилась из объятия и встала.

Однако уже в следующий миг она начала расшнуровывать корсаж.

— Что ты делаешь? — хрипло спросил он.

— Не беспокойся, дверь закрыта.

— При чем здесь дверь? Я... Беатрикс!

К тому моменту, как он вскочил на ноги, корсаж уже уступил усилиям ловких пальцев. В ушах зазвучала примитивная барабанная дробь.

— Беатрикс, я не настроен на девственные игры.

Она ответила наивным, бесхитростным взглядом.

— И я тоже.

— Рядом со мной небезопасно. — Он соединил раскрывшиеся половинки корсажа, а пока пытался хоть немного их зашнуровать, она уже приподняла подол платья: потянула, дернула, и нижняя юбка сползла на пол.

— Я умею раздеваться намного быстрее, чем тебе удастся меня одеть, — сообщила она.

Сжав зубы, Кристофер смотрел, как она ловко спустила платье ниже бедер и дальше на пол.

— Черт, ничего не получается! Руки не слушаются. — От напряжения у него на лбу выступили капли пота, а мышцы превратились в камень. — Того и гляди сорвусь.

Он боялся, что не сможет удержаться и нечаянно причинит ей боль. В первый раз следовало бы владеть собой в полной мере, заранее сняв невыносимую остроту страсти... пылкое нападение оказалось бы сродни прыжку дикого зверя.

— Понимаю. — Беатрикс вытащила из волос гребни, бросила на платье, встряхнула блестящими, как соболий мех, прядями и одарила взглядом, от которого едва не стало плохо. — Тебе кажется, что я наивна до глупости и не в состоянии сделать даже простейший вывод, но это не так. И близость мне нужна не меньше, чем тебе. — Она медленно расшнуровала корсет, сняла и положила на платье.

Боже милостивый, как же давно перед ним не раздевалась женщина! Кристофер не мог ни двигаться, ни говорить, а просто стоял оглушенный, безумный, мучимый неутолимым голодом и пожирал взглядом любимую.

Она заметила это и начала раздеваться еще медленнее, еще ленивее: сняла через голову тонкую сорочку и обнажила высокую, изящную грудь с похожими на цветы розовыми вершинками, склонилась, чтобы снять панталоны.

И вот наконец она предстала во всем великолепии наготы.

Несмотря на решимость и дерзость, неровный румянец выдавал волнение. Однако она не отводила глаз, внимательно наблюдая за реакцией того, кому мечтала принадлежать.

Трудно было представить создание более совершенное, более прекрасное. Тонкая, гибкая, в нежно-розовых чулках с белыми подвязками. Темные пряди закрывали плечи и спускались до талии. Аккуратный треугольник в развилке ног напоминал дорогой мех и волнующе контрастировал с фарфоровой кожей.

Кристофер почувствовал себя слабым и одновременно жестоким. Желание заставило забыть обо всем на свете, сохранив одну-единственную цель: проникнуть в таинственную глубину, овладеть восхитительным телом. Выбора не осталось: или немедленно сделать Беатрикс своей, или умереть на месте. Он не мог понять, зачем она намеренно толкала его к пропасти, почему не испытывала страха. Из горла вырвался странный гортанный звук. Кристофер не собирался двигаться, но каким-то образом, незаметно для самого себя, преодолел небольшое расстояние и схватил долгожданную добычу. Ладони лихорадочно гладили спину, а потом спустились к круглой упругой попе. Приподняв и прижав к себе ту, о которой так долго мечтал, он начал безумно целовать Беатрикс.

Она отдалась безоговорочно, позволив делать со своим телом все, что угодно. Не прерывая поцелуя, Кристофер раздвинул бедра, проник к интимным складкам и принялся настойчиво массировать — до тех пор, пока не ощутил на пальцах влагу. Беатрикс судорожно вздохнула и встала на цыпочки. Он крепко обнимал невесту и не переставал целовать.

— Позволь прикоснуться к тебе, — взмолилась она и попыталась расстегнуть одежду. — Пожалуйста!

Кристофер начал торопливо сдергивать жилет и рубашку, в спешке не замечая, как отрываются пуговицы. Обнажился до пояса и снова заключил возлюбленную в объятия. Оба

застонали и замерли: прижались друг к другу и уступили новым, неповторимым впечатлениям.

Кристофер легко донес Беатрикс до дивана и опустил на атласные подушки. Она легла в свободной позе: голова и плечи слегка приподнялись, а одна нога свесилась почти до пола. Кристофер поспешил оказаться рядом прежде, чем она успела сомкнуть ноги.

Провел ладонью по чулкам и обнаружил под рукой тонкий шелк. Прежде никогда не доводилось видеть розовые чулки; бывали только черные и белые. О, до чего же, оказывается, прекрасен розовый цвет! Он гладил стройные ноги, сквозь шелк целовал колени, снял подвязки и лизнул розовый след на коже. Беатрикс лежала неподвижно и дрожала, а едва почувствовав на ноге горячие губы, беспомощно заерзала. Откровенное движение бедер оказалось выразительнее слов.

Кристофер спустил чулки, а потом аккуратно, старательно снял. Опынев от страсти, посмотрел на прекрасное тело, отрешенное лицо, полузакрытые глаза, темные волнистые волосы. Руками раздвинул бедра и, вдыхая эротичный, интимный аромат, провел языком по бархатному треугольнику.

— Кристофер, — пробормотала она и сжала ладонями голову. Мысль о том, что он собирается делать, шокировала.

— Сама начала, — хрипло отозвался он, — а заканчивать придется мне.

Не давая возможности возразить, он склонился снова, поцелуями проложил путь в таинственную тьму, языком раздвинул складки. Беатрикс застонала и приподнялась навстречу, колени согнулись, а позвоночник превратился в гибкую дугу: казалось, она стремилась стать частью любимого, слиться в единое целое. Он толкнул вниз, заставил опуститься, прижал и властно заявил собственные права.

Мир сосредоточился в запахе и вкусе женщины — его женщины, чей тайный эликсир оказался более могущественным, чем вино, опиум, экзотические специи. В ответ на настойчивые движения языка она негромко застонала опять. В эти волшебные минуты каждый вздох принадлежал ему, каждый звук отдавался томительной тяжестью, каждое движение рождало новую вспышку огня. Он углубился в горячий омут и, околдованный влажным шелком, принялся медленно продвигаться, доводя возлюбленную до иступления.

Она замерла, отдаваясь горячим волнам, и сразу стало ясно, что в этот миг на свете не существовало ничего, кроме удовольствия, которое дарил первый в жизни мужчина. Кристофер заставлял принимать его снова и снова — до тех пор, пока неровное дыхание не превратилось в тихие вскрики. Оргазм оказался чистым, глубоким и продолжительным: Кристофер его слышал, чувствовал, пробовал на вкус.

Как только последний спазм стих, он оказался сверху и принялся целовать грудь, а она доверчиво обняла его за шею. Неопытное тело созрело и жаждало продолжения, ноги сами собой раздвинулись, чтобы принять любимого. Кристофер торопливо расстегнул брюки.

Самообладание осталось в прошлом, а на смену пришла острая боль вожделения. Он потерял нужные слова, не знал, как попросить, чтобы она не пыталась его остановить. Сопротивляться, сдерживаться не было сил. Посмотрев в лицо любимой, он тихо вопросительно произнес дорогое имя.

Беатрикс что-то промурлыкала и погладила по спине.

— Не останавливайся, — прошептала она. — Хочу тебя, люблю...

Прижалась, изогнулась, уступила откровенному, грубому, неотвратимому давлению.

Кристофер еще ни разу не встречался с девственницей, но почему-то всегда считал, что преодолеть воздвигнутую природой преграду не составит труда. Оказалось, однако, что не познавшие вторжения мышцы сжались и создали надежное ограждение. Пришлось силой преодолевать сопротивление невинности, заставив невесту судорожно вдохнуть и инстинктивно прогнуться. Он медленно продвигался вперед и старался действовать осторожно, чтобы не испугать, не оттолкнуть острой болью, в то время как естество рвалось вперед с одной целью: проникнуть в горячее лоно. К счастью, мудрая женственность скоро подсказала, что бесполезно сопротивляться неизбежному, и Беатрикс сумела расслабиться. Теперь голова ее покоилась на его руке, а лицо почти соприкасалось с твердым, как камень, бицепсом. Застонав от облегчения, он начал ритмично двигаться, не чувствуя ничего, кроме ослепляющего счастья близости, взаимного обладания, обоюдной ласки. Восторг победы налетел безоговорочно и безоглядно.

Кристофер не пытался продлить мгновение восторга. Пик пришел быстро и захватил целиком, а уже в следующий миг сменился долгожданным освобождением. Он благодарно сжал возлюбленную в объятиях, прикрыл собой, как будто стремился защитить от целого мира, но в то же время продолжал мощно, ровно двигаться.

Она растворилась в бесконечном блаженстве и без остатка погрузилась в теплые волны, а он продолжал прижимать ее к груди, успокаивать и убаюкивать. На глаза ему навернулись горячие слезы, и суровый, мужественный воин незаметно их вытер, уткнувшись лицом в атласную диванную подушку.

Лишь через несколько секунд стало ясно, что дрожит не Беатрикс, а он сам.

Глава 21

Время уплывало в счастливой тишине. Беатрикс неподвижно лежала в объятиях любимого и даже не пыталась протестовать против непривычной тяжести. Постепенно ощущения начали разделяться и приобретать ясность: тепло и вес его тела, запах пота, горячая густая влага в том месте, где они до сих пор оставались единым целым. Боль все еще давала о себе знать, но в то же время упругая полнота доставляла удовольствие.

Властная мужская хватка медленно ослабевала. Ладонь легла на волосы, губы прикоснулись к нежной коже на шее, сильная рука проникла под спину. Кристофер едва заметно вздрагивал, словно остывая от недавнего напряжения. Он слегка приподнял возлюбленную и нашел губами грудь. Ощувив нежное прикосновение, она тихо вздохнула.

Не размыкая объятий, он перевернулся так, что Беатрикс оказалась сверху. Его орудие любви уже покинуло лоно и теперь недвусмысленно прижималось к животу. Она подняла голову и заглянула в лицо, в серебристые, подернутые легким туманом глаза. Ощущать под собой большое разгоряченное мужское тело оказалось удивительно приятно. Внезапно представилось, что она его укротила, хотя на самом деле трудно было понять, кто одержал победу.

Беатрикс коснулась губами плеча — гладкая кожа напоминала муар, натянутый на твердый рельефный бицепс. Поискала шрам от штыка и прикоснулась языком к неровно

зарубцевавшейся коже.

— Ты не потерял самоконтроль, — прошептала она.

— Потерял, хотя и ненадолго. — Голос звучал глухо, словно после долгого глубокого сна. Кристофер собрал разметававшиеся по подушке ее блестящие волосы. — Ты действовала по плану?

— Хочешь знать, намеренно ли я тебя соблазнила? Нет, все произошло само собой, практически без моего участия. — Не услышав в ответ ни слова, Беатрикс подняла голову, сверху вниз посмотрела в его лицо и широко улыбнулась. — Наверное, считаешь меня блудницей?

Он провел пальцем по припухшей губе.

— Вообще-то думал о том, как переправить тебя наверх, в мою комнату. Но раз уж зашла речь... да, ты действительно блудница.

Беатрикс поймала палец зубами.

— Прости за то, что расстроила глупой выходкой. Впредь Камелота будет объезжать Кэм. Просто раньше мне никогда не приходилось отвечать за собственные действия, придется привыкать.

— Да уж, — согласился Кристофер. — Начиная вот с этой самой минуты.

Возможно, авторитарный тон заставил бы Беатрикс возмутиться, но опасный блеск в серых глазах остановил: Кристофер никак не мог смириться с попыткой женщины захватить власть.

Что ж, пусть так. Разумеется, невозможно подчиниться во всем, но в некоторых вопросах не грех и уступить.

— Обещаю впредь вести себя осторожнее, — заверила она.

Не то чтобы Кристофер улыбнулся, но все-таки губы слегка дрогнули. Он бережно уложил невесту на диван, собрал свою раскиданную по комнате одежду, порылся в карманах и достал носовой платок.

Беатрикс лежала, свернувшись калачиком, наблюдала за любимым и пыталась разгадать его настроение. Будущий супруг выглядел самым собой, и все же в облике сохранялась едва уловимая отстраненность, словно он что-то скрывал, не хотел делиться мыслями, опасался открыть душу. И это было даже сейчас, после счастливых минут первой близости.

Дистанция не возникла внезапно, а существовала постоянно, с самого начала. Познав тонкие струны израненной души, Беатрикс начала острее чувствовать стремление любимого закрыться, уйти в себя.

Кристофер подошел и протянул белоснежный кусочек батиста. Трудно было предположить, что после пережитых ощущений она не утратила способности краснеть, и все же, промокнув болезненную влагу, неожиданно для себя покрылась жарким пунцовым румянцем. Вид крови не испугал и даже не удивил, однако дал ясно понять, что в жизни произошли не просто серьезные, а необратимые изменения. Она больше не девственница. Неожиданно возникло странное чувство незащитности, уязвимости, одиночества.

Кристофер заботливо закутал ее в свою рубашку. Тонкое белое полотно хранило живое тепло и аромат дорогого тела.

— Надо одеться, причесаться и поскорее вернуться домой, — вздохнула Беатрикс. — Родные знают, что я пошла к тебе, да к тому же одна. Терпение может лопнуть даже у них.

— Останешься у меня до вечера, — ровным голосом приказал Кристофер. — Не позволю, чтобы ты примчалась, поступила со мной так, как считала нужным, и ушла, успешно справившись с заданием.

— Но день выдался непростым, — попыталась доказать Беатрикс. — Сначала упала с лошади, а потом, вся в синяках и ссадинах, соблазнила тебя.

— Не волнуйся, я обо всем позабочусь. — Кристофер строго посмотрел сверху вниз. — Или снова собираешься спорить?

Беатрикс постаралась изобразить покорность.

— Нет, сэр.

Господин и повелитель сдержанно улыбнулся:

— Более неуклюжую попытку послушания трудно представить.

— Значит, надо тренироваться. — Она обвила руками его шею. — Прикажи что-нибудь. Проверим, как я выполню задание.

Губы встретились, и в комнате надолго воцарилась тишина. Ладони Кристофера проникли под рубашку и принялись вызываяще ласкать до тех пор, пока она не прильнула страстно и откровенно, растаяв и ослабев от желания.

— Пойдем наверх, — скомандовал он. Легко, словно пушинку, подхватил невесту на руки и направился к двери.

Беатрикс испуганно напряглась.

— Собираешься нести меня в таком виде?

— Почему нет?

— Но ведь на мне только твоя рубашка.

— Какая разница? Поверни ручку.

— А вдруг слуги увидят?

В серых глазах мелькнуло лукавство.

— Забеспокоилась о приличиях? Открой же скорее дверь!

Она послушалась и крепко зажмурилась, чтобы не видеть ничего вокруг. Оставалось надеяться, что если кто-нибудь из слуг и заметит вольное поведение господ, то не скажет ни слова.

Кристофер поднялся на второй этаж, опустил Беатрикс на кровать в своей комнате и немедленно приказал принести ванну, горячую воду и шампанское; причем, несмотря на протесты, решил собственноручно искупать будущую жену.

— Неужели я должна просто сидеть, пока ты будешь делать то, с чем я могу прекрасно справиться сама?

Кристофер подошел к комоду, где уже появился серебряный поднос с бутылкой шампанского и двумя хрустальными бокалами. Наполнил один и протянул Беатрикс.

— Возьми. Будет, чем тебе заняться.

Она попробовала прохладный шипучий напиток и подняла глаза.

— Еще ни разу не приходилось пить шампанское днем, а тем более в ванне. Ты ведь не дашь мне утонуть, правда?

— Здесь при всем желании не утонешь. — Голый по пояс, с блестящей от пота грудью, Кристофер опустился на колени. — К тому же я рядом и не допущу, чтобы что-нибудь случилось. Видишь, ли, у меня на тебя грандиозные планы. — Он старательно намыл мочалку и с сосредоточенным видом приступил к делу.

С раннего детства Беатрикс привыкла мыться сама. Руки любимого дарили ощущение защищенности, заботы. Она лениво водила мокрым пальцем по его покрытым пеной рукам, рисуя причудливые узоры. Мочалка неторопливо гладила плечи и грудь, ноги и бедра. Но вот настал черед интимного уголка, и мирное спокойствие тут же улетучилось: настойчивые пальцы проникли слишком глубоко. Беатрикс вздрогнула, на миг потеряла равновесие и схватила соблазнителя за запястье.

— Не урони бокал, — пробормотал Кристофер, не убирая дерзкой руки.

Беатрикс сделала глоток и едва не поперхнулась.

— Хулиган! — возмутилась она и опустила ресницы; настойчивый палец обнаружил самое чувствительное место.

— Пей свое шампанское, — успокоил Кристофер.

Еще один глоток, и палец внутри начал поглаживать нежными круговыми движениями. Дыхание сбилось.

— Разве можно пить в таких условиях? — пожаловалась она, еще крепче сжимая бокал.

— Поделись со мной.

Она не без труда поднесла бокал к улыбающимся губам; не переставая ласкать и дразнить, Кристофер сделал глоток и склонился, чтобы в поцелуе передать вкус и аромат шампанского. Язык властно хозяйничал во рту, лишая остатков здравого смысла.

— Теперь выпей все, что осталось, — шепнул он. Ничего не понимая, она посмотрела подернутыми туманом глазами. Бедра начали сами собой подниматься и опускаться, вспенивая горячую мыльную воду. Тело горело и внутри, и снаружи, мечтая о грядущем наслаждении. — Допей, — повторил Кристофер.

Она послушалась, сделала глоток и конвульсивно проглотила. Заботливая рука тут же убрала бокал в безопасное место.

Свободной ладонью Кристофер поддержал голову и снова поцеловал.

Беатрикс схватилась за голое плечо и с трудом подавила стон.

— Пожалуйста, прошу. Этого мало, мне нужно...

— Потерпи, — шепотом перебил он. — Сам знаю, что тебе нужно.

Он убрал ласкающую руку и помог выйти из ванны. Беатрикс так ослабела, что с трудом держалась на ногах; колени подгибались. Кристофер обстоятельно ее вытер и, заботливо поддерживая, подвел к кровати.

Вытянулся сам рядом, привлек и покрыл поцелуями. Беатрикс извивалась, как кошка, жадно впитывала новые ощущения, познавала неведомые уроки — примитивный и вечный язык кожи, рук и губ. Каждое прикосновение несло обещание и вызов.

— Не борись, не пытайся силой схватить удовольствие, — прошептал Кристофер и снова проник в развилку бедер. — Позволь подарить несколько сладостных мгновений. — Ладонь настойчиво стиснула, а пальцы вонзились, чтобы играть, дразнить, волновать. Однако он не давал главного, а лишь уговаривал расслабиться, уступить, освободиться. Ощущение оказалось очень странным, очень непривычным: пришлось всецело отдаться на волю любимых рук, полностью отказаться от себя и своего тела. И все же она заставила себя это сделать. Положила голову на его руку, выпрямилась, раздвинула ноги. Оргазм налетел вихрем, закружив и сжав действительность до размеров той тайной точки, которую он ласкал.

Когда же наконец Беатрикс вынырнула из блаженного тумана, то первым делом увидела в глазах любимого неподдельную тревогу. Он озабоченно разглядывал ее обнаженный бок и легко касался огромного темного синяка — падение с лошади даром не прошло.

— Ничего страшного, — успокоила она. — Я постоянно хожу в синяках и ссадинах.

Довод, однако, должного действия не возымел. Кристофер строго сжал губы и покачал головой.

— Лежи смирно, сейчас вернусь.

Распоряжение можно было и не отдавать: двигаться совершенно не хотелось. Беатрикс добралась до подушки, уткнулась лицом в прохладную наволочку, вздохнула и погрузилась в дремоту — до тех пор, пока Кристофер снова не появился на кровати.

Он бережно приложил к больному боку маслянистую ладонь, и по комнате распространился терпкий травяной дух.

— О, как приятно пахнет. Что это?

— Гвоздичное масло. — Кристофер старательно втирал мазь в кожу. — Мы с братом провели в этой смазке все детство.

— Слышала о ваших приключениях, — улыбнулась Беатрикс. — Джон иногда рассказывал нам с Одри о том, как вы однажды стащили до обеда сливовый пирог, и о том, как ты на спор прыгнул с высокого дерева и сломал руку. Джон говорил, что ты просто не мог противостоять

вызову: стоило усомниться в способности что-нибудь сделать, как немедленно бросался доказывать обратное.

— Был дураком, — удрученно признался Кристофер.

— Брат называл тебя разбойником.

— А все потому, что уродился в отца.

— Ничего подобного. Джон по крайней мере так не считал. Он даже сказал, что тебя несправедливо сравнивали с отцом; на самом деле ты совсем на него не походил.

Кристофер слегка подтолкнул, и она послушно перевернулась на живот. Сильные и в то же время нежные руки старательно втирали бальзам: гвоздичное масло приятно охлаждало кожу.

— Джон старался в каждом найти положительные качества, — пробормотал Кристофер, массируя ее плечи, чтобы снять напряжение. — И потому порой он видел то, что хотел увидеть, а не то, что было на самом деле.

Беатрикс нахмурилась.

— Но я тоже нахожу в тебе немало положительных черт.

— Только, пожалуйста, не поддавайся напрасным иллюзиям. Не забывай, что, согласившись выйти за меня замуж, обрекаешь себя на серьезные испытания. Ты сама не понимаешь, в какую ситуацию попала.

— Ты прав. — Беатрикс с наслаждением потянулась: любимый как раз гладил спину и бережно проводил ладонями по позвоночнику. — В данную минуту меня пожалела бы любая женщина.

— Одно дело — провести со мной полдня в постели, — угрюмо заметил Кристофер. — И совсем иное — постоянно жить с сумасшедшим.

— О, жизнь среди сумасшедших ничуть меня не пугает: не следует забывать, что я выросла в семье Хатауэев. — Руки добрались до мягкой округлости ягодиц, и она умиротворенно вздохнула. Боль от ушибов отступила, мышцы расслабились, а кожу приятно пощипывало. Беатрикс обернулась, взглянула через плечо и увидела серьезное, сосредоточенное лицо. Внезапно захотелось подразнить, заманить в игру, вызвать улыбку.

— Ты пропустил одно место, — заявила она.

— Какое?

Беатрикс приподнялась, повернулась и перебралась в ту часть кровати, где Кристофер все еще стоял на коленях. Сейчас он был в бархатном халате, полы которого немного разошлись и представили заинтересованному взгляду великолепное бронзовое тело. Беатрикс обняла его за шею и поцеловала.

— Внутри, — прошептала она. — Вот где необходимо смазать.

В уголках губ появилась сдержанная, неохотная улыбка.

— Для этого мазь слишком сильна.

— Неправда, как раз будет очень приятно. Давай покажу. — Она ловко дотянулась до банки с мазью и окунула пальцы. Комнату наполнил пряный аромат гвоздичного масла. — Только не двигайся.

— Еще чего! — возмущенно воскликнул Кристофер и попытался схватить ее запястье.

Ловко и гибко, словно хорек, Беатрикс увернулась раз, другой и потянулась к поясу.

— Ты меня вымазал с головы до ног, — сквозь смех проговорила она. — Трус! Теперь твоя очередь.

— Ни за что. — Он поймал ее, схватил и — о, чудо! — негромко, но искренне рассмеялся.

Беатрикс не сдавалась: барахталась, сопротивлялась до тех пор, пока возлюбленный не уложил ее на спину, прижав запястья ладонями.

Пояс на халате не выдержал возни и развязался; обнаженные тела вновь оказались рядом.

Мерцающие серебристо-черные глаза не отрываясь смотрели в бездонную синеву. Беатрикс и так уже обессиленна от смеха, а теперь, увидев полный любви и восхищения взгляд, окончательно потеряла голову. Кристофер склонился, поцеловал ее, а потом лизнул в губы, как будто хотел попробовать на вкус улыбку.

Отпустил запястья и лег на бок, даже не пытаясь прикрыть разошедшиеся полы.

Беатрикс взглянула вопросительно и слегка пошевелила пальцами.

— Хочешь, чтобы я... прикоснулась?

Он продолжал молча смотреть в глаза.

Смущение боролось с любопытством; она протянула руку и осторожно дотронулась. Прохладное гладкое масло легло на напряженную, разгоряченную плоть, и от неожиданности оба слегка вздрогнули.

— Вот так? — шепотом уточнила Беатрикс и нежно погладила.

Кристофер порывисто вздохнул и опустил ресницы, но не попытался ее остановить.

Она провела пальцами по темной глянцевой поверхности и скользнула вниз, к основанию тяжелого, напряженного мужского естества, уступая новым впечатлениям с робким восхищением. Он терпеливо позволял ласкать и исследовать, но не мог сохранить спокойствие: грудь неровно вздымалась от учащенного дыхания, а кожа приобрела лихорадочный оттенок. Ошеломленная готовой вырваться на свободу силой, Беатрикс погладила бедра и провела ладонями по мускулистым, твердым как камень ногам. Почувствовала под пальцами упругие блестящие волоски и вернулась туда, откуда начала путь. Бережно приняла в ладонь теплую тяжесть, а потом обеими руками сжала клинок.

Кристофер не выдержал. С гортанным возгласом стряхнул с плеч халат, отшвырнул в сторону и схватил искусительницу за бедра. Она с волнением встретила требовательный, жадный взгляд, прочитала в выражении лица первозданное стремление к обладанию. А в следующий миг он привлек ее к себе на колени и безжалостно вонзился в саднящую глубину, заставил сесть верхом и принять до конца, до основания. Проникнув далеко и глубоко, он причинил новую

боль, и все же неповторимое чувство близости и полноты затмило неприятные ощущения.

Кристофер замер, не сводя с нее испепеляющего взгляда.

Через пару секунд гвоздичное масло оказало свое благотворное воздействие и внутри: пряная свежесть успокоила раздраженную плоть и в то же время разбудила чувственность. Беатрикс беспокойно пошевелилась, и тогда любимый опрокинул ее на спину и приподнялся.

— Кристофер...

Она уже не могла смириться и отступить, не могла остаться в одиночестве, а потому непрерывно ерзала и старалась подняться выше. С каждым беспомощным движением он подтягивал ее бедра все ближе к своим. Крепко сжав ногами, играл, скользя пальцами по тому самому месту, в котором женское начало соединилось с мужским, и ни на миг не прекращал безжалостного, упрямого наступления.

— Сдаюсь, — пробормотала Беатрикс. — Больше не выдержу.

— Никуда не денешься, придется. — Кристофер властно привлек возлюбленную и поцеловал.

— Сжался, позволь пройти весь путь.

— Еще рано. — Он провел ладонями по спине. — Ты так прекрасна, так чувственна. Я готов любить тебя вечно и бесконечно.

— Кристофер...

— Позволь еще раз поднять на вершину блаженства.

— Нет, больше не могу. Сил не осталось. — Она слегка сжала зубами его нижнюю губу. — Умоляю, доведи дело до конца.

— Рано.

— Что ж, в таком случае придется принять меры.

— Какие именно?

Беатрикс посмотрела в прекрасное дерзкое лицо, в светящиеся вызовом глаза. Подчиняясь ровному ритму толчков, склонилась к уху.

— Люблю тебя, — прошептала она, отдаваясь скачке. — Люблю тебя.

Ничего иного и не потребовалось. Кристофер со стоном замер и что было силы прижал возлюбленную к груди, чтобы вместе пережить миг освобождения, излить в долгожданное лоно годы одиночества и тоски. А она продолжала нежно ворковать, обещая любовь, гармонию, радость, новые мечты.

Обещая вечность.

Глава 22

Лондонский сезон подошел к концу, и бомонд разъехался по загородным поместьям, чтобы продолжить увеселения на свежем воздухе. Балы, обеды и танцы сменяли друг друга в бесконечном калейдоскопе; егеря готовились выпустить заранее приготовленных к отстрелу фазанов и куропаток; слуги тщательно чистили и смазывали ружья, конюхи придирчиво осматривали седла и сбрую; дворецкие заботились о своевременной доставке из портов Бристоля и Лондона лучших вин и изысканных деликатесов.

В Гемпшире самым желанным событием осени считалось приглашение в Рамзи-Хаус, где в середине сентября планировалось торжественное оглашение помолвки Беатрикс Хатауэй и Кристофера Фелана. Обычно проводимые в доме лорда Рамзи мероприятия неизменно пользовались благосклонным вниманием соседей, но в этот раз интерес превзошел самые смелые ожидания. Все, кого пригласили, немедленно ответили безоговорочным согласием, а те, кого не пригласили, прислали письма с просьбой, а порой и с настойчивым требованием исправить досадную оплошность.

Хатауэй считали, что всплеск энтузиазма вызван исключительно тем обстоятельством, что на торжестве ожидалось присутствие прославленного героя. Ну а сам Кристофер, с его неистребимой ненавистью к шуму и вниманию толпы, не скрывал мрачного отношения к предстоящему испытанию.

— Согласись, — заметил Лео, — забавно, что тот из нас, кто меньше всех склонен к светской жизни, привлекает к своей персоне самое острое внимание.

— Отстань, Рамзи, — проворчал Кристофер, и Лео хитро улыбнулся.

Однако выражение «тот из нас», произнесенное с естественной легкостью, словно между прочим, согрело сердце. Отношения с будущим шурином постепенно приобрели дружескую непринужденность, которой Фелану отчаянно не хватало после смерти Джона. Хотя никто и никогда не смог бы заменить брата, общество новых родственников доставляло Кристоферу искреннюю радость. Так, во всяком случае, обстояло дело с Лео и Кэмом. Оставалось выяснить, распространится ли взаимная симпатия на Меррипена.

Меррипен вместе с женой Уиннифред (родные звали ее Уин) и маленьким сыном вернулся из Ирландии первого сентября. Не склонные сдерживать чувства Хатауэй радовались открыто и бурно. Кристофер скромно стоял в сторонке, возле окна, и с интересом наблюдал за шумным воссоединением большого семейства. Казалось, пылким объятиям, радостным возгласам и бесконечным вспышкам счастливого смеха не будет конца. Кэм встретил брата медвежьей хваткой и тяжеловесными хлопками по спине. Соскучившись по родному языку, оба сразу перешли на цыганский.

Еще до войны Кристоферу довелось несколько раз встретиться с Меррипеном, однако в памяти остались лишь общие черты: крупная массивная фигура и солидное, немногословное спокойствие. Кто бы мог предположить, что судьба преподнесет столь колоритного родственника?

Уин оказалась стройной изящной леди с большими голубыми глазами и пышными светлыми волосами. От сестер ее заметно отличала почти эфемерная хрупкость. Оставив столпившихся посреди комнаты родственников, она подошла к Кристоферу и уверенно протянула руку.

— Капитан Фелан, рада считать вас моим братом. До сих пор мужчины в нашей семье оставались в меньшинстве: четверо против пяти женщин. С вашим приходом нас стало ровно десять: пять на пять.

— А я все равно ощущаю давление большинства, — вставил Лео.

Меррипен подошел, пожал руку и оценивающе взглянул.

— Кэм говорит, что для гаджо ты не так уж и плох, а Беатрикс утверждает, что любит тебя. Данные обстоятельства перевешивают сомнения и склоняют к согласию на свадьбу. Но окончательное решение пока не принято.

— В свою защиту могу сказать, что вместе с молодой супругой готов принять всех ее животных, — с серьезным видом заявил Кристофер.

Меррипен на секунду задумался.

— Что ж, раз так, забирай.

За обедом беседа поначалу текла бурно, то и дело перескакивая с одной животрепещущей темы на другую, но как только разговор зашел об Ирландии и поместье, которое вскоре предстояло унаследовать Меррипену, лица заметно помрачнели.

Примерно за десять лет до этого Ирландия пережила жестокий голод, вызванный катастрофическим неурожаем картофеля. Страна до сих пор не оправилась от тяжелых последствий трагедии. Правительство Англии предложило лишь минимальную помощь в виде временных мер, полагая, что постепенно проблема разрешится естественным образом.

И без того бедная Ирландия окончательно обнищала. Начались жестокие эпидемии. Целые семьи умирали в глинобитных хижинах, а то и прямо на дороге. Землевладельцы, подобные лорду Кавану, согнали с земли бедствующих арендаторов и затеяли бесконечную войну с теми, кто остался. Так зародилась смертельная вражда, кровавые последствия которой трудно было предсказать.

— И земля, и арендаторы долгие годы оставались в забвении, — печально поведал Меррипен. — Дед слишком увлекся недвижимостью в Англии и не задумывался ни о поддержании хозяйства, ни о помощи людям. Дренажные системы на полях отсутствуют, о механизации труда по обработке земли никто не слышал и не интересовался. Отсталые арендаторы знают лишь самые примитивные методы ведения фермерского хозяйства, а живут в грубых, обмазанных глиной хижинах. Почти всю скотину давно пришлось продать, чтобы заплатить за аренду. — Меррипен задумался; и без того печальное лицо еще больше потемнело. — Накануне возвращения в Стоуни-Кросс я встретился с Каваном. Он отказывается выделить хотя бы шиллинг на помощь тем, кто непосредственно от него зависит.

— Сколько он еще протянет? — уточнила Амелия.

— Меньше года. — Меррипен пожал плечами. — Хорошо, если переживет Рождество.

— После смерти деда ничто не помешает инвестировать унаследованное состояние в развитие хозяйства, — вступила в разговор Уин.

— Но потребуются не только деньги, — возразил Меррипен. — Первым делом придется заменить убогие лачуги приличными домами и научить крестьян по-новому возделывать землю. Для работы необходимо абсолютно все: механизмы, топливо, скот, семена... — Он помолчал и смерил Кэма непроницаемым взглядом. — Поверь, фрал, то, что нам удалось сделать с поместьем Рамзи, — детская игра.

Роуэн рассеянно накрутил на палец прядь длинных темных волос.

— Подготовку надо начинать не откладывая, прямо сейчас, — высказал он свое мнение. — Мне потребуется вся доступная информация о финансах и активах Кавана. Кое-что из его — твоей — недвижимости в Англии можно будет продать, чтобы получить достаточный капитал. Придется серьезно оценить потребности и установить приоритеты. Сделать все сразу не удастся.

— Это непомерная задача, — категорично заявил Меррипен.

По возникшему за столом ошеломленному молчанию Кристофер понял, что далеко не каждый день Меррипен называл возникшую задачу непомерной.

— Я тебе помогу, фрал, — уверенно произнес Кэм, не отводя спокойного, твердого взгляда.

— Чем дольше вас слушаю, тем отчетливее возникает неприятное чувство, — заметил Лео. — Кажется, мне придется управлять Рамзи в одиночку, а вы целиком сосредоточитесь на спасении Ирландии.

Беатрикс с улыбкой посмотрела на Кристофера.

— В этом смысле наша ситуация намного спокойнее, правда? — прошептала она.

Он и сам думал о том же.

Меррипен перевел острый взгляд на будущего родственника.

— Теперь, после смерти брата, тебе предстоит унаследовать Ривертон.

— Да. — Губы Кристофера изогнулись в насмешливой улыбке. — Джон с детства готовился принять ответственность, а на меня обязательства свалились неожиданно-негаданно. А ведь единственное, что мне удастся, — это стрелять во врагов и рыть окопы.

— Не скромничай. Ты отлично умеешь организовывать людей, — возразил Меррипен. — Знаешь, как составить и осуществить самый сложный, запутанный план. Обладаешь способностью трезво оценить степень риска и при необходимости принять испытание. — Он бросил на брата беглый взгляд. — Затеяв преобразования в Рамзи, мы сказали себе, что любая ошибка пойдет на пользу: только таким способом можно чему-нибудь научиться.

В этот вечер Кристофер ясно осознал, насколько близки ему мужчины большой сплоченной семьи — даже несмотря на колоссальную разницу в происхождении и воспитании. Все они боролись с быстро изменяющимся миром и принимали вызовы, которых не ожидали. Общество разваливалось на части и подвергалось испытаниям; прогнившая иерархия распадалась; власть переходила в незнакомые и не всегда надежные руки. Ничего не стоило позволить себе соскользнуть в бесполезное существование, но можно было совершить волевое усилие и пойти вперед, чтобы приблизить рождение нового мира. Возможности открывались интригующие и в то же время крайне утомительные — это нетрудно было заметить как по лицу Меррипена, так и по лицам остальных. И все же никто не собирался уклоняться от долга совести и избегать трудностей.

Кристофер посмотрел на сидевшую напротив невесту. Ах, эти глаза... синие, как полночное небо, невинные и одновременно мудрые, пронзительные и проницательные. В характере Беатрикс сочетались, казалось бы, противоположные черты: с одной стороны, умение владеть

собой, сосредоточенность и серьезность, а с другой — почти детская непосредственность и склонность к игре. Она отличалась редким умом, обладала острой интуицией и в то же время оставалась забавной, смешной, наивной. Общение с непредсказуемой красавицей превращалось в череду неожиданных, удивительных открытий.

В свои двадцать девять Кристофер был всего на шесть лет старше Беатрикс, но ощущал себя глубоким стариком, познавшим темные стороны жизни, а потому, неизменно стремясь к любимой, старался скрыть худшее из того, что довелось увидеть, и сделать так, чтобы не ранить чувствительную душу.

После того знаменательного дня две недели назад, когда Беатрикс пришла в Фелан-Хаус после падения с лошади, они ни разу не были близки. Кристофер решил не пользоваться беззащитной пылкостью любимой и до дня свадьбы сохранить платонические отношения. Однако эротические воспоминания не оставляли в покое. Беатрикс принесла ни с чем не сравнимые впечатления и переживания. Те женщины, с которыми доводилось встречаться раньше, одаривали легким, ни к чему не обязывающим наслаждением, не имеющим ничего общего с откровенной страстью Беатрикс.

Кристофер считал возлюбленную слишком чистой и невинной, слишком возвышенной и утонченной, но в то же время желал жадно и безоговорочно, а потому упорно отгонял неприятные мысли. Да, он возьмет на себя ответственность за счастье и благополучие мисс Хатауэй и сумеет оградить любимую от страданий вопреки любым посланным судьбой испытаниям.

А в случае необходимости защитит и от себя самого.

Из главной гостиной внезапно донесся душераздирающий вопль, и многочисленные гости, собравшиеся на званый вечер в Рамзи-Хаусе, испуганно замолчали.

— Что это, черт возьми? — сурово нахмурился дед Кристофера, лорд Аннандейл. Он удобно устроился на диване в семейной гостиной, а джентльмены и даже дамы по очереди подходили, чтобы засвидетельствовать благородному старцу глубокое почтение. Долгое путешествие из Лондона в Гемпшир оказалось крайне утомительным и совсем не способствовало улучшению настроения. В результате Аннандейл ни на шаг не отпускал от себя Одри Фелан, вместе с которой приехал из Лондона.

Кристофер заметил полный скуки и тоски взгляд невестки и с трудом спрятал улыбку. Одри заметно тяготилась ролью преданной внучки: несмотря на прекрасные отношения с дедом покойного супруга, день, проведенный в тесноте экипажа наедине со старым чудачком, трудно было безоговорочно назвать приятным.

— Что за дикий крик на званом вечере? — не унимался Аннандейл.

Кристофер постарался сохранить невозмутимость и нейтральное выражение лица. Поскольку дело происходило в доме Хатауэев, приключиться могло все, что угодно.

— Сейчас выясню, — с готовностью подскочила Одри, мечтая хотя бы ненадолго освободиться от наскучившего дежурства.

— Нет, останься здесь. Вдруг мне что-нибудь понадобится?

Одри подавила вздох.

— Хорошо, милорд.

Беатрикс появилась в комнате и, лавируя между группами гостей, подошла к жениху.

— Твоя матушка только что встретилась с Медузой.

— Это кричала мама? — изумился Кристофер.

— В чем дело? — потребовал разъяснений лорд Аннандейл. — Что произошло с моей дочерью? Она кричала?

— Боюсь, что так, милорд, — подтвердила Беатрикс извиняющимся тоном. — Дело в том, что на ее пути случайно оказалась моя домашняя ежиха, которой не вовремя вздумалось покинуть вольер. — Она взглянула на Кристофера и невозмутимо пояснила: — Раньше лишний вес не позволял Медузе перебраться через стенку вольера. Кажется, новая система упражнений приносит ощутимую пользу.

— А иголки в ход пошли? — уточнил Кристофер, всеми силами стараясь сохранить серьезное выражение лица.

— О нет. К счастью, обошлось без травм, но Амелия все же повела леди Фелан в одну из спален: к сожалению, от знакомства с Медузой у нее разболелась голова.

Одри сокрушенно закатила глаза.

— Обычное состояние.

— Но зачем ты, милочка, держишь дома ежа? — сурово осведомился Аннандейл.

— В природе Медуза не выживет, милорд. Брат спас ее совсем маленьким ежонком, а разыскать мать нам, к сожалению, не удалось, так что все заботы по воспитанию взяла на себя я. Если за ежами правильно ухаживать, они становятся замечательными членами семьи. — Она замолчала и посмотрела на старика с нескрываемым интересом. — О Боже, так вы, оказывается, орел?

— Что-что? — настороженно прищурился тот.

— Орел. — Беатрикс внимательно вгляделась. — У вас такое поразительное лицо! Даже отдыхая, вы излучаете энергию и силу. А еще вы любите наблюдать за людьми. Оцениваете их молниеносно, с первого взгляда, правда? И несомненно, никогда не ошибаетесь.

Опасаясь, что дед обидит невесту неосторожным ответом, Кристофер собрался вмешаться, однако, к немалому удивлению, под восхищенным взглядом молодой красивой леди граф расцвел и заулыбался.

— Так и есть, — подтвердил он. — Действительно, ошибаюсь редко.

Одри снова закатила глаза.

— Кажется, вам немного прохладно, милорд, — заметила Беатрикс. — Должно быть, сидите на сквозняке. Минуточку. — Она вышла из комнаты, а вскоре вернулась с темно-синим шерстяным пледом и заботливо укутала старика.

В комнате было очень тепло, а о сквозняке не могло быть и речи, однако лорд Аннандейл

принял плед с искренней благодарностью. Вспомнив духоту в лондонском доме деда, Кристофер подумал, что достаточно просторная семейная гостиная и в самом деле могла показаться уютной. Но оставалось тайной, каким образом о зыбкости старика догадалась Беатрикс.

— Одри, — попросила мисс Хатауэй таким тоном, словно молила об одолжении, — позволь, пожалуйста, посидеть рядом с графом.

— Ну, если ты так настаиваешь... — Одри подпрыгнула, словно на пружине.

Прежде чем занять почетное место, Беатрикс деловито заглянула под диван, вытащила сонную серую кошку и водрузила лорду на колени.

— Вот так. Лучшая грелка — это кошка. Ее зовут Счастливица. Если погладите, сразу начнет мурлыкать.

Старик смотрел молча, с непроницаемым выражением, а через секунду, к удивлению внука, действительно провел рукой по густому пушистому меху.

— У нее не хватает лапы, — констатировал он.

— Да, сначала я хотела дать ей имя Нельсон, в честь однорукого адмирала, но она же не мужчина. Счастливица жила у сыродела, а потом угодила в мышеловку и пострадала.

— А почему именно Счастливица?

— Порой имя меняет судьбу.

— Ну и что же, помогло?

— Как видите, лежит на коленях у графа, — невозмутимо заметила Беатрикс, и лорд от души расхохотался.

Успокоившись, он осторожно дотронулся до уцелевшей лапы.

— Хорошо, что ей удалось приспособиться к новому состоянию.

— О, Счастливица у нас настоящая героиня: проявила завидную твердость характера, — уважительно пояснила Беатрикс. — Вы бы видели бедняжку сразу после ампутации! По привычке пыталась ходить на отсутствующей лапе и даже прыгать с кресла, но тут же падала. А однажды она проснулась и поняла, что состояние уже не изменить, и вскоре обрела прежнюю проворность. И уверенность движений постепенно вернулась. — Беатрикс секунду помолчала и многозначительно заметила: — Секрет заключается в том, чтобы забыть о потере и научиться жить с тем, что осталось.

Аннандейл посмотрел на собеседницу с нескрываемым восхищением.

— Какая же вы умница!

Кристофер и Одри обменялись заинтересованными взглядами, а Беатрикс с графом продолжали непринужденный дружеский разговор.

— Мужчины попадают под обаяние Беатрикс с первой секунды знакомства, — вполголоса заметила Одри. В обычно грустных глазах искрился смех. — Как по-твоему, деду удастся

устоять?

— Разумеется. Ему никто не нравится.

— А как насчет молодых леди, которые льстят тщеславию и на лету ловят каждое слово?

Кристофер заглянул в сияющее лицо невесты. Нет, старик не станет исключением из общего правила. Беатрикс умела смотреть на собеседника с неотрывным вниманием — так, как будто интереснее этого человека не существовало никого на свете.

— Не могу понять, почему она до сих пор не вышла замуж, — пожал плечами Кристофер.

— Аристократов отпугивало семейство Хатауэев. К тому же, хотя джентльмены приходят от Беатрикс в восторг, жениться на необычной девушке не спешат. Тебе и самому это отлично известно.

Стрела попала в цель, и Кристофер нахмурился.

— Узнав ее ближе, я сразу признал собственное заблуждение.

— Тем больше тебе чести, — ответила Одри. — Дело в том, что ты просто не имел возможности взглянуть без предубеждения. У Беатрикс была масса поклонников, но на ответственный шаг никто из них не решался. Вот, например, мистер Чикеринг. Едва ли не на коленях умолял отца позволить открыто ухаживать за мисс Хатауэй, но тот категорически запретил и даже пригрозил лишить наследства. С тех пор бедняга поклонялся издали и при каждой возможности бросался отчаянно флиртовать, зная, что все напрасно.

— Прошли эти дни, — сердито отозвался Кристофер. — Если он хоть раз снова окажется возле моей...

Одри покачала головой:

— Осторожнее. Ревность в наши дни не в моде. Современному мужу необходимо умение снисходительно взирать на заинтересованное внимание к собственной супруге.

— Лучше я снисходительно выброшу этого типа в окно! — рявкнул Кристофер, и Одри не смогла удержаться от смеха. Должно быть, приняла угрозу за шутку. Ради безопасности Кристофер решил перевести разговор в другое, более нейтральное русло. — Рад снова видеть тебя в обществе, — тепло и искренне заметил он.

Всю свою недолгую замужнюю жизнь Одри провела в заботах о Джоне, которому вскоре после свадьбы поставили страшный диагноз — туберкулез. А потом пришлось пережить смерть дорогого человека и долгий одинокий период траура. Молодая вдова заслужила свою долю радости, а главное, возможность приятного, согревающего душу и сердце общения.

— Отдаешь ли ты предпочтение кому-нибудь из джентльменов?

Одри насмешливо сморщила носик.

— Хочешь сказать, из числа тех, кого мои братья еще не успели отпугнуть? Нет, в том смысле, который вкладываешь ты, мне никто не нравится. Видишь ли, учитывая солидные размеры приданого, можно было бы выбирать из огромного числа охотников за состоянием. Но шансы на успех серьезно снижает одно неприятное обстоятельство: я бесплодна.

— Неужели? Откуда такая уверенность?

— Три года брака с Джоном, а детей нет. И даже неудачной беременности не было. В подобных случаях вину неизменно возлагают на женщину.

— Позволь не согласиться. Далеко не всегда ответственность за отсутствие потомства несет жена: это доказано. Подумай сама: почти все время Джон проболел. Вполне разумно надеяться, что у тебя родятся дети от другого мужчины.

Одри грустно вздохнула.

— Время покажет, что приготовила судьба. Должна признаться: замуж пока не рвусь. Устала страшно. Я чувствую себя не на двадцать пять, а на все девяносто.

— Состояние постепенно изменится, — заверил Кристофер. — Время свое возьмет: в один прекрасный день ты почувствуешь себя новым человеком.

— Возможно, — неуверенно согласилась Одри.

Тем временем беседа Беатрикс с лордом Аннандейлом заметно оживилась.

— Умею лазать по деревьям не хуже любого из лесников Рамзи! — пылко заверила мисс Хатауэй.

— Не верю, — провозгласил чрезвычайно заинтригованный граф.

— И напрасно! Долой юбки, долой корсет: бриджи и рубашка позволяют делать что угодно!

— Беатрикс, — вмешалась Одри, опасаясь, что скандальное обсуждение еще и нижнего белья зайдет слишком далеко. — Я только что заметила в соседней комнате Поппи. Давным-давно с ней не встречалась и до сих пор не знакома с супругом.

— О! — Беатрикс неохотно прервала увлекательный разговор. — Хочешь, чтобы я отвела тебя к ним?

— Да. — Одри решительно схватила подругу за руку.

Лорд Аннандейл откровенно расстроился; густые черные брови обиженно сошлись у переносицы.

Кристофер подошел к деду.

— Ну и как она тебе?

Граф ответил без тени сомнения:

— Будь я на пять лет моложе, женился бы сам.

— На пять? — скептически усмехнулся Кристофер.

— Ну хорошо, на десять, черт тебя подери. — Утомленное лицо осветилось улыбкой. — Поздравляю с прекрасным выбором. Одухотворенная девочка. Бесстрашная. По-своему прелестна, а с подобным обаянием настоящая красота и не нужна. Конечно, придется крепко держать на поводу, но игра стоит свеч. — Он задумался; очевидно, погрузился в

воспоминания. — Если хотя бы раз в жизни повстречаешь подобное чудо, обычной женщиной уже никогда не удовлетворишься.

Кристофер собрался было оспорить реплику насчет настоящей красоты — по его мнению, прекраснее Беатрикс нет никого на свете. Но последняя фраза отвлекла.

— Ты говоришь о бабушке? — уточнил он.

— Нет. На твоей бабушке я женился потому, что считал ее достойной партией. А любил другую, менее подходящую девушку, с которой, к своему вечному сожалению, расстался. — Он печально вздохнул. — Долгая жизнь прошла в разлуке...

Кристоферу хотелось узнать как можно больше, но здесь и сейчас разговор на подобную тему был бы неуместен. Хорошо, что удалось мельком заглянуть в душу деда и обнаружить неожиданные и в то же время понятные чувства. Каково это, любить Беатрикс, а жениться на Пруденс? При таком жизненном раскладе кто угодно затоскует.

Вечер продолжался своим чередом. Появились подносы с шампанским, и гости с нетерпением ожидали торжественного объявления о помолвке.

К сожалению, человек, которому предстояло выполнить почетную функцию, неожиданно исчез в неизвестном направлении.

После коротких, но активных поисков Лео наконец обнаружили и вернули в зал. Лорд Рамзи произнес обворожительный тост и перечислил ряд веских, убедительных и в то же время забавных причин для свадьбы. Большинство собравшихся слушали с неослабным вниманием и не переставали удовлетворенно кивать и посмеиваться, однако Кристофер услышал, как неподалеку шептались две сплетницы:

— ...Рамзи нашли в темном углу с женщиной. Не поверите: с трудом удалось заставить лорда прекратить флирт и присоединиться к обществу.

— И с кем же он флиртовал?

— С собственной женой!

— Что за моветон!

— Представить невозможно! Не пристало супружеской паре так откровенно вести себя на людях!

— Думаю, Хатауэи понятия не имеют о правилах хорошего тона.

Кристофер с трудом сдержал улыбку и подавил искушение обернуться и сообщить квохчущим курицам, что на самом деле Хатауэи отлично знакомы с этикетом, просто... не считают нужным принимать во внимание косные предрассудки. Он посмотрел на Беатрикс, пытаясь понять, слышала ли она пересуды, но невеста целиком сосредоточилась на речи брата.

Лорд Рамзи закончил выступление сердечными поздравлениями в адрес обрученной пары и пожелал счастья и благополучия. Гости подняли бокалы и присоединились к тосту.

Кристофер поднес к губам затянутую в тонкую перчатку руку любимой и поцеловал. Увы, хотелось иных радостей: схватить, унести подальше от любопытных взглядов, спрятать в

тишине собственного дома.

— Уже скоро, — прошептала Беатрикс, словно прочитав мысли, и он ответил благодарным взглядом. — Только не смотри на меня так, а то ноги подкашиваются.

— Раз так, то не скажу, что мечтаю с тобой сделать. Еще, чего доброго, опрокинешься, как кегля.

К сожалению, интимный момент продолжался недолго: уединение влюбленных нарушил новый тост.

Лорд Аннандейл, который стоял рядом с Лео, поднял бокал и сделал шаг вперед.

— Друзья мои, — зычно произнес он, — надеюсь преумножить радость сегодняшнего дня важной вестью из Лондона!

Толпа почтительно стихла.

Кристофер ощутил холодок неизвестности и вопросительно посмотрел на Лео, но тот с недоуменным видом пожал плечами.

— В чем дело? — шепнула Беатрикс.

Жених покачал головой и выжидающе взглянул на деда.

— Видит Бог, понятия не имею.

— Накануне моего отъезда в Гемпшир его светлость герцог Кембридж сообщил, что мой внук представлен к учрежденной в минувшем январе высшей награде за воинскую доблесть — Кресту Виктории. В грядущем июне, во время торжественной церемонии, королева сама будет вручать награжденным почетный крест.

Зал наполнился радостными восклицаниями, а Кристофер почувствовал, как останавливается и холодеет кровь. Меньше всего на свете хотелось получить на грудь новый кусок блестящего металла, да еще во время отвратительной церемонии в честь событий, воспоминания о которых приносили жестокую боль. А еще хуже оказалось то, что грубое вмешательство безвозвратно испортило счастливейший момент жизни. Неужели дед не мог предупредить заранее?

— А за что именно будет вручен Крест Виктории капитану Фелану, милорд? — поинтересовался кто-то из многочисленных гостей.

Аннандейл улыбнулся:

— Возможно, внук и сам догадается.

Кристофер мрачно покачал головой. Отсутствие энтузиазма явно покорило графа.

— Капитана Фелана представил к высокой награде командир полка; он своими глазами видел, как Кристофер под огнем вынес с поля боя раненого офицера. Наши войска были вынуждены на время оставить попытки завладеть позицией русских. Укрыв офицера в безопасном месте, капитан вернулся на огневую позицию и удерживал ее до прихода подкрепления. В результате противник сдался, а наш тяжелораненый воин, подполковник Фенвик, благополучно вернулся к своим.

В шуме радостных возгласов и поздравлений Кристофер не нашел сил произнести ни слова. Заставил себя залпом осушить бокал и стоял неподвижно, пытаясь казаться спокойным, но на самом деле постепенно сползая в зловещую, угрожающую тьму. Невероятным волевым усилием приступ безумия удалось сдержать, и теперь прославленный герой балансировал на крошечном островке спасительной отстраненности: в эту минуту он остро нуждался в уединении и покое, но в то же время втайне боялся себя самого.

«Прошу тебя, Господи, пусть награждают за что угодно, но только не за спасение Фенвика», — молился капитан Фелан.

Глава 23

Беатрикс мгновенно почувствовала опасное состояние Кристофера. Дождалась, пока жених допил шампанское, и заговорила нарочито громко, чтобы услышали все вокруг:

— Ах, боюсь, от всего этого шума и блеска того и гляди закружится голова. Капитан Фелан, не будете ли вы так добры проводить меня в маленькую гостиную?

Просьба вызвала сочувственные возгласы: общество одобряло любое проявление женской слабости.

Стараясь выглядеть вялой и утомленной, Беатрикс оперлась на руку спутника и вместе с ним покинула зал. Однако направились они вовсе не в маленькую гостиную, а на свежий воздух, к одной из скамеек возле посыпанной гравием дорожки.

В полном молчании, без единого слова, сели рядом. Кристофер обнял любимую и прижался губами к душистым волосам. Беатрикс прислушивалась к доносившимся из леса вечерним звукам: шорохи, скрипы, писк, мелодичный разговор лягушек, крики ночных птиц сливались в знакомую и в то же время вечно новую симфонию. Наконец грудь Кристофера медленно поднялась и опустилась в долгом, протяжном вздохе.

— Какая неприятная новость, — тихо произнесла она, понимая, что он думает о Марке Беннете — друге, которого так и не смог спасти. — Знаю, что эта награда тебе ненавистна.

Кристофер не ответил, однако почти осязаемое напряжение, которое он излучал, ясно говорило, что из всех мрачных воспоминаний это оставалось самым тяжелым.

— А от награждения можно ли отказаться? — спросила Беатрикс. — Можно ли каким-нибудь образом уклониться от вручения?

— По собственной воле невозможно. Единственный способ — совершить что-нибудь противоправное или омерзительное, чтобы спровоцировать отмену почестей.

— Почему бы не придумать подходящее преступление? В моей семье наверняка возникнут отличные предложения.

Кристофер посмотрел непроницаемым взглядом; в свете луны серые глаза казались серебристыми. Беатрикс испугалась, что несвоевременная шутка может вызвать раздражение, однако в следующий миг он рассмеялся, крепко обнял ее и прошептал:

— Милая, как же ты мне нужна! Все-то ты понимаешь: что деду неможется, что я почти тону в

самых тяжких воспоминаниях.

Они оставались наедине дольше, чем позволяли приличия, не в силах прервать объятия и поцелуи. Наконец, сокрушенно вздохнув, Кристофер встал и повел любимую в сияющий огнями дом.

Оживленно беседуя с гостями, искусно изображая интерес к бесконечным комментариям, замечаниям и советам, Беатрикс при каждом удобном случае украдкой бросала взгляд на Кристофера. Капитан сохранял невозмутимое, почти стоическое спокойствие и самообладание истинного воина. Все заискивали перед героем — даже те, чье социальное положение и знатность намного превосходили его собственный статус. Внешняя невозмутимость не могла обмануть Беатрикс: она остро ощущала, с каким трудом Кристофер пытается приспособиться к когда-то естественным и привычным условиям. Он ощущал себя чужим среди старых приятелей, из которых ни один не желал понять настоящих военных переживаний. Награждения, золотые галуны и браваурная патриотическая музыка — иных тем для обсуждения не находилось. Истинные чувства позволялись исключительно в виде кратких осторожных реплик.

— Беатрикс. — Одри взяла ее за руку и, прежде чем виновница торжества успела вступить в очередную беседу, увлекла в сторону. — Пойдем со мной, хочу кое-что тебе отдать.

Одри повела подругу в дальнюю часть дома — туда, где узкая лестница поднималась на второй этаж, в комнату причудливой формы. Одно из многочисленных достоинств старинного особняка заключалось в том, что странные комнаты и эксцентричные помещения неопределенного назначения возникали неожиданно и в то же время органично, подобно боковым побегам основного здания. Они уселись рядышком на ступеньках.

— Ты сумела преобразить Кристофера, — заговорила Одри. — В первое время после возвращения казалось, что путь к счастью закрыт для него навсегда. А сейчас я увидела другого человека: пропало постоянное мрачное напряжение, отступила хандра. Изменения заметила даже матушка: леди Фелан тебе благодарна.

— Леди Фелан отнеслась ко мне доброжелательно, хотя вряд ли мечтала о подобной невестке, — отозвалась Беатрикс.

Одри понимающе улыбнулась:

— Так и есть. И все-таки она намерена извлечь из ситуации максимальную пользу. Ты — ее единственная надежда. Сохранить Ривертон в нашей ветви семьи можно только в том случае, если родится наследник. А если у вас с Кристофером не появится сын, поместье перейдет к кузенам. Для нее это окажется страшным ударом. Думаю, если бы я смогла подарить свекрови внука, она относилась бы ко мне намного теплее.

— Как жаль. — Беатрикс сочувственно обняла подругу.

Одри грустно вздохнула.

— Этому не суждено было случиться. Я получила серьезный жизненный урок. Судьба распоряжается нами независимо от того, принимаем ли мы ее решения или наивно пытаемся противиться. Незадолго до своего конца Джон сказал, что мы должны быть благодарны за подаренное время: сам он давно понимал, что жизнь катится к закату. Ну вот, а теперь хочу кое-что тебе отдать.

Одри бережно достала из рукава аккуратно сложенный лист — незапечатанное письмо.

— Прежде чем начнешь читать, послушай: Джон написал эти строчки за неделю до смерти, собственной рукой, хотя был уже очень слаб. Велел передать письмо Кристоферу, когда — или если — брат вернется. Но, прочитав, я растерялась, не знала, что делать. Кристофер вернулся из Крыма таким измученным, нервным, больным. Пришлось ждать: несмотря на просьбу Джона, расстраивать, углублять душевную травму и наносить новый вред не хотелось.

— Считаешь, что письмо способно навредить?! — удивленно воскликнула Беатрикс.

— Не знаю. Несмотря на родство, я до сих пор не знаю Кристофера настолько хорошо, чтобы иметь право судить и делать прогнозы. — Одри беспомощно пожала плечами. — Когда прочитаешь, сразу все поймешь. Я не хочу отдавать письмо ему, не уверившись, что оно принесет пользу, а не углубит страдания, и потому доверяюсь твоей мудрости.

Глава 24

Через месяц, ясным октябрьским днем в приходской церкви состоялась красивая радостная свадьба. К удовольствию жителей Стоуни-Кросс, церемония целиком и полностью соответствовала давним деревенским традициям. Свадебная процессия оставила экипажи на соседней улице, а остаток пути прошла по щедрому ковру из цветов и душистых трав. По дороге к торжественной колонне присоединялись все новые и новые участники, так что вскоре возле церкви собралась многолюдная ликующая толпа.

Цветами не только усыпали дорогу, но и до отказа нагроулили две огромные корзины, которые вез на спине Гектор. Маленький мул чинно вышагивал во главе процессии, а женщины в праздничной одежде доставали яркие охапки и разбрасывали вокруг. На голове Гектора красовалась огромная соломенная шляпа, на которую не пожалели ни лент, ни цветов, а из-под широких полей забавно выглядывали большие чуткие уши.

— Бог мой, Альберт, — обратился Кристофер к семенившему рядом другу, — сегодня ты превзошел самого себя!

Альберт выглядел чрезвычайно импозантно: свежeweмытый, аккуратно подстриженный, с пышным жабо из белых роз на шее. Впрочем, даже праздничный наряд не мог избавить бывшего солдата и опытного охотника от опасливой настороженности: толпа радовала его ничуть не больше, чем хозяина.

Поскольку, согласно древнему обычаю, женщины шли по одной стороне улицы, а мужчины по другой, Кристофер видел Беатрикс лишь издали, да и то не всегда: ее плотным кольцом окружали одетые в белое деревенские девушки — должно быть, для того, чтобы ввести в заблуждение злых духов, если бы тем вздумалось покуситься на невесту. Кристофер, в свою очередь, находился под зорким наблюдением почетной гвардии, состоявшей из товарищей по Стрелковой бригаде и нескольких представителей кавалерийского эскадрона, в котором он служил до войны.

Наконец процессия вошла в уже переполненную зрителями церковь. Старинные своды встретили жениха и невесту жизнерадостными звуками скрипки.

Кристофер прошел к алтарю, а Беатрикс вместе с Лео осталась у входа.

— Что случилось с Гектором? — недоуменно осведомился брат.

— Превратился в цветочного мула, — последовал уверенный ответ.

— Надеюсь, тебя не очень расстроит то обстоятельство, что цветочный мул от нечего делать жует собственную шляпу?

Беатрикс прыснула со смеху.

Лео наклонился и тихо, по секрету, предупредил:

— Когда буду отдавать тебя у алтаря, помни: на самом деле я вовсе не расстаюсь с младшей сестренкой, а всего лишь позволяю будущему мужу любить ее так же, как любим все мы.

Глаза Беатрикс наполнились благодарными слезами.

— Кристофер меня очень любит, — прошептала она и доверчиво прильнула к плечу брата.

— Мне тоже так кажется, — согласился Лео. — В ином случае ни за что не позволил бы тебе выйти за него замуж.

Остаток утра и день пролетели в тумане счастья. Обменявшись клятвами, молодожены прошли сквозь арку из поднятых гвардейцами сабель. Ворота церковного двора оказались закрытыми: еще одна давняя традиция Стоуни-Кросс. Открыли их только после того, как молодой супруг заплатил положенную дань: запустил руку в бархатный мешочек, достал пригоршню монет и бросил в толпу. Золотой дождь был встречен восторженными возгласами. За первой горстью последовали еще несколько; до земли монеты не долетали, их ловили прямо в воздухе. Наконец, когда мешочек опустел, ворота распахнулись и людской поток вылился на деревенскую площадь, где на длинных столах возвышались горы пирогов: казалось, каждая местная хозяйка стремилась похвастаться своим искусством. Пока супруги кормили друг друга, окружающие осыпали их крошками в залог грядущего семейного благополучия.

Радостная толпа продолжила пир, а свадебная процессия тем временем отправилась в Рамзи-Хаус, где молодоженов и гостей ждал праздничный завтрак с бесконечными тостами и пожеланиями.

Когда же наконец торжество завершилось, Беатрикс с облегчением поднялась наверх, чтобы снять сказочно красивое, но тяжелое и громоздкое подвенечное платье. С помощью Амелии и горничной не без труда освободилась от массы шелка и кружев и рассмеялась: на пол посыпались крошки.

— Этот обычай нравится мне меньше остальных, — заметила она, отряхиваясь. — Но с другой стороны, птичкам тоже хочется принять участие в празднике.

— Кстати, о птичках, дорогая... — заговорила Амелия, как только горничная вышла, чтобы приготовить ванну. — Вдруг пришли на ум строки из поэмы Сэмюэла Колриджа о весне:

Просыпаются пчелы,

Птицы встают на крыло...

Беатрикс смерила сестру удивленным взглядом.

— Почему ты вспомнила именно эти строки? Сейчас не весна, а осень.

— Да, но суть поэмы в том, что птицы соединяются в пары. Я подумала, что на этот счет у тебя могут возникнуть вопросы.

— Насчет птиц? Спасибо, но я знаю о них гораздо больше, чем ты.

Амелия вздохнула и оставила попытки проявить деликатность.

— Ах, да при чем здесь птицы? Тебе предстоит брачная ночь; неужели не хочешь ни о чем спросить?

— О, спасибо! Очень мило с твоей стороны предложить помощь, но Кристофер уже... объяснил суть дела.

Амелия удивленно подняла брови.

— Неужели?

— Да. Правда, он использовал другой пример — не пчелок и птичек.

— Кого же в таком случае?

— Белок, — лаконично сообщила Беатрикс и, увидев появившееся на лице сестры недоуменное выражение, поспешила отвернуться, чтобы скрыть улыбку.

Несмотря на то что молодые готовились отправиться утром на две недели в свадебное путешествие в графство Глостершир, на знаменитые Котсуолдские холмы, Беатрикс предполагала провести первую брачную ночь в Фелан-Хаусе, куда заранее отправила сундучок с одеждой, туалетными принадлежностями и ночной сорочкой. Однако, к ее немалому удивлению, Кристофер заявил, что имеет другие планы.

Попрощавшись с родными, Беатрикс вместе с мужем вышла на подъездную аллею. Кристофер уже снял сияющий медалями мундир и надел гражданский костюм: твидовые брюки и скортук из тонкого сукна. Белоснежную рубашку дополнял простой, хотя и безукоризненно накрахмаленный шейный платок. В этой обычной, заурядной одежде он нравился Беатрикс еще больше: парадная военная форма казалась вычурной и угнетала чрезмерной яркостью.

Щедрое осеннее солнце уже спускалось в темное гнездо леса, и деревья центральной аллеи отбрасывали длинные тени.

Вместо экипажа перед домом одиноко стоял сильный гнедой мерин Кристофера.

Беатрикс удивленно посмотрела на мужа.

— А для меня лошадь не предусмотрена? Или хотя бы тележка с пони? Неужели всю дорогу придется бежать трусцой?

Кристофер слегка улыбнулся:

— Если не возражаешь, поедем вместе. Считаю, что это сюрприз.

— Удивительно!

— Да. Решил, что тебе будет приятно. — Он помог любимой подняться в седло, легко запрыгнул сам и уверенно устроился за спиной.

Беатрикс прижалась к теплой широкой груди и подумала, что сюрприз сюрпризом, а этот миг вдвоем — уже блаженство. С радостной готовностью она отдалась новым упоительным ощущениям: близости, бережной силе упругого мужественного тела, ровному ходу коня. Вскоре дорога привела в лес, и Кристофер попросил ее закрыть глаза. Беатрикс послушалась и доверчиво погрузилась в блаженную темноту.

Лесной воздух постепенно становился прохладнее, наполнялся ароматами смолы, земли, преющих листьев.

— Где мы? — любопытствовала она.

— Уже почти приехали. Потерпи, пока не смотри.

Не прошло и нескольких минут, как Кристофер натянул повод, спешился и поставил жену на землю.

Беатрикс огляделась и растерянно улыбнулась: чего она никак не ожидала увидеть, так это своего тайного убежища. Открытые окна старинного дома приветливо светились.

— Зачем мы сюда приехали?

— Поднимись наверх и посмотри, — уклончиво ответил Кристофер и отправился привязывать коня.

Придерживая подол синего платья, Беатрикс пошла по узкой винтовой лестнице, освещенной лампами: чья-то умелая рука укрепила небольшие рожки на стенах в тех местах, где когда-то, давным-давно, горели факелы. Наконец показалась знакомая круглая комната.

Впрочем, сейчас она выглядела совсем по-другому.

В обычно холодном темном камине приветливо горел огонь. Выскобленный до блеска старинный деревянный пол скрылся под дорогими толстыми турецкими коврами, а суровые каменные стены спрятались за яркими гобеленами. Вместо древней кровати возле стены стояло огромное ложе с резными спинками и витыми колоннами, с роскошной мягкой периной, пуховыми одеялами, тончайшим постельным бельем и двумя пирамидами из пышных белоснежных подушек: по три на каждой половине. В углу, на большом столе, покрытом скатертью из розовато-лилового дамаста, стояли накрытые крышками серебряные подносы и корзины, с трудом вмещавшие обильное угощение. В запотевшем серебряном ведре со льдом темнела бутылка шампанского. А в глубине, возле ширмы, скромно притаился тот самый сундучок, который она предусмотрительно отправила в Фелан-Хаус.

Потрясенная неожиданной картиной, Беатрикс медленно прошла по комнате, опасаясь пропустить хотя бы мелочь.

Кристофер тоже успел подняться и теперь в ожидании стоял на пороге. Беатрикс обернулась, и муж вопросительно посмотрел ей в глаза.

— Если захочешь, можем провести первую ночь здесь. А если не нравится, сядем на коня и поедem ко мне.

Беатрикс с трудом обрела дар речи.

— Неужели вся эта красота для меня?

Кристофер кивнул:

— Я попросил у лорда Уестклифа разрешения провести здесь ночь и украсить дом; он согласился и даже позволил кое-что изменить. Тебе...

Договорить не удалось, потому что Беатрикс благодарно бросилась на шею.

Кристофер порывисто обнял и прижал ее к груди. Губы нежно касались волос, висков, лба, щек, все ближе подбираясь к податливой мягкости рта.

Беатрикс отвечала на ласки слепо, сквозь прозрачные волны наслаждения, а едва пальцы завладели подбородком, судорожно вздохнула. Он накрыл губами ее губы, язык проник в теплую глубину, даря чуть терпкий, пьянящий вкус мужественности. Мечтая о большем, она старалась прильнуть, заставить целовать жестче, однако он с тихим смехом отстранился.

— Подожди, любовь моя, не все сразу... это еще не весь сюрприз: есть кое-что еще.

— Где? — отсутствующим голосом уточнила Беатрикс, водя ладонью по сюртуку.

Кристофер осторожно, но настойчиво взял жену за плечи и заставил вернуться к действительности, посмотрел сияющими серыми глазами.

— Послушай.

Как только стук сердца немного стих, Беатрикс услышала хор. Мужские голоса слились во вдохновенном мелодичном пении. Очарованная, она подошла к окну, посмотрела вниз и просияла счастливой улыбкой.

Несколько боевых товарищей Кристофера, все еще в парадных мундирах, стояли в ряд и пели красивую старинную балладу.

На ледяном гренландском берегу

В объятьях жарких милую согрею.

Снега я растоплю и прогоню пургу,

И тьму унылую признанием развею.

Согрею день горячими словами,

Ночь озарю безумными кострами.

Пойдем, любимая, пусть счастье будет с нами

Там, за далекими суровыми горами.

— Наша песня, — взволнованно прошептала Беатрикс.

— Да. Гимн нашей любви.

Она опустила на пол и сложила руки на низком подоконнике... в том самом месте, где так часто зажигала свечи, думая о войне, сражавшемся в чужой стране, за далекими суровыми горами.

Кристофер подошел, встал рядом на колени и обнял. Как только баллада закончилась, Беатрикс поднялась и послала певцам воздушный поцелуй.

— Спасибо, джентльмены. Никогда не забуду этот удивительный миг.

Один из офицеров не сдержался:

— Может быть, вы еще не знаете, миссис Фелан, но по свадебной традиции Стрелковой бригады каждый из членов почетной гвардии жениха имеет право получить благодарственный поцелуй молодой супруги. Своего рода пропуск в первую брачную ночь.

— Что за чушь! — добродушно рассмеялся Кристофер. — Насколько мне известно, единственная свадебная традиция стрелков — как можно дольше оставаться холостыми.

— Но ты ее нарушил, старик, — парировали друзья.

— Что тут говорить, понять нашего капитана нетрудно, — заметил один из певцов. — Вы, миссис Фелан, подобны райскому видению.

— Прекрасны, как светлая луна, — добавил второй.

— Благодарю, — прервал комплименты Кристофер. — А теперь отправляйтесь-ка прочь, хватит обхаживать мою жену.

— Мы благородное дело начали, а тебе, Фелан, заканчивать, — заключил один из офицеров. Пожелав молодоженам счастья, дружеская компания весело удалилась.

— Они забрали коня, — с улыбкой сообщил Кристофер, — а это означает, что ты полностью в моей власти. — Он повернулся к молодой супруге и приподнял лицо за подбородок, заставив посмотреть в глаза. — В чем дело? — Его голос смягчился. — Что случилось?

— Ничего. — В глазах Беатрикс застыли слезы. — Честное слово, все в порядке. Просто... я провела здесь немало часов, мечтая когда-нибудь оказаться рядом с тобой, но не могла поверить, что счастье действительно возможно.

— Наверное, все-таки немножко верила, — прошептал Кристофер, — иначе это чудо никогда не случилось бы. — Утешая, он привлек любимую и легко, словно успокаивая ребенка, погладил по волосам. — Знаешь, почему не прикасался к тебе с тех пор, как в знаменательный полдень ты вошла в библиотеку? Одна из причин заключается в том, что не хотел снова пользоваться твоей беззащитностью.

— А ты и не пользовался! — горячо запротестовала Беатрикс. — Я сама к тебе пришла и отдалась по доброй воле.

— Да, знаю. — Кристофер поцеловал в висок. — Пришла и подарила себя — прекрасную, щедрую и такую страстную, что раз и навсегда уничтожила меня для других женщин. Но твой первый опыт получился не совсем правильным и гармоничным, и сегодня я готов

компенсировать все, чего не смог дать в прошлый раз.

Чувственный голос обещал несказанные радости, и Беатрикс ощутила, как стремительно заливается краской.

— Необходимости нет, но если настаиваешь...

— Настаиваю. — Он провел ладонью по спине и обнял еще крепче, как будто боялся потерять. А потом прикоснулся горячими губами и начал поцелуями прокладывать дорожку по шее. Мир изменился. Как только губы замерли, она быстро, словно боясь опоздать, вздохнула.

Почувствовав конвульсивное движение, Кристофер поднял голову и улыбнулся:

— Может быть, сначала поужинаем? — Он легко встал и увлек ее за собой.

— После грандиозного свадебного завтрака есть совсем не хочется, — пожала плечами Беатрикс. — Наверное, больше уже никогда не проголодаюсь. — Она лучезарно улыбнулась. — А вот от бокала шампанского не откажусь.

Кристофер сжал ладонями лицо и быстро поцеловал.

— За такую улыбку заслуживаешь целой бутылки.

Беатрикс взглянула вопросительно.

— Можно попросить тебя сначала расстегнуть платье?

Супруг повернул ее спиной и занялся длинным рядом спрятанных в глубокой складке крючков.

Возня с платьем казалась занятием семейным, уютным, одновременно успокаивающим и приятным. Дойдя до шеи, Кристофер прижался губами к нежной коже и, не удержавшись, покрыл поцелуями бугорок позвонка.

— А корсет тоже доверишь? — прошептал он на ухо.

Беатрикс удивилась, что ноги до сих пор не подкосились.

— Нет, спасибо. Сама справлюсь. — Она потянула сундучок и скрылась с ним за ширмой. Беатрикс открыла крышку, увидела аккуратно сложенную привычную одежду и знакомый, затянутый шнурком муслиновый мешочек с расческой, шпильками и другими необходимыми мелочами. Кроме того, там лежал небольшой пакет, завернутый в голубую бумагу и перевязанный изящной синей лентой. Беатрикс достала из-под ленты сложенную записку и прочитала:

«Подарок к твоей брачной ночи, дорогая Беа. Лучшая модистка Лондона сотворила эту сорочку. Она отличается от тех, которые ты надеваешь обычно, но мужу очень понравится, поверь моему опыту.

Поппи».

Беатрикс развернула сорочку и увидела, что волшебное одеяние сшито из черного прозрачного шелка и украшено крошечными пуговками из черного янтаря. Прежде ей приходилось носить лишь самые скромные ночные сорочки из белого батиста или муслина, а потому смелое произведение портновского искусства показалось шокирующим. Что ж, если

мужьям нравится...

Беатрикс сняла корсет, освободилась от прочих предметов дамского туалета и сунула голову в сорочку. Прохладная гладкая ткань с легким шелестом скользнула вниз, плотно прилегла к плечам и груди, на миг задержалась на талии и прозрачным потоком стекла на пол. Боковой разрез доходил до бедра и при каждом движении открывал ногу. Спина оказалась почти обнаженной, так далеко простирался вырез. Беатрикс вытащила из волос шпильки, положила в муслиновый мешочек и неуверенно вышла из-за ширмы.

Кристофер только что наполнил два бокала, обернулся и замер. Лишь жадный огненный взгляд скользил по фигуре.

— Бог мой, — пробормотал он и залпом осушил шампанское. Поставил на стол пустой бокал и схватил второй; так, словно боялся, что хрусталь проскользнет между пальцами.

— Тебе нравится моя сорочка? — осведомилась Беатрикс невинным тоном.

Не отбывая глаз, Кристофер кивнул.

— А где же вторая половина?

— Это все, что удалось найти. — Не в силах противостоять желанию подразнить любимого, она попыталась взглянуть через плечо. — Вот думаю, не задом ли наперед надела?

— Давай посмотрю...

Беатрикс повернулась. Увидев обнаженную спину, Кристофер шумно вздохнул.

Она услышала тихое проклятие, однако не обиделась: Поппи, несомненно, оказалась права. А когда супруг осушил и второй бокал, забыв, кому предназначалось шампанское, Беатрикс еле сдержала смех. Она подошла к кровати и с удовольствием вытянулась, наслаждаясь прохладой льняных простыней и мягкостью стеганых одеял, даже не пытаясь прикрыть обнаженную разрезом ногу.

Кристофер подошел, по пути торопливо стягивая рубашку. От одного взгляда на мускулистую загорелую грудь захватывало дух. Трудно было поверить, что этот прекрасный мужчина, покрытый шрамами Аполлон, восхитительный любовник отныне принадлежит ей.

Почти не дыша, Беатрикс протянула руку и коснулась горячей кожи, провела пальцами по блестящим кудрявым зарослям. Он склонился, посмотрел потемневшим от вожделения взглядом.

Тая от любви и желания, Беатрикс прошептала:

— Кристофер...

Он бережно, словно не веря собственным глазам, провел пальцем по губам, а потом начал медленно целовать. Каждый поцелуй отзывался глубоким сладким шоком, воспламенял, лишал способности думать. Легкое прикосновение теплой ладони не столько удовлетворяло, сколько обещало наслаждение. Ее искусно, методично соблазняли.

Вот она оказалась на спине, и нога по-хозяйски раздвинула ее ноги. Пальцы легли на грудь, чтобы найти едва прикрытый шелком сосок. Большой палец дразнил, поглаживал с игривой

легкостью, рождавшей неутолимое нетерпение. Осторожно сжимая вершинку двумя пальцами, Кристофер безжалостно нагнетал напряжение. Беатрикс со стоном прервала поцелуй, чтобы перевести дух.

Кристофер нагнулся к груди, пронзил горячим дыханием тонкую ткань и обжег кожу. Язык коснулся упругой вершинки и увлажнил шелк, вызывая одновременно тоску и удовольствие. Трясущимися руками Беатрикс сдернула сорочку с плеч, чтобы прозрачная ткань не мешала.

— Не спеши, — прошептал он и провел языком по коже, но не там, где ей хотелось.

Беатрикс коснулась ладонями лица любимого, ощутила под пальцами начинающую пробиваться щетину, попыталась направить его губы, однако он не поддался, а лишь тихо рассмеялся.

— Не спеши, — повторил он, покрывая поцелуями мягкую ложбинку на груди.

— Почему? — с трудом произнесла она, едва дыша.

— Так будет лучше для нас обоих. — Он накрыл грудь ладонью, чтобы ощутить безупречную форму. — Особенно для тебя. Наслаждение будет глубже... острее... позволь показать, любовь моя...

Язык обжигал кожу, и Беатрикс с трудом терпела огненные прикосновения. Голова металась по подушке.

— Кристофер!.. — позвала она дрожащим голосом. — Хочу...

— Да?

Она понимала, что ведет себя эгоистично, но не могла не продолжить:

— Хочу быть первой. Хочу, чтобы до меня у тебя никого не было:

Он посмотрел так, что она едва не растаяла в меду. Губы вернулись к губам и прижались нежно и в то же время настойчиво.

— Сердце принадлежит тебе, и только тебе, — шепотом успокоил он. — Прежде любви не было, так что для меня такое тоже впервые.

Она задумалась, глядя в сияющие глаза.

— Значит, когда человек влюблен, все происходит иначе?

— Милая, описать невозможно. Это сказка. — Рука скользнула на бедро и, сдвинув шелк, тронула разгоряченную кожу. От прикосновения умелого искусителя внутри, в животе, сжалась неведомая пружина. — Ведь я и живу благодаря тебе. Если бы не ты, так и остался бы где-нибудь в жаркой степи.

— Не говори о плохом. — Мысль о том, что с любимым могло случиться страшное, казалась непереносимой.

— Спасала лишь надежда на встречу с тобой... помнишь, я писал об этом?

Беатрикс кивнула и прикусила губу: рука проникла под невесомые шелковые складки.

— Так вот, каждое мое слово — правда, — заверил он. — Написал бы больше, но не хотел тебя пугать.

— Я тоже хотела написать больше, — призналась Беатрикс дрожащим голосом. — Хотела поделиться каждой мыслью, каждым... — Она не договорила и резко вдохнула: пальцы проникли в развилку бедер.

— Какая ты здесь теплая, — восхищенно пробормотал Кристофер, поглаживая, — какая мягкая! О, Беатрикс... я влюбился в тебя на расстоянии, за одни лишь слова, но каюсь... предпочитаю вот такое общение.

Она погладила бронзовое плечо и, оглушенная чувственными впечатлениями, с трудом произнесла:

— Это тоже любовное письмо, только в постели.

Он улыбнулся:

— Значит, надо постараться правильно расставить знаки препинания.

— А еще поменьше деепричастных оборотов, — добавила Беатрикс, и Кристофер тихо рассмеялся.

Ласки становились настойчивее, и скоро пришлось забыть о шутках. Ощущения сгущались, напряжение нарастало, жар страсти не позволял лежать неподвижно. Кристофер пытался облегчить стремительный взлет, нежно поглаживая дрожащие ноги.

— Прощу, сжался, — взмолилась она, когда лоб и даже корни волос покрылись потом. — Ты нужен мне сейчас, немедленно!

— Нет, милая, потерпи еще немного. — Он гладил бедра и одновременно большими пальцами ласкал влажные женственные складки.

Беатрикс сделала открытие. Оказалось, что самое сложное — сдержать стремительное наступление оргазма. Любимый просил потерпеть, но мощная волна отказывалась медлить. И хитрец знал это, лукаво поглядывая и уговаривая:

— Подожди, не сейчас. Еще слишком рано.

А пальцы тем временем продолжали возбуждать, и губы не отрывались от груди. Каждый уголок горящего тела до отказа наполнился отчаянным вожделением, каждая клеточка пылала страстью.

— Не поддавайся, — снова напомнил супруг. — Подожди...

Беатрикс глубоко вдохнула и замерла, пытаясь сдержать поток чувственности, однако упрямые губы раскрылись над соском, поймали, начали легонько тянуть, и она сдалась. Со стоном выгнулась в крепких, властных руках и уступила разрывающему на части восторгу. Тело содрогнулось от сладостных мук, а глаза наполнились слезами разочарования.

Кристофер сочувственно смотрел сверху вниз.

— Не расстраивайся. — Он слизнул слезинку и ласково погладил щеку.

— Не смогла удержаться, — жалобно пробормотала Беатрикс.

— Ничего страшного, — успокоил Кристофер. — Я играл с тобой, дразнил.

— Но мне очень хотелось оттянуть финал. Это наша первая брачная ночь, а все уже закончилось, по крайней мере для меня.

Кристофер отвернулся, всеми силами пытаясь удержаться от смеха. Взяв себя в руки, он снова посмотрел на любимую, снисходительно улыбнулся и убрал с лица прядь разметавшихся волос.

— Не переживай, скоро смогу снова тебя разбудить.

Беатрикс немного помолчала, прислушиваясь к усталым нервам и вялому ослабевшему телу.

— Вряд ли получится, — заключила она. — Чувствую себя как выжатая половая тряпка.

— Обещаю, что все получится, — с лукавой уверенностью возразил Кристофер.

— Потребуется немало времени, — предупредила Беатрикс, все еще хмурясь.

Кристофер посмотрел в глаза.

— Буду рад.

Он разделся сам, раздел любимую и принялся неторопливо исследовать поцелуями расслабленное в сладкой истоме тело. Она напряглась, прогнулась, задышала чаще. Он не пропускал ответных импульсов, настойчиво раздувая пламя. Тонкие руки ожили и начали бесцельно бродить по мужественному телу. Пальцы гладили густые волосы, трогали твердые атласные мускулы, ласкали шелковые шрамы, которые постепенно становились знакомыми.

Он перевернул любимую на бок и заставил согнуть колени. Она ощутила, как он проникает сзади, открывает, наполняет собой, растягивает эластичные ткани. Его было слишком много, и все же хотелось больше, еще больше. Она уронила голову на его руку и застонала, почувствовав на шее влажные губы. Он окружал, завоевывал, осаждал... мужская плоть требовала продолжения, и женское тело покорно уступало.

Он шептал слова любви, восхищения и поклонения, рассказывал о мечтах и фантазиях, обещал неведомое наслаждение. Медленно, осторожно перевернул на живот и коленями заставил шире раздвинуть ноги, одновременно скользнув рукой вниз, под бедра. Ровный, настойчивый ритм соединился со сладострастным поглаживанием. Движение набирало силу, становилось безжалостным, даже диким... Беатрикс застонала и беспомощно вцепилась в одеяло.

Как только она достигла новой вершины, он остановился и перевернул ее на спину, лицом к себе. В серебристых глазах вспыхнули молнии.

— Люблю тебя, — прошептал он и снова вошел, заставив вздрогнуть. Она прильнула, обвила сильное тело мужа руками и ногами и, не сдержавшись, укусила за плечо. Он издал какой-то странный, похожий на рычание звук и крепче прижал к себе. С каждым толчком настойчивая плоть проникала все глубже, рождая оргазм, покоряющий каждую клетку и каждый нерв.

Кристофер остановился и замер. Конвульсии любимой мгновенно вызвали ответ, и облегчение настигло обоих одновременно, воплотилось в почти синхронные стоны. Но даже сейчас страсть не угасла. Физическое удовлетворение потребовало еще большей близости. Кристофер

перевернулся на бок и, оставаясь в горячей глубине, жадно прижал любимую к груди. Жажда обладания не знала границ.

Через некоторое время, счастливые и усталые, они встали с кровати, чтобы восполнить силы восхитительным холодным ужином. На столе ждали превосходные яства: пирог с дичью, салаты, спелый чернослив, пропитанные малиновой наливкой кексы. Влюбленные щедро запили еду шампанским, а два последних бокала взяли с собой в постель, где Кристофер произнес несколько весьма фривольных тостов. Беатрикс, в свою очередь, с удовольствием и нескрываемым интересом прикасалась холодными от шампанского губами к различным частям тела супруга и сравнивала впечатления. Они играли и смешили друг друга, а потом замолчали и, обнявшись, молча смотрели, как медленно догорают свечи.

— Не хочу спать, — призналась Беатрикс. — Хочу, чтобы эта ночь длилась вечно.

Кристофер с улыбкой покачал головой:

— А ей вовсе не обязательно длиться. Лично я с оптимизмом жду завтрашней ночи.

— Ну, в таком случае засыпаю. Глаза закрываются.

Муж нежно поцеловал ее.

— Спокойной ночи, миссис Фелан.

— Спокойной ночи. — Перед тем как заснуть, Беатрикс успела увидеть, как супруг встал, чтобы задуть остатки свечей.

Но прежде он взял одну из подушек, одеяло и бросил на пол.

— Что ты делаешь?

Кристофер взглянул через плечо и поднял бровь.

— Если помнишь, я говорил, что спать вместе нам нельзя.

— Неужели даже в брачную ночь? — поднявшись, запротестовала Беатрикс.

— Я буду рядом, милая.

— Но на полу неудобно.

Он задул свечи.

— Это же настоящий дворец! Если бы ты знала, где и как приходилось спать! Не волнуйся, здесь замечательно.

Беатрикс огорченно легла и повернулась на бок. Кристофер немного повозился в темноте, и вскоре снизу донеслось ровное глубокое дыхание. Она тоже погрузилась в сон, предоставив любимому в одиночку сражаться с ночными демонами.

Глава 25

Хотя Беатрикс и считала Гемпшир самым красивым графством Англии, Котсуолд едва ли не затмил родной край. Цепь возвышенностей и холмов, расположенная в графствах Глостершир и Оксфордшир, всегда считалась, да и сейчас считается, сердцем Англии. Идиллические, словно ожившие с картинки деревни с аккуратными маленькими домиками, стада овец на склонах — сказочно живописный пейзаж! Овечья шерсть приносила Котсуолду основной доход; прибыль от выгодного бизнеса шла на обустройство края и строительство церквей, а потому в деревнях нередко можно было встретить табличку с надписью: «Все оплатили овцы».

К радости Беатрикс, овчарки-пастухи пользовались не меньшим уважением, чем их подопечные. Отношение местных жителей к собакам напомнило Беатрикс цыганскую поговорку, которую часто повторял Кэм: «Чтобы хорошо принять гостя, надо хорошо принять его собаку». Здесь, в Котсуолде, люди водили собак повсюду, даже в церковь: на церковных скамьях, в том месте, где привязывали поводки, дерево со временем стерлось настолько, что появились углубления.

Кристофер привез молодую жену в уютный дом с соломенной крышей, расположенный в поместье лорда Брэкли. Виконт, давний друг деда, предоставил старинное жилище в полное распоряжение гостей, причем на неопределенное время. Любовное гнездышко притаилось неподалеку от главного особняка, за старинным амбаром, который использовали для сбора церковной десятины. Низкие арочные двери, покатая соломенная крыша, ярко-розовый махровый клематис на стенах — разве можно представить картину, более подходящую для медового месяца?

Просторная центральная комната очаровала с первого взгляда: каменный очаг, потолок с нависающими балками, простая удобная мебель и выходящие в сад разделенные средником окна. Пока два лакея вносили сундуки и чемоданы, Альберт решил не тратить времени понапрасну и немедленно отправился исследовать второй этаж.

— Нравится? — спросил Кристофер, с улыбкой наблюдая за восторженным волнением любимой.

— Разве может не понравиться такая прелесть? — пожала она плечами и, боясь пропустить какую-нибудь очаровательную мелочь, медленно прошлась по комнате, а потом благодарно обвила руками шею мужа.

— Для медового месяца довольно скромно, — улыбнулся Кристофер. — Можно было бы поехать в Париж, Рим, Флоренцию...

— Я же сказала, что хочу в укромный, тихий уголок. — Беатрикс порывисто поцеловала мужа. — Книжки... вино... долгие прогулки... и ты. Лучшего места и придумать невозможно. Мне уже сейчас жалко уезжать.

Кристофер усмехнулся:

— У нас впереди еще целых две недели. — Поймал губы, ответил долгим горячим поцелуем, и Беатрикс растаяла в блаженстве на широкой груди.

— Как же после этого возвращаться в обычную жизнь? — вздохнула она.

— Обычная жизнь будет столь же прекрасной, — прошептал он. — Главное, чтобы в ней была ты.

По настоянию супруга Беатрикс устроилась на ночь в одной из двух смежных спален второго

этажа, разделенных лишь тонкой перегородкой из оштукатуренных досок. Кристофер знал, что ей хотелось бы спать с ним в одной постели, но его сон все еще оставался слишком беспокойным, а кошмары являлись без предупреждения. Зачем понапрасну рисковать?

Даже здесь, в краю бесконечного счастья, случались трудные ночи. Он просыпался от страшных видений — выстрелы, кровь, искаженные агонией лица — и начинал лихорадочно шарить вокруг в поисках пистолета или сабли — любого оружия, способного защитить. Когда кошмары становились особенно мучительными, Альберт запрыгивал на кровать и устраивался в ногах. Так же, как на войне, умный терьер преданно охранял сон хозяина, чтобы разбудить при малейшей опасности.

Но что бы ни происходило по ночам, дни пролетали стремительно, легко и безмятежно... минуты и часы, наполненные радостью и спокойствием, вселяли чувство благополучия, которого Кристофер не знал уже несколько лет. Даже свет в Котсуолде казался иным: от холмов исходило мягкое теплое сияние. Утро, как правило, начиналось с солнца, а к полудню небо затягивалось тучами. Дождь покрывал глазурью яркие осенние листья и дарил густой аромат щедрой, плодородной земли.

Распорядок дня установился быстро: простой завтрак, долгая прогулка с Альбертом, поездка в соседний городок, чтобы пройтись по магазинам, или путешествие по древним руинам. Оказалось, что рядом с Беатрикс практически невозможно целенаправленно двигаться вперед: она то и дело останавливалась и начинала внимательно рассматривать паутину, жучка, мох, гнездо. К звукам природы прислушивалась с таким же интересом и поклонением, с каким любители музыки внимают произведениям Моцарта. Небо, земля, лес, вода соединялись в божественную симфонию. Каждый новый день она встречала как чудо — и жила настоящим, существуя в гармоничном единстве с окружающим миром.

Лишь однажды молодожены приняли приглашение лорда и леди Брэкли и отправились на обед в главный дом, а все остальное время провели вдвоем; уединение нарушали только слуги, которые регулярно приносили еду и свежее постельное белье. Вторая половина дня, как правило, посвящалась любви — на ковре перед камином или в спальне, на широкой кровати. Чем ближе и глубже Кристофер узнавал молодую супругу, тем острее становилось желание.

Он старался оградить любимую от темной стороны собственной натуры, от тех тяжелых воспоминаний, которые сам воспринимал как трагическую неизбежность. Она, в свою очередь, терпеливо относилась к внезапным препятствиям в разговоре — недовольство возникало всякий раз, когда вопрос случайно подводил вплотную к границе опасной территории. Столь же сдержанно воспринимала периоды хандры. Кристофер то и дело корил себя за сложности и неудобства, которые невольно доставлял.

Случались моменты, когда ее осторожное любопытство вызывало резкую вспышку раздражения; он не выплескивал на жену дурное настроение, а замыкался в холодном отстраненном молчании. Да и манера сна, которую супруг ввел с первой же ночи, нередко становилась поводом для разногласий. Беатрикс не могла смириться с тем обстоятельством, что единственный на свете мужчина не желал видеть ее рядом — будь то в ее постели или в его. И виноваты были не только кошмары: он действительно не мог заснуть, если кто-то находился в непосредственной близости. Каждый звук, каждый шорох заставлял вздрагивать и просыпаться. Ночь превращалась в сражение.

— Хотя бы вздремни вместе со мной, — просила Беатрикс серым дождливым днем. — Совсем чуть-чуть. Увидишь, это замечательно. Просто ляг рядом и...

— Хватит кланяться! — перебил Кристофер, не скрывая злости. — Ничего не добьешься, только окончательно выведешь из себя.

— Прости, — пристыженно вздохнула она. — Так хочется побыть с тобой.

Кристофер прекрасно понимал и настроение, и мотивы, однако ту бескомпромиссную близость, к которой стремилась жена, все еще считал невозможной. Единственное, что оставалось, — восполнять ущерб всеми доступными способами.

И в то же время он сам нуждался в любимой настолько остро, что чувство вошло в плоть и кровь. Таинственный механизм противоречия не поддавался разгадке. Разве можно объяснить движения души? Даже если разобрать любовь на части и тщательно изучить каждую крупницу влечения, целое все равно останется тайной за семью замками.

Ничего не поделаешь.

Вернувшись в Стоуни-Кросс, Кристофер и Беатрикс обнаружили Фелан-Хаус в беспорядке. Слуги еще не успели привыкнуть к новым обитателям конюшни и жилых комнат, которых набралось немало: кошка, ежиха, коза, птицы, кролики, мул и прочая хвостатая четвероногая братия. Но главная причина хаоса заключалась все же не в переселении животных, а в том, что в доме шла активная подготовка к переезду в Ривертон.

Ни Одри, ни леди Фелан не собирались оставаться в Фелан-Хаусе. Невестка предпочла перебраться в Лондон, к родным, окружившим молодую вдову заботой и вниманием, а матушка решила вернуться в Хартфордшир в семью брата. И лишь слуги, которые не нашли лучшего места, собирались остаться, чтобы следить за домом и хозяйством.

Миссис Клокер подробно доложила супругам обо всем, что произошло в их отсутствие.

— Прибыли новые свадебные подарки, в том числе восхитительный хрусталь и столовое серебро. Я все разложила на длинном столе в библиотеке вместе с поздравительными письмами. В холле, на подносе, стопка корреспонденции и визитные карточки. Да, сэр, чуть не забыла... приходил офицер. Он не из тех, что присутствовали на вашей свадьбе, а другой. Оставил карточку и сказал, что непременно вернется, причем скоро.

Лицо Кристофера оставалось невозмутимым.

— Его имя? — ровным голосом уточнил он.

— Подполковник Фенвик.

Хозяин промолчал, однако стоявшая рядом Беатрикс заметила, как сжались пальцы и дрогнули ресницы. Через мгновение он коротко кивнул.

— Благодарю, миссис Клокер.

Экономка поклонилась.

— Да, сэр.

Не сказав жене ни слова, капитан Фелан вышел из гостиной и быстрым шагом направился в библиотеку. Беатрикс не отставала.

— Кристофер...

— Не сейчас.

— Что могло привести сюда подполковника Фенвика?

— Откуда мне знать?

— Как по-твоему, Крест Виктории имеет какое-нибудь отношение к визиту?

Кристофер остановился и повернулся к жене так резко и агрессивно, что она невольно отпрянула. Глаза побелели от ярости. Беатрикс поняла, что супруг оказался во власти одного из тех приступов гнева, которые случались, когда нервы отказывались служить. Одно лишь упоминание о подполковнике Фенвике мгновенно вывело из себя. К чести Кристофера, он несколько раз глубоко вздохнул и сумел сдержаться.

— Не могу сейчас разговаривать, — пробормотал он. — Нужно отдохнуть. — Отвернулся и пошел прочь.

— Отдохнуть от меня? — нахмурившись, окликнула Беатрикс, однако ответа не получила.

Холод между супругами сохранился на весь день. За обедом Кристофер отвечал на вопросы односложно, и Беатрикс чувствовала себя покинутой и обиженной. Дома, среди родных, если вдруг случался конфликт, всегда можно было поговорить с кем-то другим. А что делать, если ты замужем, а детей пока нет? В этом случае ссора с супругом означает полнейшее одиночество. Может быть, имеет смысл извиниться? Нет, душа противилась такому примитивному выходу. Она не сделала ничего предосудительного, всего лишь задала простой вопрос.

Когда пришло время сна, Беатрикс вспомнила мудрый совет Амелии: что бы ни случилось, не бери с собой в постель обиду. В ночной рубашке и халате она прошла по дому и нашла мужа в библиотеке, возле камина.

— Это несправедливо, — заявила она с порога.

Кристофер поднял глаза. Языки пламени скользили по лицу желтыми и красными отсветами, отражались в янтарном блеске волос. Руки неподвижно лежали на коленях, сжатые подобно складному ножу. Альберт растянулся на ковре возле кресла и положил морду на лапы.

— Что я сделала? — продолжала Беатрикс. — Почему ты со мной не разговариваешь?

Лицо супруга оставалось непроницаемым.

— Очень даже разговариваю.

— Конечно. Как с чужой, без капли тепла.

— Дорогая, — устало произнес он, — прости. Ложись спать. Завтра я встречу с Фенвиком, выясню, что ему надо, и все встанет на свои места.

— Объясни, что я сделала...

— Ничего не сделала. Просто позволь разобраться с этой ситуацией самому.

— Но почему я должна оставаться в стороне? Почему ты мне не доверяешь?

Выражение усталого лица изменилось, стало мягче, а во взгляде мелькнул намек на сочувствие. Кристофер встал и медленно подошел: в свете камина высокая фигура казалась еще массивнее. Беатрикс прислонилась к дверному косяку и услышала, как лихорадочно бьется сердце.

— Женившись на тебе, я совершил эгоистичный поступок, необдуманный и опрометчивый. Знал ведь, что ты не сможешь довольствоваться малым и не требовать всего и сразу, хотя я и честно предупреждал. — Он смотрел зеркальным, непроницаемым взглядом. Одной рукой уперся в стену над ее головой, а другой прикоснулся к халату, из-под ворота которого виднелись кружева сорочки, поиграл с тесемкой и склонил голову. — Хочешь близости? Постель тебя устроит?

Беатрикс отлично понимала, когда ее успокаивали, словно маленькую. Вместо полноценного общения предлагали плотское удовлетворение. Что ж, если уступить и согласиться на полумеры, то замену можно было считать достойной. Тело с готовностью отвечало на призывы, вспыхивало от родного запаха, с благодарностью ожидало прикосновений, однако разум решительно возражал. Нет, любви в качестве отвлекающего средства она не желала, хотела быть настоящей женой, а не игрушкой.

— А потом ты ляжешь со мной, останешься до утра? — Вопрос подозрительно напоминал ультиматум.

Пальцы замерли.

— Нет.

Беатрикс хмуро отступила.

— В таком случае пойду спать одна.

Не сдержалась и, уступив разочарованию, добавила:

— Как всегда.

Глава 26

— Я очень сердита на Кристофера, — призналась Беатрикс Амелии на следующий день, когда сестры под руку прогуливались по посыпанной гравием дорожке возле Рамзи-Хауса. — Но прежде чем изложу суть дела, предупреждаю: правда всецело на моей стороне.

— О Господи! — сочувственно воскликнула Амелия. — Мужья порой доводят нас до отчаяния. Расскажи свою версию, и я безоговорочно соглашусь.

Беатрикс поведала о визитной карточке подполковника Фенвика и последующем враждебном поведении супруга.

Амелия искоса взглянула на сестру и невесело усмехнулась:

— Насколько мне известно, Кристофер предусмотрительно предупреждал о подобных проблемах.

— Так и есть, — согласилась Беатрикс. — Но предупреждения облегчения не приносят. Люблю

его безумно, но в то же время не могу не замечать, как он борется с болезненными мыслями, которые упрямо лезут в голову, и постоянно пытается подавить назойливые рефлексy, а обсуждать со мной мучительные трудности отказывается. Я завоевала его сердце и в результате оказалась в доме, где почти все двери постоянно остаются на замке. Он стремится оградить меня от любых неприятностей, но это уже не настоящий брак — совсем не такой, как у вас с Кэмом. Надо открывать не только свои лучшие стороны, но и худшие тоже.

— Мужчины не любят рисковать подобным образом, — отозвалась Амелия. — Нужно терпение. — Тон стал ироничным, а улыбка погрузилась. — Но уверяю тебя, милая: никто не способен долго скрывать собственные отрицательные качества.

Беатрикс посмотрела задумчиво.

— Не сомневаюсь, что рано или поздно спровоцирую его на какой-нибудь отчаянный поступок. Я постоянно требую, наседаю, а он сопротивляется. Боюсь, что так будет продолжаться всю жизнь.

Амелия улыбнулась ласково и в то же время снисходительно:

— Ни один брак не застывает в постоянстве. Лучшая и в то же время худшая сторона семейной жизни заключается в том, что отношения бесконечно изменяются. Дождись своего шанса, дорогая. Обещаю, новые возможности непременно откроются.

Как только Беатрикс отправилась к сестре, Кристофер с тяжелым сердцем поехал на встречу с Уильямом Фенвиком. Они не виделись с тех самых пор, как подполковник вернулся в Англию, чтобы излечиться от ран, полученных в битве у Инкермана. А расстались, мягко говоря, не самым дружеским образом.

Фенвик не скрывал неприязни к Фелану за то, что капитан получил внимание и награды, которые, по мнению Фенвика, по праву принадлежали ему. Даже те, кто подполковника терпеть не мог (то есть практически все, кто знал грубого самодовольного офицера), единодушно сходились в одном: Фенвик был создан для военной славы. Он прекрасно держался в седле, отличался безусловной храбростью и боевым напором, а главной целью своей жизни считал военные подвиги и место в пантеоне легендарных героев Англии.

Тот факт, что Кристоферу выпала участь спасти ему жизнь, оказался для подполковника серьезным ударом; можно было не обладать особым талантом предвидения, чтобы предположить, что Фенвик готов скорее умереть на поле битвы, чем смотреть, как Фелан получает Крест Виктории из рук королевы.

Кристофер не мог понять, чего именно хотел от него давний завистник. Скорее всего он узнал о предстоящей торжественной церемонии и просто счел необходимым выплеснуть накопившуюся желчь. Что ж, отлично. Пусть выговорится, а после этого Кристофер позаботится, чтобы обиженный вояка как можно скорее покинул Гемпшир. На визитной карточке был нацарапан адрес. Судя по всему, остановился он в местной гостинице. Выбора не было: приходилось идти туда — все, что угодно, лишь бы не допустить негодяя в свой дом, не позволить встретиться с Беатрикс.

По хмурому осеннему небу ветер гнал серые облака, под копытами коня шелестели сухие листья, то и дело хрустели упавшие с деревьев ветки. В эти дни солнце редко показывалось из-за туч: зима упрямо вытесняла осень и обдавала Гемпшир холодной сыростью. Кристофер поехал вдоль леса, по главной дороге; гнедой мерин резво бежал, подчиняясь уверенной руке всадника. Ветер свистел в ушах, а из чащи доносились таинственные звуки — казалось, среди

деревьев пробираются беспокойные призраки.

Почему-то никак не удавалось избавиться от неприятного ощущения присутствия кого-то, кто следит за ним. Он даже оглянулся и посмотрел через плечо, ожидая увидеть смерть или дьявола. После войны болезненные мысли и видения неотступно преследовали; правда, в последнее время появлялись значительно реже.

Благодаря Беатрикс.

Внезапно захотелось повернуть коня, разыскать жену и прижать к сердцу. Вчера вечером разговор не клеился, сегодня, возможно, будет легче. Он постарается стать таким мужем, какой ей нужен. Не сразу, конечно. Но она терпелива и добра, и за это, видит Бог, он любит ее всей душой. Мысли о жене помогли привести в порядок нервы, и к гостинице Кристофер подъехал почти спокойным. Улицы деревни пустовали, а двери магазинов уже не оставались распахнутыми настежь, как летом: ноябрьский ветер и осенняя промозглая стужа диктовали свои условия.

Гостиница в Стоуни-Кросс производила самое благоприятное впечатление. Удобная, чистая, со свежоштукатуренными стенами цвета темного меда, с запахом эля и хорошей еды. Хозяин, мистер Полфримен, знал Кристофера с детства, а потому встретил по-дружески тепло, задал несколько шуточных вопросов относительно медового месяца и с готовностью пояснил, как найти комнату Фенвика. Не прошло и нескольких минут, как Кристофер постучал в дверь и замер в напряжении, ожидая ответа.

Через некоторое время дверь со скрипом открылась, зацепив углом неровный пол в коридоре.

Странно было видеть подполковника Уильяма Фенвика в гражданской одежде — Кристофер представлял сослуживца не иначе как в красной с золотом кавалерийской форме. Лицо не изменилось, если не считать бледности — очевидного свидетельства пассивного образа жизни, столь странного для человека, одержимого верховой ездой.

Первым делом пришлось преодолеть инстинктивное нежелание оказаться рядом.

— Подполковник Фенвик, — приветствовал Кристофер и по привычке едва не отдал честь. Правда, вовремя сдержался и протянул руку для пожатия. Как и следовало ожидать, прикосновение холодной влажной ладони вызвало мерзкое ощущение.

— Фелан. — Фенвик неловко отошел в сторону, уступая дорогу. — Может быть, войдете?

Кристофер не спешил последовать приглашению.

— Внизу две гостиных и пивная.

Фенвик сдержанно улыбнулся.

— К сожалению, старые раны все еще дают о себе знать. Лестница — серьезное препятствие для инвалида. Вынужден просить об одолжении побеседовать здесь, в комнате. — Он выглядел смущенным, даже расстроенным.

Немного успокоившись, Кристофер переступил порог.

Как и все номера гостиницы, комната оказалась просторной, чистой и не перегруженной мебелью. Фенвик сделал несколько шагов, и сразу стало ясно, что левая нога не гнется и плохо

подчиняется.

— Присаживайтесь, — пригласил он. — Благодарю за то, что не отказались прийти. Я бы, конечно, нанес еще один визит, но чрезвычайно рад возможности избежать усилий и напряжения. — Он поморщился. — В последнее время боль обострилась. Доктора уверяли, что ногу удалось сохранить чудом, но я нередко спрашиваю себя, не проще ли было бы обойтись без нее...

Кристофер ждал, когда подполковник перейдет к делу, но, почувствовав, что собеседник спешить не намерен, не слишком вежливо перебил:

— Вы приехали сюда не просто так.

— Вижу, терпения у вас поубавилось, — покачал головой Фенвик. — Что же случилось со снайпером, известным способностью неподвижно выжидать часами?

— Война закончилась, и мирная жизнь принесла с собой более интересные занятия.

— Речь, несомненно, идет о молодой жене. Примите поздравления. Что же за удивительная женщина сумела покорить сердце самого прославленного воина Англии?

— Та, которой нет дела до наград и почестей.

Фенвик даже не пытался скрыть недоверия.

— Разве такое возможно? Супруга бессмертного героя не может не ценить наград.

Кристофер посмотрел вопросительно.

— Что, простите?

— Вас будут помнить десятилетия, а то и века. Только не говорите, что данный факт не тешит тщеславия.

Пристально глядя на собеседника, Кристофер слегка покачал головой.

— В моей семье существует древняя традиция воинской чести, — продолжал Фенвик. — Я знал, что достигну наивысших почестей и заслужу вечную память. Никто не интересуется предками, прожившими мелкую, незаметную жизнь; они остаются лишь мужьями и отцами, добрыми рачительными хозяевами, верными друзьями. Эти безымянные ничтожества никому не нужны. А героев войны почитают и помнят вечно. — Болезненное лицо горько сморщилось, подобно коже переспелого апельсина. — Крест Виктории! Да о подобной награде я мечтал всю жизнь!

— О раскрашенном кусочке металла весом в пол-унции? — скептически уточнил Кристофер.

— Оставь свой высокомерный тон, самонадеянный осел. — Странно, но, несмотря на исполненные желчи слова, Фенвик оставался невозмутимо спокойным. — С самого начала было ясно, что ты не больше, чем пустоголовый хлыщ. Красивая начинка для мундира. И все же тебе крупно повезло: досталось одно ценное качество — умение стрелять. Потому-то тебя взяли в Стрелковую бригаду и каким-то чудом сумели превратить в бесстрашного воина. Читая первые донесения, я даже подумал, что рядом сражается еще один Фелан. Да-да, тот, о ком постоянно сообщалось, был настоящим солдатом, а ты не подавал особых надежд.

— Я доказал обратное у Инкермана, — негромко вставил Кристофер.

Фенвик улыбнулся так, словно стоял в стороне от жизни и ясно видел ее бесконечную иронию.

— Да, ты меня спас и за это удостоен высшей военной награды королевства.

— Награда мне не нужна.

— Тем хуже. Меня отправили домой, а ты превратился в прославленного героя и захватил все, что должно было принадлежать мне. Громкое имя останется в истории, а тебе и дела нет. Если бы я умер там, на поле, то на меня хотя бы обратили внимание. Но ты отнял даже эту малость, а в процессе еще и предал лучшего друга, который доверял тебе всей душой. Да, оставил лейтенанта Беннета умирать в одиночестве, — Он зорко наблюдал за Кристофером, пытаясь уловить реакцию.

— Если бы страшный день повторился, то и сейчас я сделал бы тот же выбор, — бесстрастно произнес Кристофер.

Поверить утверждению Фенвик не мог.

— Неужели считаете, что я вытащил вас с поля боя ради вашего или своего блага?! — возмущенно воскликнул Кристофер. — Неужели верите, что заботился о вас и одновременно думал о какой-то награде?

— В таком случае... в чем же дело?

— Марк Беннет умирал! — яростно выпалил Кристофер. — А вашу жизнь еще можно было спасти. Среди смертельной бури кто-то должен был выжить, и если судьба выбрала вас, значит, так и должно было случиться.

Фенвик долго молчал, обдумывая услышанное, а потом посмотрел странным взглядом и улыбнулся так, что у Кристофера волосы встали дыбом.

— Рана Беннета оказалась не столь страшной, как можно было подумать. Во всяком случае, далеко не смертельной.

Кристофер окаменел: смысл сказанного таинственным образом ускользал. Но через секунду он вздрогнул, пришел в себя и снова сосредоточился на словах собеседника.

— Несчастливого нашли двое русских гусар и взяли в плен, — продолжал Фенвик. — Опытный хирург сделал все, что мог, и раненого отправили в лагерь для военнопленных, в глубокий тыл. Да, пришлось вынести немало невзгод, пережить голод, а потом и тяжелый подневольный труд. Лейтенант Беннет несколько раз пытался бежать, и в конце концов ему удалось вырваться на свободу и пробраться на дружественную территорию. А примерно две недели назад он вернулся в Лондон.

Кристофер боялся верить собственным ушам. Неужели чудесная история правдива? Спокойно, только спокойно... мысли путались. Дрожь во всем теле удавалось сдерживать лишь предельным усилием воли — если руки начнут трястись, скрыть полуобморочное состояние уже не удастся.

— Но почему же Беннета не освободили во время обмена пленными в конце войны? — услышал он далекий голос и с удивлением понял, что говорит сам.

— По слухам, русские пытались выручить за его освобождение крупную сумму, а также продовольствие и оружие. Подозреваю, что на допросе лейтенант признался, что является наследником крупной судовладельческой компании. Как бы там ни было, а переговоры продвигались с трудом и держались в строжайшем секрете от всех, кроме высших чинов военного ведомства.

— К черту всех этих негодяев! — в бессильной ярости воскликнул Кристофер. — Я бы спас его, если бы знал...

— Несомненно, — сухо согласился Фенвик. — Тем не менее, как ни трудно в это поверить, проблема разрешилась и без твоего героического участия.

— Где он сейчас? В каком состоянии?

— Справедливый вопрос. Именно поэтому я и приехал сюда: чтобы предупредить тебя и больше не чувствовать себя должником.

Кристофер стоял, сжав кулаки.

— Предупредить о чем?

— О том, что лейтенант Беннет не в своем уме. Доктор, сопровождавший больного во время морского путешествия, рекомендовал закрытый режим; проще говоря, сумасшедший дом. Вот почему о возвращении восставшего из мертвых газеты не написали ни слова. Родственники пытаются сохранить тайну. Сумасшедшего отправили домой, в Бакингемшир, но вскоре он исчез, не сказав никому ни слова. В настоящее время местонахождение лейтенанта неизвестно. Считаю необходимым предупредить, потому что, по словам родных, во всех своих злоключениях Беннет винит тебя. — На холодном лице появилась ядовитая, похожая на трещину во льду улыбка. — Что за коллизия! Получить награду за спасение человека, который тебя презирает, и пасть от руки друга, которого должен был бы спасти. Советую разыскать мстителя прежде, чем он нападет на твой след.

Не сказав ни слова, Кристофер вышел из комнаты и быстро зашагал по коридору. Где правда? Считать ли слова Фенвика бесстыдной манипуляцией, или Марк действительно не выдержал испытаний и тронулся умом? Если так, то что же довелось пережить некогда веселому, дружелюбному парню? Воспоминания о добродушном, компанейском товарище никак не соответствовали мрачному рассказу подполковника.

Черт возьми... если Беннет действительно его разыскивает, то найти Фелан-Хаус не составит труда.

В сердце поселился новый страх — столь острой и пронзительной тревоги он не испытывал еще ни разу в жизни. Беатрикс в опасности; необходимо срочно ее защитить. Ничто в мире не могло сравниться с первостепенной по важности задачей. С тяжело бьющимся сердцем Кристофер спустился по лестнице: в ритме шагов повторялось имя любимой.

Мистер Полфримен стоял у входа.

— Кружку пива на дорожку? — жизнерадостно предложил он. — Счастлив угостить величайшего героя Англии.

— Нет. Спешу.

Хозяин гостиницы озабоченно вытянул руку.

— Эй, капитан Фелан, в зале есть хороший стол. Присядьте, отдохните. Что-то вы неважно выглядите. Принесу отличного бренди или рома. Настроение вмиг поднимется.

Кристофер покачал головой:

— Нет времени.

Времени действительно не было. Он выбежал на улицу. Небо опустилось еще ниже, ветер усилился, а темные, цвета ночного кошмара облака окончательно поглотили мир.

Он помчался домой, а в ушах неумолчно раздавались крики раненых, болезненные стоны, бесконечные просьбы о помощи. Беннет жив... разве это возможно? Кристофер собственными глазами видел страшную рану в разорванной в клочья груди — с подобным ужасом приходилось сталкиваться и раньше. Казалось, избавление могла принести лишь смерть. Но что, если каким-то чудом?..

Недалеко от дома он увидел, как из леса выскочил Альберт, а следом показалась стройная фигура Беатрикс. Она возвращалась из Рамзи-Хауса. Порыв ветра подхватил полы пурпурного плаща, и плотная ткань надулась, словно парус. Шляпа улетела, Альберт бросился вдогонку, и Беатрикс звонко рассмеялась. Увидела на дороге Кристофера и радостно помахала в знак приветствия.

Паника мгновенно улетучилась, а на смену пришло чувство облегчения. Тьма постепенно рассеивалась. Слава Богу, Беатрикс рядом, в безопасности. Она здесь, прекрасна и полна жизни, и он готов охранять ее каждый миг, дарить любовь и заботу. Все, о чем попросит любимая жена — самые тяжкие воспоминания, самые интимные откровения, — он даст сразу и безоговорочно. Сейчас все казалось легким — сила чувства сметала любые препятствия.

Кристофер придержал коня.

— Беатрикс! — Ветер подхватил имя и унес вдаль.

Она продолжала смеяться и остановилась, чтобы дожидаться, когда он подъедет; распущенные волосы свободно развевались.

Внезапно голову пронзила острая боль, а в следующее мгновение донесся резкий звук. Знакомый сухой щелчок... разве можно забыть? Выстрелы, свист пуль, разрывы снарядов, крики людей, испуганное ржание коней...

Кристофер закачался и начал медленно сползать с седла. Звуки и образы смешались, перепутались. Куда он падает, вверх или вниз? Удар, дыхание сбилось, а по лицу к уху потекло что-то горячее.

Еще один кошмар. Надо немедленно проснуться, прийти в себя, отдышаться. Но странно, Беатрикс почему-то тоже оказалась здесь, в этом страшном сне — бежала и плакала. И Альберт мчался с яростным лаем.

Легкие с трудом ловили воздух, сердце прыгало, как выброшенная из воды рыба. Беатрикс упала рядом на колени — так стремительно, что синяя юбка надулась и колоколом накрыла землю, — осторожно приподняла его голову и положила к себе на колени.

— Кристофер, позволь... о Боже...

Альберт захлебнулся лаем, а потом грозно зарычал. Секундная пауза, и на смену устрашающим звукам пришел жалобный протяжный вой.

Кристофер с трудом поднялся и сел. Рукавом стер с виска кровь. Прищурился и в нескольких ярдах от себя рассмотрел костлявую фигуру изможденного человека в небрежной, потрепанной одежде. В руках он держал какой-то длинный темный предмет.

Мозг мгновенно оценил оружие. Револьвер. Пять зарядов. Принят на вооружение в британской армии.

Даже не взглянув в лицо, Кристофер понял, кто перед ним.

Беннет.

Глава 27

Беатрикс попыталась загородить собой мужа, однако Кристофер с неожиданной силой оттолкнул ее за спину. Тяжело дыша от волнения и страха, она выглянула из-за плеча.

Человек был одет в гражданский костюм. Грязный сюртук неопрятно висел на истощенной, напоминающей скелет фигуре. Высокий, крупного сложения, он выглядел так, словно много месяцев не спал и не ел. Густые длинные волосы свисали грязными космами, а лихорадочные, безумные глаза выдавали сумасшедшего. И все же даже сейчас нетрудно было заметить, что когда-то он был красавцем. Когда-то. В эту минуту на лужайке перед домом стоял измученный, больной, потерянный и несчастный человек — совсем молодой, но с лицом старика и глазами призрака.

— Восстал из мертвых, — хрипло произнес Беннет. — Такого чуда ты не ожидал, правда?

— Беннет... Марк, — заговорил Кристофер, и Беатрикс почувствовала, как он дрожит. — Я ведь ничего не знал о твоей судьбе.

— Разумеется. — Револьвер дрогнул. — Был слишком занят спасением Фенвика.

— Отложи ты, ради всего святого, эту штуку. Я... тише, Альберт... я едва не умер, когда пришлось тебя оставить.

— Но все-таки оставил и обрек на адские муки. Я гнил и умирал с голоду, пока ты сиял в лучах славы. Предатель! Сволочь! — Он направил пистолет в грудь сидящего на земле Кристофера. Беатрикс судорожно втянула воздух и еще крепче прижалась к спине мужа.

— Выхода не было, первым пришлось вытаскивать Фенвика. — Кристофер говорил спокойно, хотя сердце бешено колотилось.

— Не ври. Лучше признайся, что мечтал о награде за спасение старшего по рангу.

— Ничего подобного. Просто решил, что тебе пришел конец. А если бы русские схватили Фенвика, то вытянули бы все важные сведения. Он слишком много знал.

— Значит, надо было его пристрелить, а меня вынести.

— С ума сошел! — не выдержал Кристофер. Вряд ли стоило говорить подобное полубезумному да к тому же вооруженному страдальцу, но винить мужа Беатрикс не могла. — Хладнокровно убить беззащитного, неспособного подняться человека? Ни за что на свете, даже если этот человек — Фенвик. Если хочешь прикончить, не сомневайся. Действуй! Стреляй и катись ко всем чертям! Но если тронешь хотя бы волосок на голове жены, учти — утащу в ад следом за собой. То же самое относится и к Альберту; защищая тебя, он сам едва не погиб.

— Альберта там не было.

— Я оставил его возле тебя. Когда я вернулся, он истекал кровью от штыковой раны, ухо висело на волоске. А ты исчез.

Беннет прищурился и посмотрел так, что стало ясно: злобной уверенности у него поубавилось. А потом страшный незнакомец удивил Беатрикс: присел на корточки и поманил собаку.

— Иди сюда, парнишка.

Альберт не шелохнулся.

— Он отлично знает, чем грозит оружие, — услышала Беатрикс голос мужа. — Он не пойдет, пока не увидит, что руки свободны.

Беннет растерялся. Медленно отложил револьвер в сторону и снова позвал:

— Иди сюда.

Альберт испуганно заскулил.

— Иди, не бойся, — тихо подбодрил Кристофер.

Терьер подошел с опаской, слегка помахивая хвостом.

Беннет погладил лохматую голову, почесал за ушами. Шумно дыша, Альберт лизнул ему руку.

Сидя за спиной мужа, Беатрикс поняла, что самое страшное уже позади.

— Да, Альберт был рядом, — произнес Беннет изменившимся голосом. — Помню, как он лизал лицо.

— Неужели думаешь, что я оставил бы собаку, если бы не собирался немедленно вернуться? — требовательно произнес Кристофер.

— Какая разница? Окажись я на твоём месте, застрелил бы Фенвика и спас бы тебя.

— Ничего подобного.

— Застрелил бы, — неуверенно повторил Беннет, — потому что не страдаю паршивым благородством. — Он сел на землю и уткнулся лицом в густую лохматую шерсть. Голос зазвучал приглушенно: — Хотя бы прикончил меня из жалости, прежде чем уйти.

— Я этого не сделал, и ты выжил.

— Жизнь досталась дорогой ценой. Если бы ты знал, через какие муки пришлось пройти! Все равно не смогу тащить за собой этот груз. — Беннет поднял голову и посмотрел на револьвер.

Но прежде чем он успел протянуть руку, Беатрикс негромко скомандовала:

— Взять, Альберт.

Пес мгновенно схватил пистолет и принес хозяйке.

— Вот молодец. — Она осторожно приняла оружие и ласково потрепала спасителя по голове.

Беннет закрыл руками лицо — эту бессильную позу Беатрикс знала очень хорошо — и издал несколько нечленораздельных звуков.

Кристофер встал, подошел к товарищу, опустился рядом на колени и положил руку на спину.

— Послушай меня. Ты не один, а с близкими друзьями. Черт возьми, Беннет... пойдём в дом. Расскажешь обо всем, что вытерпел. А я внимательно выслушаю, и потом вместе решим, что делать дальше и как жить с такими воспоминаниями. Прости за то, что не смог помочь в тяжкую минуту, и позволь поддержать сейчас.

* * *

Они привели Беннета домой, и несчастный сразу обессилел: сказались изнеможение, голод и нервное напряжение. Прежде чем Кристофер успел отдать распоряжения, миссис Клокер трезво оценила ситуацию и безотлагательно приняла меры. В этом доме привыкли к болезням и отлично знали, что надо делать, когда человеку плохо. Не прошло и получаса, как все было готово: горячая ванна, удобная спальня, поднос с простой и сытной едой. А после того как гостя привели в порядок и накормили, миссис Клокер напоила его тонизирующим средством и настойкой опия.

Кристофер подошел к постели и посмотрел на засыпающего друга. Страдания изменили и тело, и душу, но Марк непременно станет прежним. Уж об этом-то он позаботится.

Надежда и неожиданно появившаяся цель родили неведомое, хрупкое чувство очищения. Беннет жив, а это означает, что одним грехом на душе стало меньше.

Марк приоткрыл тусклые, подернутые туманом глаза.

— Останешься у нас надолго, до тех пор, пока окончательно не окрепнешь, — негромко, но настойчиво произнес Кристофер. — Обещай, что не попытаешься убежать.

— Некуда бежать, — пробормотал Беннет и погрузился в целительный сон.

Кристофер вышел, плотно закрыл за собой дверь и направился в противоположное крыло дома.

По холлу беззаботно разгуливала Медуза. Увидев нового хозяина, она остановилась и дружелюбно фыркнула. Кристофер покачал головой, наклонился и взял ежиху так, как учила Беатрикс: двумя руками под живот. Иголки естественным образом улеглись, и он осторожно повернул зверюшку мордочкой к себе. Ежиха ничуть не испугалась: сверкая черными круглыми глазками, улыбалась так, как всегда улыбаются ежи.

— Медуза, — проникновенно заговорил капитан Фелан, — не советую вылезать по ночам из вольера. Вдруг кто-нибудь из горничных тебя найдет? Окажешься на кухне и будешь служить щеткой для кастрюль. — Он отнес ежиху наверх и посадил в вольер.

По дороге в комнату жены пришли мысли о том, что Беннета она восприняла как очередное больное, несчастное существо и, несмотря на нелепый и опасный выстрел, не задумываясь пригласила в дом. В этом поступке вся Беатрикс — ожидать от нее иного поведения было бы ошибкой.

Тихо открыв дверь, он увидел любимую сидящей за туалетным столом: она сосредоточенно обтачивала ногти на единственной передней лапе Счастливицы. Кошка снисходительно наблюдала за процедурой и лениво постукивала хвостом.

— Держись подальше от диванных подушек, — выговаривала хозяйка, — иначе миссис Клокер оторвет головы нам обеим.

Кристофер застыл, не в силах отвести глаз от стройной, элегантной фигуры: в свете лампы тонкая муслиновая сорочка просвечивала насквозь.

Увидев мужа, Беатрикс тут же встала и подошла с легкой естественной грацией, о которой и не подозревала.

— Голова болит? — Она осторожно дотронулась до забинтованной головы. Остаток дня и вечер прошли в суете вокруг Беннета, так что поговорить наедине до сих пор не удалось.

Кристофер наклонился и нежно поцеловал жену в губы.

— Нет. Как известно, от твердой поверхности пули отскакивают.

Она провела ладонью по щеке.

— А как прошел разговор с подполковником Фенвиком? Он тоже пытался тебя пристрелить?

Кристофер покачал головой:

— Нет, эта привилегия принадлежит друзьям.

Беатрикс улыбнулась и снова взглянула серьезно.

— Лейтенант Беннет вовсе не сумасшедший. Время и спокойная жизнь обязательно его вылечат.

— Надеюсь.

Она посмотрела в глаза.

— Вiniшь себя, да?

Он кивнул.

— Тогда я принял единственно верное решение, но, даже сознавая собственную правоту, трудно смириться с последствиями.

Беатрикс на миг задумалась, а потом подошла к туалетному столу и открыла ящик.

— Давно собираюсь передать тебе кое-что важное. — Она покопалась в бумагах и достала сложенный листок. — Возьми это письмо.

Кристофер недоуменно улыбнулся:

— От тебя?

Она покачала головой:

— От брата. Джон написал перед смертью. Одри считала, что тебе опасно его читать, но теперь, кажется, время пришло.

Кристофер не взял письмо; вместо этого заключил жену в объятия, собрал длинные, рассыпанные по плечам темные волосы и провел кончиками себе по щеке.

— Прочитай вслух.

Они подошли к кровати и сели рядом. Кристофер внимательно наблюдал, как Беатрикс развернула листок и начала читать:

«Дорогой Кристофер. Кажется, судьба отвела мне меньший срок, чем я надеялся. Признаюсь, удивлен краткостью жизни. Сейчас, вспоминая, понимаю, что слишком много времени потратил впустую, а на то, что важно, не обращал внимания. Но в то же время вижу, что оказался намного счастливее других. Думаю, нет необходимости просить тебя присмотреть за Одри и мамой: ты и сам это сделаешь в той степени, в какой они позволят.

Если читаешь эти строки, значит, вернулся с войны и оказался перед ответственностью, о которой не думал и к которой не готовился. Позволь дать несколько советов. Всю жизнь я наблюдал за тобой: беспокойная натура не позволяет найти удовлетворения ни в чем. Тех, кого любишь, возводишь на пьедестал, и они неизбежно разочаровывают. Примерно так же относишься и к себе. Дорогой брат, поверь: ты — собственный злейший враг. Если перестанешь искать и в себе, и в других невозможное совершенство, то обретешь счастье, которое так упорно обходит тебя стороной.

Прости меня за то, что не смог выжить. А себя прости за то, что выжил.

Каждому свое, так что старайся не тратить попусту ни единого дня.

Джон».

Кристофер долго молчал, пытаясь справиться с чувствами. Так похоже на брата: знакомый любящий, чуть снисходительный и наставительный тон.

— До чего же не хватает Джона, — наконец прошептал он. — Никто не знал меня лучше и не понимал глубже.

— Он знал тебя прежним, — возразила Беатрикс. — Но теперь ты изменился. Уже не ожидаешь совершенства. Как иначе объяснить чувство ко мне?

Кристофер приподнял ладонями дорогое лицо.

— Ты и есть мой идеал совершенства, Беатрикс Элоиза.

Она заглянула в грустные глаза.

— Ты простил себя? — спросила шепотом. — За то, что выжил?

— Пытаюсь. — Близость теплого, едва прикрытого сорочкой тела оказалась слишком серьезным испытанием. Он придержал голову и поцеловал в шею; любимая вздрогнула. Неторопливо раздел ее, хотя вожделение требовало немедленного обладания. Тело болело от страстного напряжения, и все же он не позволил себе резких, а тем более грубых движений. Руки повторяли то, что минуту назад выразили слова. Создавали, творили любовь, дарили неповторимые впечатления. Чувство превратилось в движение, а движение воплотилось в наслаждение.

Он запустил пальцы в блестящий шелк волос, накрыл рот поцелуем и вошел в теплую глубину. Она попыталась пошевелиться, однако он держал крепко и наполнял удовольствием до тех пор, пока каждое дыхание не превратилось в стон, а дрожь не стала явной.

Беатрикс прогнулась и прижалась, чтобы оказаться ближе. Ногти впились в спину, однако ощущение доставляло лишь удовольствие, а потерянное, недоуменное выражение на лице любимой казалось лучшей наградой. Ритмы ее тела слились в единое устремление, жемчужная кожа покрылась акварельным румянцем. Но, даже несмотря на собственный ненасытный голод, он не хотел завершения и мучительным усилием сохранял неподвижность.

Она подтолкнула его бедрами и вскрикнула:

— Пожалуйста, Кристофер...

— Тише... — Он прижал ее к постели, провел губами по шее, груди. Сжал твердую вершинку, принялся ласкать языком и зубами, оставляя влажный теплый след. Она издала гортанный звук, а интимные мышцы сжались в беспомощном стремлении обладать. Он подчинился, начал двигаться в такт и позволил отвечать при каждом отступлении. — Смотри на меня, — приказал шепотом, и густые ресницы распахнулись подобно бархатному занавесу.

Кристофер приподнял ладонью ее голову, прижался губами к губам и вошел еще глубже. Она приняла его с радостью и крепче обвила руками и ногами, чтобы слиться в единое целое. Он ускорил ритм, перестал сдерживаться, и томительная страсть воплотилась в безудержную и безжалостную скачку. Беатрикс содрогнулась, и влажная плоть с силой сжалась в бесконечном облегчении.

Некоторое время оба оставались в отрешенной неподвижности. Кристофер уступил чувству удовлетворенного блаженства и лишь слегка поглаживал возлюбленную — уже не призывно и требовательно, а благоговейно. Она потянулась и, ловко изменив положение, оказалась сверху. Стройные бедра прижали ноги, рука легла на плечо. Беатрикс склонила голову и уткнулась лицом в грудь. Кристофер не шевелился: чувственные игры казались самой дорогой наградой.

Когда они наконец встали с постели, головы у обоих слегка кружились. Кристофер искупал жену, старательно вытер пушистым полотенцем и даже расчесал волосы. Потом сам залез в ванну, а она принесла ему халат и села рядом, чтобы время от времени наклоняться и украдкой целовать все, к чему позволяла прикоснуться вода. Они придумали свои неповторимые ласки. Маленькие тайны ничего не значили и в то же время создавали волшебный мир; влюбленные собирали их, как собирали слова и воспоминания, чтобы сохранить на всю жизнь.

Беатрикс выключила все лампы, кроме той, что стояла возле кровати на ночном столике.

— Пора спать.

Кристофер направился к двери, но остановился на пороге и обернулся: жена скользнула в

постель и легла, привычным жестом собрав волосы на одно плечо. Она посмотрела уже знакомым взглядом, терпеливым и в то же время ободряющим, взглядом Беатрикс.

Рядом с такой женщиной целой жизни казалось мало.

Кристофер глубоко вздохнул и принял нелегкое решение.

— Выбираю левую сторону, — заявил он и задул последнюю лампу.

Лег рядом и крепко обнял свое сокровище. До самого утра они проспали вместе.

Эпилог

26 июня 1857 года

Гайд-парк, Лондон

Вместе с товарищами по Стрелковой бригаде Кристофер стоял на обширной площади в северной части Гайд-парка. Пространство шириной в полмили и длиной в три четверти мили вмещало девять тысяч солдат и офицеров, представителей разных родов войск. Здесь были моряки, драгуны, стрелки, гусары, лейб-гвардейцы, бойцы шотландского полка. Солнце сияло в позолоте мундиров и отражалось в многочисленных наградах. Утро выдалось жарким и безветренным. Сотню тысяч зрителей, собравшихся на первую в истории Англии церемонию вручения высшей военной награды Креста Виктории, ожидало серьезное испытание на выносливость.

Военные в парадных мундирах уже страдали — кто от зноя, кто от зависти.

— У нас самая ужасная форма во всем королевстве, — проворчал один из стрелков и бросил ревнивый взгляд на блестящие мундиры стоявших неподалеку гусаров. — Ненавижу этот мрачный темно-зеленый цвет, да еще и с черной отделкой в придачу.

— Хорош ты был бы, пробираясь впереди основного отряда в красном кителе с золотыми позументами, — язвительно отозвался один из товарищей. — Недолго продержался бы, русские в два счета отстрелили бы задницу.

— Ну и черт с ней! Зато женщины любят красные мундиры.

— Значит, женщины для тебя важнее собственной задницы?

— А для тебя разве нет?

Ответом послужило красноречивое молчание.

Кристофер улыбнулся и посмотрел на огороженное пространство возле Гросвенор-сквер, где сидели семь тысяч счастливых обладателей пригласительных билетов. Здесь собрались все близкие: семейство Хатауэев в полном составе, почтенный лорд Аннандейл, Одри и несколько кузенов. После пышной до нелепости церемонии капитану Фелану вместе с многочисленной родней предстояло вернуться в отель «Ратледж», где ожидался частный обед с плавным переходом в веселое празднование, причем Гарри Ратледж намекал на какое-то особое развлечение. Зная буйную фантазию хозяина роскошной гостиницы, можно было

предположить все, что угодно, от оперного трио до танцующих обезьян. Ясно было одно: Хатауэи приехали в Лондон в полном составе, так что скучать не придется.

На парадном обеде ждали еще одного гостя. Марк Беннет продал патент на офицерский чин и готовился взять в свои руки управление семейным корабельным бизнесом. На реабилитацию после ужасных военных травм — и физических, и моральных — ушло несколько месяцев, причем процесс до сих пор не завершился. Долгий отдых в Фелан-Хаусе пошел на пользу: Беннет постепенно возвращался к нормальной жизни, и расшатанная психика медленно, но верно восстанавливалась. Процесс оказался трудным и болезненным, однако с помощью верных друзей удалось преодолеть все препятствия на пути к выздоровлению.

Марк все больше напоминал того остроумного, отчаянного повесу, которым был до войны. Долгие верховые прогулки по просторам Гемпшира помогли вернуть интерес к жизни, бодрость, здоровый цвет лица и упругость мускулов. Даже после возвращения в фамильное поместье в графстве Глостершир Беннет регулярно навещал супругов Фелан в Ривертоне. Случилось так, что во время одного из визитов он встретил Одри: любимая родственница приехала погостить на пару недель.

Реакция молодой вдовы на высокого темноволосого отставного военного оказалась более чем странной. Кристофер не мог понять, с какой стати его общительная, жизнерадостная невестка в присутствии Беннета мгновенно смушалась и едва ли не теряла дар речи.

— Дело в том, что Марк — тигр, а Одри — лебедь, — по секрету пояснила всезнающая Беатрикс. — Тигры всегда приводят лебедей в замешательство. Она находит твоего приятеля чрезвычайно привлекательным, но считает неподходящим для близкого знакомства.

Беннет, в свою очередь, даже не пытался скрывать симпатии к Одри, однако стоило сделать попытку к сближению, как она тут же замыкалась и уходила в себя.

И вдруг все внезапно изменилось: вежливое, но отстраненное общение стремительно переросло в тесную дружбу. Молодые люди вместе осматривали окрестности, совершали долгие верховые прогулки, а когда расставались, вели активную переписку. В Лондоне их часто видели вместе.

Теряясь в догадках, Кристофер прямо спросил друга, что помогло изменить некогда столь напряженные отношения.

— Ничего особенного: я всего лишь сказал, что старые раны привели к импотенции, — пожал плечами Беннет. — Она сразу успокоилась.

Пораженный ответом, Кристофер не удержался:

— И это правда?

— Черт возьми, конечно же, нет! — возмутился Марк. — Но что же было делать? Пришлось немного схитрить, чтобы Одри не шарахалась от меня, как от огня. Представляешь, помогло.

Кристофер саркастически усмехнулся:

— Ну а признаться во лжи ты когда-нибудь намерен?

В глазах Беннета сверкнули озорные искры.

— Скоро позволю ей меня вылечить, — лаконично сообщил он, однако, заметив на лице друга осуждение, поспешил заверить в исключительном благородстве намерений.

О лучшей партии трудно было и мечтать. Кристофер не сомневался, что брат одобрил бы выбор.

Прозвучал королевский салют, загрохотали пушки, объявляя об открытии торжества. Затем под звуки национального гимна начался смотр войск; стоящие на площади полки склонили знамена и представили оружие. Королевский кортеж медленно ехал вдоль рядов. Приняв парад, королева в сопровождении приближенных и эскадрона кавалерийской королевской гвардии направилась к центральной галерее, чтобы занять место между законодателями и дипломатическим корпусом.

К всеобщему удивлению, ее величество не спешила на специально построенном возвышении, а осталась в седле. Она решила вручать Кресты Виктории, сидя верхом. Слева от королевы остановился супруг, принц-консорт.

Все представленные к высокой награде шестьдесят два героя поднялись на помост. Как и многие другие, Кристофер явился на церемонию в гражданском костюме, оставив звания и регалии военному времени. Но в отличие от остальных он крепко сжимал в руке поводок — собака прибыла на церемонию вместе с хозяином. Без объяснения причин капитану Фелану было предписано взять с собой боевого товарища. Стоявшие вокруг стрелки дружелюбно ободряли Альберта:

— Будь молодцом, парень!

— Ты уж постарайся!

— Смотри не опозорься перед королевой!

— Весь этот шум в твою честь, Альберт, — добавил кто-то, и бойцы добродушно рассмеялись.

Смерив товарищей суровым взглядом, который их лишь позабавил, Кристофер повел терьера на встречу с ее величеством.

Королева Виктория оказалась еще ниже ростом и полнее, чем представлялось капитану Фелану. Лицо с орлиным носом, с очень слабым, почти отсутствующим подбородком и с пронзительными глазами трудно было назвать гармоничным. На торжественной церемонии королева присутствовала в красном костюме для верховой езды, с генеральской лентой через плечо и с генеральским плюмажем из красных и белых перьев на шляпе. В знак траура по погибшим рукав был обвязан черной креповой лентой. Сидя верхом возле помоста, она оказалась на одном уровне с теми, кого предстояло награждать.

Кристофер с благодарностью отметил деловую атмосферу события. Представленные к награде герои по одному подходили к ее величеству и останавливались для представления. Королева прикрепляла на грудь бронзовый крест с красной ленточкой, и свежего кавалера немедленно уводили в сторону. С подобной оперативностью процесс обещал закончиться не позже чем через четверть часа.

Как только на помост вышли Кристофер и Альберт, в толпе зрителей поднялся оглушительный шум: с каждой секундой приветственные крики становились все громче и настойчивее. Кристофер смутился: он считал, что не заслужил особых почестей; каждый из представленных к высокой награде бойцов проявил отвагу и благородство. И все же стройные ряды военных

ликовали не меньше зрителей. Альберт с опаской посмотрел на хозяина и на всякий случай прижался к ноге.

— Не бойся, парень, — успокоил Кристофер.

Королева с любопытством рассматривала необычную пару.

— Капитан Фелан, — заговорила она, — энтузиазм наших подданных делает вам честь.

— Честь принадлежит всем солдатам, сражавшимся в рядах армии вашего величества и родным, которые ждали их возвращения.

— Красиво и скромно сказано, капитан. — В углах губ появились выразительные ямочки. — Подойдите.

Он подчинился, и королева склонилась, чтобы приколоть к сюртуку крест. Кристофер собрался уйти, однако Виктория подняла руку.

— Задержитесь. — Она посмотрела на собаку, которая сидела неподвижно и с любопытством следила за происходящим, слегка склонив лохматую голову. — Как зовут вашего спутника, капитан?

— Альберт, ваше величество.

Губы королевы дрогнули в улыбке, и она бегло взглянула влево, на принца-консорта. — Нам сообщили, что терьер участвовал в военных действиях в Инкермане и Севастополе.

— Совершенно верно, ваше величество. Альберт выполнил немало сложных и опасных поручений и сохранил жизнь многим боевым товарищам. Крест на моей груди принадлежит и ему тоже: он помог спасти раненого офицера.

Генерал, подававший королеве награды, подошел со странным предметом в руках. Что это? Он очень похож на... собачий ошейник?

— Подойди, Альберт, — приказала Виктория.

Пес немедленно послушался и сел на краю помоста. Королеве пришлось склониться немного ниже, чтобы надеть кожаную ленту. Ловкость, с которой было совершено действие, свидетельствовала о наличии определенного опыта. Кристофер вспомнил, что королева и сама держала нескольких собак, а всем породам предпочитала колли.

— На этом ошейнике, — пояснила она Альберту, словно терьер мог понять, — выгравированы название полка и его боевые отличия. Серебряную застежку мы прибавили для напоминания о доблести и преданной службе.

Альберт терпеливо дождался, пока королева застегнула замок, а потом лизнул пухлую руку.

— Ах ты, хулиган, — укоризненно прошептала Виктория и, не удержавшись, погладила пса по голове. Быстро, с улыбкой взглянула на Кристофера, и пара удалилась, чтобы уступить место следующему претенденту на почести.

— Альберт, друг королевской семьи. — Через некоторое время в лучшем номере отеля «Ратледж» Беатрикс со смехом уселась на пол, чтобы рассмотреть почетную награду. — Надеюсь, ты не возомнишь о себе и не начнешь важничать?

— В вашей семье с ним ничего подобного не случится, — заверил Кристофер, снимая сюртук и жилет и нетерпеливо сдергивая удушающий шейный платок. Он улегся на диван и с удовольствием ощутил прохладу просторной комнаты, а Альберт как ни в чем не бывало направился к миске с водой и принялся шумно лакать.

Беатрикс подошла к мужу, легла сверху и положила ладони на грудь.

— Я так гордилась тобой сегодня, — с улыбкой призналась она. — И, честно говоря, собой тоже — совсем чуть-чуть. Ведь столько женщин вздыхает по тебе, а домой после церемонии ты повез меня!

Кристофер лукаво поднял бровь.

— Совсем чуть-чуть?

— Ну хорошо, признаюсь честно: едва не лопнула от гордости. — Она пригладила его непослушные густые волосы. — Теперь, когда с церемониями и почестями наконец покончено, хочу обсудить с тобой один важный вопрос.

Кристофер закрыл глаза: до чего же приятны ласки жены!

— Что ты скажешь, если у нас появится новый член семьи?

Вопрос ничуть не удивил его. С тех пор как супруги обосновались в Ривертоне, Беатрикс увеличила численность своего зверинца и активно участвовала во всевозможных благотворительных комитетах и сборах средств в защиту животных. Кроме того, она написала отчет о своих наблюдениях за флорой и фауной и представила работу на суд недавно созданного Лондонского общества естественной истории. Убедить солидных энтомологов, орнитологов и прочих натуралистов в необходимости принять в свои ряды красивую молодую леди оказалось совсем нетрудно. Единодушное одобрение еще больше возросло, когда выяснилось, что миссис Фелан способна часами рассуждать о способах миграции, периодах размножения и других вопросах, связанных с образом жизни и поведением животных. Было предложено включить Беатрикс в комитет по созданию нового музея естественной истории: от нее ждали оригинального, сугубо женского взгляда на различные аспекты нового многообещающего проекта.

Лежа с закрытыми глазами, Кристофер лениво улыбнулся:

— Что же на сей раз? Шерсть, перья или чешуя?

— Не первое, не второе и не третье.

— О Боже! Значит, какой-то экзотический зверь. Отлично, так откуда же явится это создание? Поедем за ним в Австралию? Исландию? А может быть, в Бразилию?

Беатрикс рассмеялась.

— Вообще-то создание уже здесь. Только увидишь ты его месяцев через... восемь, не раньше.

Кристофер открыл глаза. Любимая с улыбкой смотрела сверху вниз — смущенная, радостная и очень-очень гордая собой.

— Беатрикс. — Он осторожно перевернулся, так что жена оказалась внизу, и нежно провел

ладонью по щеке. — Уверена?

Она кивнула.

Уступив порыву, Кристофер принялся страстно целовать ее.

— Любовь моя... драгоценная девочка...

— Значит, ты об этом мечтал? — спросила она между поцелуями, хотя сама прекрасно знала ответ.

Кристофер посмотрел сквозь слезы радости и счастья, от которых все вокруг расплылось в сиянии.

— Еще как! Хотел больше всего на свете. Но разве я заслуживаю столь высокой награды?

Беатрикс обвила руками загорелую шею.

— Сейчас покажу, чего ты заслуживаешь, — пообещала она и снова приникла к теплым родным губам.